

ISSN 2949-1134

Вологодский институт права и экономики
Федеральной службы исполнения наказаний

Российский
центр научной
информации

«Белый список»

Всероссийский научно-практический журнал социальных и гуманитарных исследований

sgjournal.ru

№ 3 (22) / 2026

ISSN 2949-1134

Всероссийский научно-практический журнал социальных и гуманитарных исследований

№ 3 (22)

Вологда 2026

Издается с июля 2021 года

Выходит 4 раза в год

Учредитель:

Федеральное казенное образовательное учреждение высшего образования
«Вологодский институт права и экономики Федеральной службы исполнения наказаний»

Главный редактор:

В. Н. Некрасов

Все права защищены. Перепечатка материалов только с разрешения редакции журнала.
Авторские материалы рецензируются и не возвращаются. Редакция сохраняет за собой
право производить сокращения и редакционные изменения рукописи

Журнал включен в перечень рецензируемых научных изданий,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций
на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук
по научным специальностям: 5.3.5, 5.3.9, 5.7.1, 5.7.7, 5.8.1, 5.8.7

Журнал включен в Единый государственный перечень научных изданий – "Белый список",
отнесен к 4 уровню.

Дата выхода в свет: 30.09.2026

Журнал представлен на сайте в свободном бесплатном доступе
в полнотекстовом формате

Адрес редакции: 160002, г. Вологда, ул. Щетинина, 2
Телефоны: (8172) 51-46-12, (8172) 51-01-73, (8172) 51-98-70
E-mail: sgjournal@vipe.fsin.gov.ru

Сайт в информационно-телекоммуникационной сети Интернет: sgjournal.ru

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору
в сфере связи и массовых коммуникаций.

Регистрационный номер Эл № ФС77-81296 от 09.06.2021

© ВИПЭ ФСИН России, 2026

ISSN 2949-1134

All-Russian Research and Practice Journal of Studies in Social Sciences and Humanities

No. 3 (22)

Vologda 2026

Founded in July 2021

Issued four times a year

Founder:

Federal State-Financed Educational Institution of Higher Education
“Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service”
(VILE of the FPS of Russia)

Editor-in-Chief:

Vasilii N. Nekrasov

All rights reserved. Journal materials can be reprinted only with the permission of the publisher.

Manuscripts are reviewed and not returned to the authors. The editor reserves the right
to abridge and edit the manuscripts submitted

The journal is included in the List of peer-reviewed scientific publications,
in which the main scientific results of dissertations for the degree of PhD., for the degree of Dsc.
should be published of the following scientific specialties: 5.3.5, 5.3.9, 5.7.1, 5.7.7, 5.8.1, 5.8.7

The journal is included in the Unified State List of Scientific Publications – the “White List”. Level 4

Date of publication: September 30, 2026

The journal is available online and provides open
and free-of-charge access to its content in full-text format

Address of the editorial office:

2, Shchetinin street, Vologda, 160002, Russian Federation

Phones : (8172) 51-46-12, (8172) 51-01-73, (8172) 51-98-70

E - mail : sgjournal@vipe.fsin.gov.ru

Website: sgjournal.ru

The journal is registered with the Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom,
Information Technologies and Mass Communications (ROSKOMNADZOR).

Registration Number EL No. FS77-81296 of June 9, 2021

© VILE of the FPS of Russia, 2026

Редакционная коллегия

Некрасов Василий Николаевич – заместитель начальника ВИПЭ ФСИН России по учебной работе, доктор юридических наук (главный редактор);

Зауторова Эльвира Викторовна – профессор кафедры юридической психологии и педагогики факультета психологии и пробации ВИПЭ ФСИН России, доктор педагогических наук, профессор (заместитель главного редактора);

Шабанова Екатерина Александровна – научный сотрудник отделения организации и координации научно-исследовательской деятельности и международного сотрудничества организационно-научного отдела ВИПЭ ФСИН России (ответственный секретарь);

Агафонова Ольга Васильевна – начальник кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин юридического факультета ВИПЭ ФСИН России, кандидат философских наук, доцент;

Баламут Александр Николаевич – доцент кафедры психологии, педагогики и специального образования факультета психолого-педагогического образования Московского университета имени С. Ю. Витте, доцент кафедры общегуманитарных дисциплин и психологии ОАНО ВО «Московский институт технологий и управления» кандидат психологических наук, доцент;

Барышева Анна Викторовна – доцент кафедры общей и педагогической психологии факультета психологии и права ВИПЭ ФСИН России, кандидат педагогических наук;

Белова Надежда Алексеевна – доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин юридического факультета ВИПЭ ФСИН России, кандидат исторических наук, доцент;

Вахнина Виктория Владимировна – заведующий отделом психологического обеспечения прокурорской деятельности Научно-исследовательского института Университета прокуратуры Российской Федерации, доктор психологических наук, профессор;

Ганишина Ирина Сергеевна – начальник кафедры юридической психологии и педагогики Академии ФСИН России, доктор психологических наук, доцент;

Голдин Владислав Иванович – профессор кафедры регионоведения, международных отношений и политологии Северного (Арктического) федерального университета имени М. В. Ломоносова, доктор исторических наук, профессор;

Горностаев Станислав Викторович – профессор кафедры юридической психологии и педагогики Академии ФСИН России, доктор психологических наук, доцент;

Гущина Татьяна Николаевна – профессор кафедры психолого-педагогического образования Костромского государственного университета, доктор педагогических наук, профессор;

Егоров Андрей Николаевич – заведующий кафедрой истории и философии Череповецкого государственного университета, доктор исторических наук, доцент;

Желтов Андрей Александрович – доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин юридического факультета ВИПЭ ФСИН России, кандидат исторических наук, доцент;

Касаткина Светлана Сергеевна – профессор кафедры истории и философии Череповецкого государственного университета, доктор философских наук, доцент;

Кириллова Татьяна Васильевна – главный научный сотрудник отдела психологического обеспечения профессиональной деятельности сотрудников уголовно-исполнительной системы ФКУ НИИ ФСИН России, доктор педагогических наук, профессор;

Клюева Надежда Владимировна – заведующий кафедрой консультационной психологии факультета психологии Ярославского государственного университета имени П. Г. Демидова, доктор психологических наук, профессор;

Кузьминых Александр Леонидович – профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин юридического факультета ВИПЭ ФСИН России, доктор исторических наук, доцент;

Лобанова Елена Сергеевна – профессор кафедры психологии и педагогики факультета психологии и пробации ВИПЭ ФСИН России, кандидат педагогических наук, доцент;

Макулин Артем Владимирович – профессор кафедры философии и социологии Северного (Арктического) федерального университета имени М. В. Ломоносова, предсе-

датель Архангельского отделения Российского философского общества; доктор философских наук, доцент;

Малышев Константин Борисович – профессор кафедры юридической психологии и педагогики факультета психологии и пробации ВИПЭ ФСИН России, доктор психологических наук, доцент;

Масягин Владимир Павлович – доцент кафедры военно-политической работы в войсках (силах) Военного университета имени князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации, доктор педагогических наук, профессор;

Оботурова Наталья Сергеевна – профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин юридического факультета ВИПЭ ФСИН России, доктор философских наук, доцент;

Павлушков Александр Рудольфович – доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин юридического факультета ВИПЭ ФСИН России, кандидат исторических наук, доцент;

Панова Оксана Брониславовна – профессор кафедры юридической психологии и педагогики факультета психологии и пробации ВИПЭ ФСИН России, доктор педагогических наук, доцент;

Поздняков Вячеслав Михайлович – профессор кафедры научных основ экстремальной психологии факультета экстремальной психологии Московского государственного психолого-педагогического университета, доктор психологических наук, профессор;

Раитина Маргарита Юрьевна – профессор кафедры философии и социологии, ведущий научный сотрудник научно-образовательного центра гуманитарного факультета Томского государственного университета систем управления и радиоэлектроники, доктор философских наук, профессор;

Ракитская Оксана Николаевна – доцент кафедры социальной психологии, социальной работы и пробации факультета психологии и пробации ВИПЭ ФСИН России, кандидат психологических наук, доцент;

Саблин Василий Анатольевич – заведующий кафедрой всеобщей истории и мировой политики Вологодского государственного университета, доктор исторических наук, доцент;

Севальников Андрей Юрьевич – главный научный сотрудник Института философии РАН, доктор философских наук;

Соболев Николай Гургенович – старший научный сотрудник отдела разработки методологии социальной, психологической, воспитательной и педагогической работы с осужденными центра исследования проблем исполнения уголовных наказаний и психологического обеспечения профессиональной деятельности сотрудников уголовно-исполнительной системы ФКУ НИИ ФСИН России, кандидат психологических наук, доцент;

Соколова Татьяна Леонидовна – доцент кафедры государственно-правовых дисциплин факультета психологии и права ВИПЭ ФСИН России, кандидат исторических наук, доцент;

Стуканов Виталий Григорьевич – заведующий лабораторией проблем воспитания личности Национального института образования Республики Беларусь, доктор педагогических наук, кандидат психологических наук, профессор;

Токомбаева Айсулу Тарасовна – доцент кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета Кыргызско-Российского Славянского университета имени первого Президента Российской Федерации Б. Н. Ельцина, кандидат психологических наук, доцент;

Тяпин Игорь Никифорович – профессор кафедры философии Вологодского государственного университета, доктор философских наук, доцент;

Шевченко Олег Константинович – доцент кафедры истории и философии Института педагогики, психологии и инклюзивного образования Гуманитарно-педагогической академии (филиала) Крымского федерального университета имени В. Г. Вернадского в г. Ялте, доктор философских наук, доцент;

Ястреб Наталья Андреевна – проректор по научной и инновационной деятельности Вологодского государственного университета, доктор философских наук, доцент;

Яценко Елена Федоровна – заведующий кафедрой прикладной психологии Петербургского государственного университета путей сообщения Императора Александра I, доктор психологических наук, профессор.

The Editorial Board

Vasilii N. Nekrasov – Deputy Head for Academic Affairs of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia, Doctor of Sciences (Law);

Elvira V. Zautorova – professor at the Department of Legal Psychology and Pedagogy of the Faculty of Psychology and Probation of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia, Doctor of Sciences (Pedagogy), Professor (Deputy Editor-in-Chief);

Ekaterina A. Shabanova – Researcher at the Organizational and Research Department of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia (Executive Secretary);

Ol'ga V. Agafonova – Head of the Department of Humanities and Socio-Economic Disciplines of the Law Faculty of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia, Candidate of Sciences (Philosophy), Associate Professor;

Aleksandr N. Balamut – associate professor at the Department of Psychology, Pedagogy and Special Education of the Faculty of Psychological and Pedagogical Education of the Moscow University named after S.Yu. Witte, associate professor at the Department of General Humanitarian Disciplines and Psychology of the Moscow Institute of Technology and Management, Candidate of Sciences (Psychology), Associate Professor;

Anna V. Barysheva – associate professor at the Department of General and Pedagogical Psychology of the Faculty of Psychology and Probation of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia, Candidate of Sciences (Pedagogy);

Nadezhda A. Belova – associate professor of the Department of Humanities and Socio-Economic Disciplines of the Law Faculty of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia, Candidate of Sciences (History), Associate Professor;

Viktoriia V. Vakhnina – Head of the Department of Psychological Support for Prosecutorial Activities of the Research Institute of the University of Prosecutor's Office of the Russian Federation, Doctor of Sciences (Psychology), Professor;

Irina S. Ganishina – Head of the Department of Legal Psychology and Pedagogy of the Academy of the FPS of Russia, Doctor of Sciences (Psychology), Associate Professor;

Vladislav I. Goldin – professor at the Department of Regional Studies, International Relations and Political Science of the Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov, Doctor of Sciences (History), Professor;

Stanislav V. Gornostaev – professor at the Department of Legal Psychology and Pedagogy of the Academy of the FPS of Russia, Doctor of Sciences (Psychology), Associate Professor;

Tat'yana N. Gushchina – professor at the Department of Psychological and Pedagogical Education of the Kostroma State University, Doctor of Sciences (Pedagogy), Professor;

Andrei N. Egorov – Head of the Department of History and Philosophy of the Cherepovets State University, Doctor of Sciences (History), Associate Professor;

Andrei A. Zheltov – associate professor at the Department of Humanities and Socio-Economic Disciplines of the Law Faculty of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia, Candidate of Sciences (History), Associate Professor;

Svetlana S. Kasatkina – professor at the Department of History and Philosophy of the Cherepovets State University, Doctor of Sciences (Philosophy), Associate Professor;

Tat'yana V. Kirillova – Chief Researcher at the Department of Psychological Support of Professional Activity of Employees of the Penal System of the Federal State Institution Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Doctor of Sciences (Pedagogy), Professor;

Nadezhda V. Klyueva – Head of the Department of Consultation Psychology of the Psychology Faculty of P.G. Demidov Yaroslavl State University, Doctor of Sciences (Psychology), Professor;

Aleksandr L. Kuzminykh – professor at the Department of Humanities and Socio-Economic Disciplines of the Law Faculty of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia, Doctor of Sciences (History), Associate Professor;

Elena S. Lobanova – professor at the Department of Legal Psychology and Pedagogy of the Faculty of Psychology and Probation of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia, Candidate of Sciences (Pedagogy), Associate Professor;

Artem V. Makulin – professor at the Department of Philosophy and Sociology of the Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov, Chairman of the Arkhangelsk Branch of the Russian Philosophical Society, Doctor of Sciences (Philosophy), Associate Professor;

Konstantin B. Malyshev – professor at the Department of Legal Psychology and Pedagogy of the Faculty of Psychology and Probation of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia, Doctor of Sciences (Psychology), Associate Professor;

Vladimir P. Masyagin – associate professor at the Department of Military-Political Work in the Military (Forces) of the Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation, Doctor of Sciences (Pedagogy), Professor;

Natal'ya S. Oboturova – professor at the Department of Humanities and Socio-Economic Disciplines of the Law Faculty of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia, Doctor of Sciences (Philosophy), Associate Professor;

Aleksandr R. Pavlushkov – associate professor at the Department of Civil Law Disciplines of the Law Faculty of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia, Candidate of Sciences (History), Associate Professor;

Oksana B. Panova – professor at the Department of Legal Psychology and Pedagogy of the Faculty of Psychology and Probation of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia, Doctor of Sciences (Pedagogy), Associate Professor;

Vyacheslav M. Pozdnyakov – professor at the Department of Scientific Foundations of Extreme Psychology of the Moscow State University of Psychology and Education, Doctor of Sciences (Psychology), Professor;

Margarita Yu. Raitina – professor at the Department of Philosophy and Sociology, Leading Researcher at the Research and Educational Center of the Faculty of Humanities of the Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics, Doctor of Sciences (Philosophy), Professor;

Oksana N. Rakitskaya – associate professor at the Department of Social Psychology, Social Work and Probation of the Faculty of Psychology and Probation of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia, Candidate of Sciences (Psychology), Associate Professor;

Vasilii A. Sablin – Head of the Department of General History and World Politics of the Vologda State University, Doctor of Sciences (History), Associate Professor;

Andrei Yu. Seval'nikov – Chief Researcher at the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sciences (Philosophy);

Nikolai G. Sobolev – Senior Researcher at the Department of Development of Methodology of Social, Psychological, Educational and Pedagogical Work with Convicts of the Center for Research of Problems of Execution of Criminal Penalties and Psychological Support of Professional Activity of Employees of the Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Candidate of Sciences (Psychology), Associate Professor;

Tat'yana L. Sokolova – associate professor at the Department of State and Legal Disciplines of the Faculty of Psychology and Law of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia, Candidate of Sciences (History), Associate Professor;

Vitalii G. Stukanov – Head of the Laboratory for Personality Education of the National Institute of Education of the Republic of Belarus, Doctor of Sciences (Pedagogy), Candidate of Sciences (Psychology), Professor;

Aisulu T. Tokombaeva – associate professor at the Department of Criminal Law and Criminology of the Law Faculty of the Kyrgyz-Russian Slavic University named after the First President of the Russian Federation B.N. Yeltsin, Candidate of Sciences (Psychology), Associate Professor;

Igor N. Tyapin – professor at the Department of Philosophy of the Vologda State University, Doctor of Sciences (Philosophy), Associate Professor;

Oleg K. Shevchenko – associate professor at the Department of History and Philosophy of the Institute of Pedagogy, Psychology and Inclusive Education of the Humanities and Education Science Academy (branch) of V.I. Vernadsky Crimean Federal University in Yalta, Doctor of Sciences (Philosophy), Associate Professor;

Natalia A. Yastreb – Vice-Rector for Research and Innovation Affairs of the Vologda State University, Doctor of Sciences (Philosophy), Associate Professor;

Elena F. Yashchenko – Head of the Department of Applied Psychology of Emperor Alexander I Saint Petersburg State Transport University, Doctor of Sciences (Psychology), Professor.

СОДЕРЖАНИЕ

КОБЫЛКИН Р. А. Некоторые размышления о проблеме социальной адаптации выпускников детских домов	9
ПИСАРЕВ О. М., СТЕПАНОВА Д. Ю. Историко-педагогический анализ образовательной среды учебных заведений ФСИН России: теоретико-методологические основания	15
АЗЕЕВА М. А. Педагогическое осмысление наследия дореволюционных и советских преподавателей о правовых ценностях	26
АНДРЕЕНКО А. А., ШЕВЧУК Е. В. Формирование цифровых компетенций студентов в условиях «интеллектуализации» цифровых технологий	36
АФОНИНА Р. Н. Технология диалогового обучения в формировании этической компетентности будущего педагога	46
ГОЛИКОВ Л. М. Формирование социокультурной компетенции у иностранных студентов посредством аудирования официальных видеопоздравлений	51
ПАНОВА О. Б., ЧЕРНОЗЕМ Я. В. Сущность и структура понятия «образ профессии пенитенциарного психолога» в аспекте его формирования у курсантов вуза ФСИН России, обучающихся по специальности 37.05.02 Психология служебной деятельности.	60
СМИРНОВА М. Ю., СМЕРНОВ Д. О. Формирование управленческой компетентности курсантов ведомственных вузов Федеральной службы исполнения наказаний России	69
БАСИНА Т. А. Об особенностях образа будущего курсантов ведомственных вузов в контексте их профессионального становления	77
САЛМИНА И. А. Психологическая структура эффективности профессиональной деятельности судебных приставов с учетом стратегий совладающего поведения	85
ЗАУТОВА Э. В. Проблема осознания жизненного пути осужденными за преступления против жизни и здоровья	91
ЛАПШИН В. Е., ГУДКОВА А. В. Особенности воспитательной и психологической работы с осужденными, ранее отбывавшими наказание в виде лишения свободы и совершившими повторное преступление	97
СВОБОДНЫЙ Ф. К. Проблемы понятийного аппарата метода полиграфа	105
АГАФОНОВА О. В. Экзистенциальный конструктивизм философии творчества Н. А. Бердяева	112
БОЛЬШАКОВ Е. В., ТИМОЩУК А. С. Диалектика должного и сущего в концепциях Платона и Н. Макиавелли: к построению антропоцентричной онтологии управления	119
КОВАЛЕВА Г. А., ПЛЕНКИН А. А. Ритуальное родство как социально-философский феномен	126
НАГОРНЫХ Р. В. Конституционный патриотизм, права человека и радикальная демократия в современном социально-политическом дискурсе	134

CONTENT

KOBYLKIN R.A. Reflecting on the Problem of Social Adaptation of Graduates from Orphanages	9
PISAREV O.M., STEPANOVA D.Yu. Historical and Pedagogical Analysis of the Educational Environment of Educational Institutions of the Federal Penitentiary Service of Russia: Theoretical and Methodological Foundations.	15
AZEEVA M.A. Pedagogical Reflection on the Legacy of Pre-Revolutionary and Soviet Teachers Studying Legal Values.	26
ANDREENKO A.A., SHEVCHUK E.V. Developing Students' Digital Competencies in the Era of "Intelligent" (or AI-driven) Technologies . . .	36
AFONINA R.N., LITVINA E.V. Dialogue Learning Technology of Developing Ethical Competence in Future Teachers	46
GOLIKOV L.M. Developing Socio-Cultural Competence in Foreign Students through Listening to Official Video Greetings	51
PANOVA O.B., CHERNOZEM YA.V. The Essence and Structure of a "Penitentiary Psychologist Professional Image" Concept in the Context of its Formation among Cadets Majoring in Occupational Psychology (37.05.02) at Departmental Institutions of the Federal Penitentiary Service of Russia	60
SMIRNOVA M.Yu., SMIRNOV D.O. Formation of Managerial Competence of Cadets at Departmental Institutions of the Federal Penitentiary Service of Russia	69
BASINA T.A. On Characteristics of the Envisioned Future of Cadets of Departmental Institutions in the Context of Their Professional Development	77
SALMINA I.A. Psychological Structure of Bailiffs' Performance with regard to Coping Strategies	85
ZAUTUROVA E.V. On the Issue of Convicts' Perception of Life Path: Case of Those Convicted of Crimes against Life and Health	91
LAPSHIN V.E., GUDKOVA A.V. Features of Educational and Psychological Support for Repeat Offenders with a Prior Prison Sentence	97
SVOBODNYI F.K. On the Conceptual Framework of the Polygraph Method	105
AGAFONOVA O.V. Existential Constructivism in the Philosophy of N.A. Berdyaev	112
BOL'SHAKOV E.V., TIMOSHCHUK A.S. The Dialectic of the Ought and the Actual in the Philosophies of Plato and Niccolo Machiavelli: towards an Anthropocentric Ontology of Governance	119
KOVALEVA G.A., PLENKIN A.A. Ritual Kinship as a Socio-Philosophical Phenomenon	126
NAGORNYKH R.V. Constitutional Patriotism, Human Rights and Radical Democracy in Modern Socio-Political Discourse.	134

Научная статья

УДК 37.025

doi 10.46741/sjournal.2026.22.3.001

Некоторые размышления о проблеме социальной адаптации выпускников детских домов

РОМАН АЛЕКСАНДРОВИЧ КОБЫЛКИН

Волгоградская академия МВД России, Волгоград, Россия,
roman.kobylkin@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6463-004X>

Аннотация. Проблемы, которые нашли отражение в настоящей статье, имеют широкое обсуждение в научной литературе. Педагогика во все времена была направлена на подготовку подрастающего поколения к взрослой жизни. Статистические данные говорят нам о том, что не все подростки, в особенности выпускники детских домов, могут успешно адаптироваться к самостоятельной жизни. Особенные обстоятельства, такие как отсутствие родителей, социальных и бытовых навыков, трудности с самоопределением, в итоге приводят к плохой приспособленности к жизни. Выход из этого положения видится в реформировании системы работы детских домов, которое заключается в подготовке подростков по примеру суворовских или нахимовских училищ. Разработка педагогических методов, таких как самооценка субъективного благополучия, прогнозирование своего будущего и поддержание здорового образа жизни, будет способствовать успешной социализации молодежи.

Ключевые слова: дети-сироты; детский дом; обучение; воспитание; семья; наставник; социализация.

5.8.1. Общая педагогика, история педагогики и образования.

Для цитирования: Кобылкин Р. А. Некоторые размышления о проблеме социальной адаптации выпускников детских домов // Всероссийский научно-практический журнал социальных и гуманитарных исследований. 2026. № 3 (22). С. 9–14. doi 10.46741/sjournal.2026.22.3.001.

Original article

Reflecting on the Problem of Social Adaptation of Graduates from Orphanages

ROMAN A. KOBYLKIN

Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of the Russian Federation,
Volgograd, Russia, roman.kobylkin@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6463-004X>

Abstract. The issues reflected in this article are widely discussed in the scientific literature. Pedagogy has always been aimed at preparing the younger generation for adult life. Statistical data tell us that not all teenagers, especially graduates of orphanages, can successfully adapt to independent living. Special circumstances, such as the absence of parents, social and everyday skills, and difficulties with self-determination, ulti-

mately lead to poor adaptability to life. A way forward is to reform the orphanage system by introducing a model based on Suvorov and Nakhimov military schools, focusing on preparing teenagers for future challenges. The development of pedagogical methods, such as self-assessment of subjective well-being, forecasting one's future, and maintaining a healthy lifestyle, will contribute to successful socialization of young people.

Keywords: orphaned children; orphanage; education; upbringing; family; mentor; socialization.

5.8.1. General pedagogy, history of pedagogy and education.

For citation: Kobytkin R.A. Reflecting on the problem of social adaptation of graduates from orphanages. *All-Russian Research and Practice Journal of Studies in Social Sciences and Humanities*, 2026, no. 3 (22), pp. 9–14. doi 10.46741/sgjournal.2026.22.3.001.

В 1991 г. на телевидении вышел документальный проект о детях, рожденных в начале 1980-х. Фильм, подготовленный британской компанией, получил название «Рожденные в СССР». В нем рассказывалось о детях, родившихся и живущих в разных республиках Советского Союза, которые, достигнув семилетнего возраста, пошли в школу. Всего вышло четыре выпуска, через каждые семь лет жизни главных героев фильма. Проект стал популярным, поскольку после распада СССР многие дети оказались в разных государствах, было интересно наблюдать за их судьбами в изменившихся условиях.

Одним из главных героев этого сериала стал мальчик из детского дома, который после выхода фильма оказался усыновленным семьей из США. Зрители с интересом наблюдали за его жизнью в Америке. Ведь в 1990–2000-е гг. произошел переворот в общественном сознании россиян. Американский стиль жизни стал популярным в нашей стране. В те годы многие дети из России и стран СНГ оказались усыновленными родителями из стран Европы и США. Самое тревожное в этой ситуации заключается в том, что государство было в не состоянии отслеживать судьбу уехавших детей. Некоторая часть усыновленных из детских домов оказалась печальной.

В 2012 г. в США произошла трагедия с одним из усыновленных детей. Дима Яковлев – русский мальчик, который погиб в американской приемной семье. В том же году в Российской Федерации был принят «Закон Димы Яковлева». В документе дается обоснованный запрет на усыновление российских детей-сирот в США и ряд европейских стран, где разрешены однополые браки. После принятия закона со всей серьезностью взялись за реформирование сиротской системы в Российской Федерации [1; 2].

Одним из таких преобразований стала предложенная государством «Национальная стратегия действий в интересах детей на 2012–2017 годы». В числе основных задач отмечены обеспечение для всех детей безопасного и комфортного семейного окружения, в условиях которого соблюдаются права ребенка и исключены любые формы жестокого обращения с ним; обеспечение профилактики семейного неблагополучия, основанной на его раннем выявлении, индивидуализированной адекватной помощи семье, находящейся в трудной жизненной ситуации, оказываемой на межведомственной основе, приоритете воспитания ребенка в родной семье. Все эти меры улучшили положение интернатовцев. Все больше семей стали забирать детей из детских домов для усыновления или патронажа.

В связи с принятием Постановления Правительства Российской Федерации от 24.05.2014 № 481 «О деятельности организаций для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, и об устройстве в них детей, оставшихся без попечения родителей» с 2016 г. были приняты меры по обязательной подготовке к самостоятельной жизни детей-сирот.

Проблема низкой приспособленности выпускников детских домов к самостоятельной жизни – это сложный клубок взаимосвязанных причин. Это не вопрос личных качеств подростков, а следствие системных проблем в их воспитании и подготовке. Кстати, эта про-

блема имеет место быть не только в детских домах. Она существует повсеместно и в обычных семьях с родителями. Многие родители по причине большой загруженности на работе мало внимания уделяют своим детям. Часто взросление и подготовка к самостоятельной жизни происходят без участия родителей.

Вместе с тем остаются сложности, связанные с адаптацией к взрослой жизни у детей – выпускников детских домов. Так, например, по данным Генеральной прокуратуры Российской Федерации, появилась статистика, которую принято считать неофициальной: 90 % выпускников детских домов не доживают до 40 лет по причине зависимостей (40 %), криминала (40 %) и суицидов (10 %). Такие же цифры озвучены в недавно вышедшей драме «Недетский дом» 2021 г.

Согласно отчету Счетной палаты в 2024 г., «несмотря на введение выплаты в соответствии с Федеральным законом № 159-ФЗ, в пяти регионах, имеющих задолженность по обеспечению жильем детей-сирот, предоставление такой выплаты (сертификата) не предусмотрено. В половине из 24 регионов, в которых признаны утратившими силу нормативные правовые акты о региональных сертификатах, переходные положения, направленные на сохранение прав детей-сирот, имевших право на их получение, отсутствуют» [3, с. 4]. Проблема обеспечения жильем остается острой в связи с нехваткой сертификатов или жилищного фонда в регионах.

Среди основных причин плохой адаптации детей-сирот можно выделить главную – жизнь по расписанию. В детском доме всё решено за ребенка: когда вставать, есть, учиться, ложиться спать. Нет необходимости планировать свое время, нести ответственность за свои действия. Также можно указать на отсутствие личного пространства и собственности: у ребенка часто нет своих вещей, своего угла, где он может быть хозяином. Это препятствует формированию чувства собственности и ответственности за нее. И, наконец, коллективное принятие решений: ребенка редко спрашивают, что он хочет на ужин или какую одежду купить. Его мнение и выбор не формируются и не ценятся.

Вторая триггерная точка связана с плохой адаптацией подростков к самостоятельной жизни – это эмоциональная и психологическая сфера подростков. Так, примером может быть нарушение привязанности. Дети, растущие без фигуры постоянного любящего взрослого (матери или отца), не умеют строить глубокие, доверительные отношения. Им сложно просить о помощи, доверять людям, создавать семью. Еще одной психологической проблемой является низкая самооценка и «стигматизация». Чувство брошенности и клеймо «детдомовца» формируют заниженную самооценку. Они часто считают себя хуже других, не верят в свои силы. И, наконец, можно отметить еще одну психологическую проблему подростков – выученная беспомощность. Ребенок привыкает, что все его базовые потребности удовлетворяются по умолчанию, но при этом он не может повлиять на важные аспекты своей жизни (например, вернуться в семью). Это порождает пассивность и убежденность в том, что от его действий ничего не зависит. Особенности психического развития подросткового возраста в детском доме приведены в таблице [4, с. 455].

Сторона психического развития	Характеристика
Интеллект	Ситуационность, наглядность мышления, классификационное мышление
Мотивация	Узость и бедность содержания мотивов, привязанность к ситуации
Произвольность	Ориентация на внешний контроль, привычка к пошаговому контролю
Временная перспектива	Ориентация на настоящее, суженная перспектива прошлого и будущего
Самосознание	Чувство «мы», неопределенная идентичность, неприятие себя, недоверие себе, ориентация в самооценке на мнение других, опора на отрицательный эталон в развитии сексуальной идентичности
Общение	Недоверие к другим людям, зависимость, деструктивная агрессия

Эта таблица наглядно показывает, что для подростков из детского дома в большей степени характерно проявление личностной беспомощности. Так, подростки из интернатов характеризуются пессимистическим атрибутивным стилем, они не считают себя способными контролировать события, происходящие в их жизни, без оптимизма смотрят на ситуации успеха и достижений, характеризуются сниженными ожиданиями от себя и окружающих. Они склонны к неадекватной самооценке своей уверенности, не считают себя способными делать многое своими руками и не стремятся этому учиться, не удовлетворены своим характером и хотели, чтобы он был лучше. Воспитанники детских домов в большинстве случаев испытывают состояние депрессии и душевной опустошенности, что может привести к появлению суицидальных мыслей у таких подростков [5, с. 219].

Третий блок трудностей, с которыми часто сталкиваются детдомовцы – это отсутствие социальных и бытовых навыков. Одной из главных социальных проблем во время взросления является финансовая неграмотность. Детям в детских домах выдают одежду, еду, предметы гигиены. Они не умеют зарабатывать, планировать бюджет, копить, отличать витальные потребности от сиюминутных желаний. У подростков часто отсутствуют бытовые навыки. Они не умеют готовить, стирать, убирать, ходить в магазин, потому что этим занимается штат сотрудников. Важным препятствием на пути к социализации также можно отметить низкие навыки коммуникации. В детских учреждениях общение часто строится на выживании и конкуренции. Таким детям сложно строить здоровые отношения с соседями, коллегами, работодателями, официальными лицами.

Четвертый блок проблем связан с получением образования и профессиональной ориентацией. Носители «клипового мышления» – современная молодежь очень трудно осваивает школьную программу, что приводит к низкому уровню образования. Этот фактор присутствует и у подростковой молодежи, воспитанников детских домов. Можно отметить, что у них ограничен кругозор. Жизнь в замкнутом пространстве сужает представления о мире профессий. Часто они стремятся к профессиям, не требующим высокой квалификации (дворник, грузчик), потому что не верят, что способны на большее. Одной из ключевых проблем воспитанников детских домов является отсутствие наставника, близкого человека, у которого можно спросить о жизни. У них нет родителей или родственников, которые могли бы помочь с выбором профессии, устроить на практику или «дать путевку в жизнь».

Статистические данные, представленные Генеральной прокуратурой Российской Федерации, могут быть объяснены тем, что выпускники детских домов, попадая на работу, сталкиваются с предвзятым отношением. На них часто смотрят с подозрением, работодатели не хотят брать на работу. Кроме того, прочему у подростков отсутствуют уверенность в себе, трудоспособность и умение преодолевать трудности. В итоге они легко попадают под влияние криминальных элементов или таких же неустроенных выпускников, что приводит либо к тюрьме, либо суициду, либо пагубным привычкам.

Подростки из детских домов плохо приспособляются не потому, что они «плохие» или «ленивые», а потому что система, в которой они выросли, не готовит их к реальной жизни, а часто, наоборот, лишает их необходимых для этого инструментов и уверенности в себе.

В результате в процессе обучения и воспитания в детском доме выпускник оказывается в мире, где нужно самому планировать бюджет, готовить еду, следить за чистотой, ходить на работу – всему этому у него просто не было возможности научиться.

После окончания детских домов подростки сталкиваются с отсутствием поддержки. В 18 лет молодой человек формально становится взрослым, но психологически и социально к этому не готов. Государственная поддержка (жилье, пособия) есть, но она часто носит формальный характер и сопровождается коррупционными рисками (полученное жилье могут отобрать мошенники). Незнание своих прав и законов часто приводит к тому, что выпускники легко становятся жертвами обмана, не могут отстоять свои права на работе или в государственных учреждениях.

Выход из этого положения видится в реформировании системы работы детских домов. Например, сегодня существуют и хорошо себя показали семейные формы воспитания (приемные семьи, семейные детские дома), создаются условия, приближенных к домашним.

Положительно себя зарекомендовали программы постинтернатного сопровождения. В них разработаны и апробированы методики сопровождения выпускника в 18 лет, не бросая его до 23 лет и дольше, помогая с жильем, работой, учебой и юридическими вопросами.

Острая проблема заключается в развитии программ наставничества, которые предполагают, что у подростка должен быть значимый взрослый, не по обязанности, а по желанию помогающий и поддерживающий его. Здесь можно было бы подключить возможности государства и организовывать что-то по примеру суворовских или нахимовских училищ для детей-сирот. Есть необходимость в подготовке специалистов-воспитателей для силовых структур, в функции которых входило бы в том числе и обучение практическим навыкам подростков. Например, уроки труда и начальной военной подготовки, а также курсы финансовой грамотности, домоводства, профориентации.

Важной составляющей успешной социализации детей-сирот должны стать разработка методики оценки субъективного благополучия в местах обучения и воспитания. «Субъективное благополучие складывается из когнитивного и аффективного компонентов, где когнитивный включает в себя удовлетворенность жизнью в целом и ее конкретными сферами, а аффективный – сумму пережитого положительного и отрицательного аффекта» [6, с. 275]. Через формирование чувства субъективного благополучия можно строить отношения в самостоятельной жизни.

Еще одна авторская педагогическая концепция связана с обучением подростков в детских домах умению строить планы на будущее. «Отсутствие образа будущего может приводить к отказу от стремлений и пассивному поведению. Исследования показывают, что наличие ясного и реалистичного представления о будущем способствует лучшей адаптации сирот, помогает им ставить цели, развивать способности и снижает риск деструктивного поведения» [7, с. 76]. Развитие способностей к формированию прогнозирования и его реализации также может способствовать успешной адаптации к взрослой жизни.

Все эти меры направлены на исправление низкой приспособленности подрастающего поколения к самостоятельности. Смыслоразнообразные ориентиры молодежи, в том числе и выпускников детских домов, должны быть сформированы современной отечественной педагогикой и направлены на поддержание здорового образа жизни, успешную социализацию, создание крепкой и большой семьи. Только такими методами мы сможем создавать российскую нацию.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Кобылкин Р. А., Сухоруков В. А. Уроки истории и патриотизм (на примере отношения государства к детям-сиротам) // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2013. № 2 (25). С. 146–151.
2. Кобылкин Р. А. Деятельность государственных органов по решению проблемы беспризорности // Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (навстречу 300-летию Российской полиции) : материалы междунар. науч.-теоретич. конф. Т. 2. СПб., 2016. С. 46–48.
3. Отчет о результатах экспертно-аналитического мероприятия «Оценка реализации мер социальной поддержки по обеспечению жилыми помещениями детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, лиц из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в 2023 году и истекшем периоде 2024 года. URL: <https://docviewer.yandex.ru/view/1257459468/?page=3&> (дата обращения: 15.05.2026).
4. Истомина В. В., Данилова М. А. Особенности формирования подростков в условиях детского дома // Форум молодых ученых. 2019. № 4 (32).

5. Истратова О. Н., Вапельник Л. А., Яценко А. В. Личностные характеристики современных подростков из детского дома // Современные научные исследования и инновации. 2014. № 10. Ч. 2. URL: <https://web.snauka.ru/issues/2014/10/39553> (дата обращения: 15.05.2026).
6. Субъективное благополучие молодых людей из числа детей-сирот в условиях перехода в самостоятельную жизнь / В. Н. Ослон, М. А. Одинцова, Г. В. Семья, Г. О. Зайцев, У. В. Колесникова // Психология и право. 2023. Т. 13, № 4. С. 272–293.
7. Демина М. А. Представления о будущем у подростков из детских домов и у подростков, воспитывающихся в семьях // Альманах Института коррекционной педагогики. Альманах. 2025. № 60.

REFERENCES

1. Kobylkin R.A., Sukhorukov V.A. Lessons of history and patriotism (using the example of the state's attitude towards orphaned children). *Vestnik Volgogradskoy akademii MVD Rossii = Bulletin of the Volgograd Academy of Ministry of Internal Affairs*, 2013, no. 2 (25), pp. 146–151. (In Russ.).
2. Kobylkin R.A. Activities of state bodies to address the problem of homelessness. In: *Gosudarstvo i pravo: ehvolyutsiya, sovremennoe sostoyanie, perspektivy razvitiya (navstrechu 300-letiyu Rossiiskoi politzii): materialy mezhdunar. nauch.-teoretich. konf. T. 2* [State and law: evolution, current state, development prospects (towards the 300th anniversary of the Russian Police): proceedings of the International scientific and theoretical conference. Vol. 2]. Saint Petersburg, 2016. Pp. 46–48. (In Russ.).
3. *Otchet o rezul'tatakh ehkspertno-analiticheskogo meropriyatiya "Otsenka realizatsii mer sotsial'noipodderzhkipoobespecheniyuzhilympomeshcheniyamidetey-sirotidetey, ostavshikhsya bez popecheniya roditelei, lits iz chisla detey-sirot i detey, ostavshikhsya bez popecheniya roditelei, v 2023 godu i istekshem periode 2024 goda"* [Report on the results of the expert-analytical event "Assessment of the implementation of social support measures to provide residential premises orphans and children left without parental care, persons from among orphans and children left without parental care in 2023 and the expired period of 2024"]. Available at: https://docviewer.yandex.ru/view/1257459468/?page=3&* (accessed May 15, 2026).
4. Istomina V.V., Danilova M.A. Features of adolescent development in an orphanage. *Forum molodykh uchenykh = Forum of Young Scientists*, 2019, no. 4 (32). (In Russ.).
5. Istratova O.N., Vapel'nik L.A., Yatsenko A.V. Cognitive activity of teenagers from the orphanage. *Sovremennye nauchnye issledovaniya i innovatsii = Modern Scientific Researches and Innovations*, 2014, no. 10. Available at: <https://web.snauka.ru/issues/2014/10/39553> (In Russ.). (Accessed May 15, 2026).
6. Oslon V.N., Odintsova M.A., Semya G.V., Zaitsev G.O. Subjective wellbeing of young people from among orphaned children in the context of transitioning to independent life. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2023, vol. 13, no. 4, pp. 272–293. (In Russ.).
7. Demina M.A. Perceptions of the future among adolescents from orphanages and among adolescents raised in families. *Al'manakh Instituta korrektsionnoi pedagogiki = Almanac of the Institute of Correctional Pedagogy*, 2025, no. 60. (In Russ.).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

РОМАН АЛЕКСАНДРОВИЧ КОБЫЛКИН – кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии Волгоградской академии МВД России, Волгоград, Россия, roman.kobylkin@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6463-004X>

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ROMAN A. KOBYLKIN – Candidate of Sciences (Philosophy), Associate Professor, associate professor at the Philosophy Department of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, Volgograd, Russia, roman.kobylkin@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6463-004X>

Статья поступила 16.12.2025

Научная статья

УДК 37.013.2

doi 10.46741/sgjournal.2026.22.3.002

Историко-педагогический анализ образовательной среды учебных заведений ФСИН России: теоретико-методологические основания

ОЛЕГ МИХАЙЛОВИЧ ПИСАРЕВ

Томский институт повышения квалификации работников ФСИН России, Томск, Россия

Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия

ti.okspvr@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3559-6524>

ДАРЬЯ ЮРЬЕВНА СТЕПАНОВА

Томский институт повышения квалификации работников ФСИН России, Томск, Россия, daria.boratynskaya@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0000-1717-8460>

Аннотация. Статья посвящена теоретико-методологическому анализу педагогической категории «образовательная среда» в контексте ведомственного пенитенциарного образования. Актуальность исследования определяется необходимостью выявления преемственности традиций в современных образовательных организациях Федеральной службы исполнения наказаний (далее – ФСИН России). В работе проведен историко-генетический анализ становления концепции образовательной среды в мировой и отечественной педагогике. На основе контент-анализа существующих определений выявлены общие признаки образовательной среды: совокупность условий для развития личности; сочетание исторического влияния и специально созданных педагогических условий; взаимодействие субъектов образовательного процесса; целенаправленность формирования. Установлено, что образовательная среда характеризуется статическими (объективные особенности учебного заведения) и динамическими (педагогические идеи и цели) характеристиками. С учетом специфики ведомственного образования, разработана оригинальная компонентная схема образовательной среды учебных заведений, подготавливающих сотрудников пенитенциарного ведомства. В ходе исследования решена задача концептуализации понятия «образовательная среда» применительно к уголовно-исполнительной системе Российской Федерации (далее – УИС). Полученные теоретические выводы создают фундамент для последующей историко-педагогической реконструкции образовательной среды учебных заведений, подготавливающих сотрудников пенитенциарного ведомства, а также предоставляют инструментарий для выявления исторических традиций и преемственности в современных образовательных организациях пенитенциарной системы России.

Ключевые слова: образовательная среда; компоненты образовательной среды; ведомственное образование; профессиональное образование; историко-педагогический анализ.

5.8.1. Общая педагогика, история педагогики и образования.

Для цитирования: Писарев О. М., Степанова Д. Ю. Историко-педагогический анализ образовательной среды учебных заведений ФСИН России: теорети-

ко-методологические основания // Всероссийский научно-практический журнал социальных и гуманитарных исследований. 2026. № 3 (22). С. 15–25. doi 10.46741/sgjournal.2026.22.3.002.

Original article

Historical and Pedagogical Analysis of the Educational Environment of Educational Institutions of the Federal Penitentiary Service of Russia: Theoretical and Methodological Foundations

OLEG M. PISAREV

Tomsk Institute for Advanced Training of Employees of the Federal Penitentiary Service of Russia, Tomsk, Russia

National Research Tomsk State University, Tomsk, Russia

ti.okspvr@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3559-6524>

DAR'YA YU. STEPANOVA

Tomsk Institute for Advanced Training of Employees of the Federal Penitentiary Service of Russia, Tomsk, Russia, daria.boratynskaya@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0000-1717-8460>

Abstract. The article is devoted to the theoretical and methodological analysis of the pedagogical category “educational environment” in the context of departmental penitentiary education. The relevance of the study is determined by the need to identify the continuity of traditions in modern educational organizations of the Federal Penitentiary Service of Russia. The work provides a historical and genetic analysis of the development of the concept of educational environment in world and domestic pedagogy. The content analysis of existing definitions revealed the following characteristics of the educational environment: a set of conditions for personal development, a combination of historical impact and specially created pedagogical conditions, interaction between participants in the educational process, and purposeful nature of its formation. It is established that the educational environment is characterized by static (objective characteristics of the educational institution) and dynamic (pedagogical ideas and goals) characteristics. Taking into account the specifics of departmental education, an original component scheme of the educational environment is developed. During the study, the concept of “educational environment” in relation to the penal system of the Russian Federation is disclosed. The theoretical conclusions obtained form the foundation for the subsequent historical and pedagogical reconstruction of the educational environment in question, and also provide tools for identifying historical traditions and continuity in modern educational organizations of Russia's penitentiary system.

Keywords: educational environment; components of the educational environment; departmental education; professional education; historical and pedagogical analysis.

5.8.1. General pedagogy, history of pedagogy and education.

For citation: Pisarev O.M., Stepanova D.Yu. Historical and pedagogical analysis of the educational environment of educational institutions of the Federal Penitentiary Service of Russia: theoretical and methodological foundations. *All-Russian Research and Practice Journal of Studies in Social Sciences and Humanities*, 2026, no. 3 (22), pp. 15–25. doi 10.46741/sgjournal.2026.22.3.002.

В контексте современной внешнеполитической конъюнктуры актуализируется обращение к историческому наследию, развивающемуся на фоне усиления патриотических настроений и растущего интереса к этапам становления и эволюции российского государства. Такая ретроспективная ориентация способствует преемственности поколений и обеспечивает более глубокое осмысление исторического опыта, позволяя выявить в нем востребованные ответы на актуальные вызовы современности. Одним из ключевых инструментов для подобного анализа является «образовательная среда». При этом в рамках историко-педагогических исследований учебных заведений, подготавливающих сотрудников пенитенциарного ведомства, данная категория как концептуальная ранее не применялась. Это позволило сформулировать цель исследования, которая заключается в выявлении особенностей образовательной среды, содержания и организации подготовки с определением педагогического потенциала этого опыта для современной системы кадрового обеспечения УИС, на основе историко-педагогического анализа.

Были использованы следующие взаимодополняющие друг друга научные методы: историко-генетический (для выявления причинно-следственных связей и прослеживания эволюции образовательной среды исследуемых школ); историко-ретроспективный (для реконструкции педагогической реальности прошлого на основе сохранившихся источников); историко-сравнительный (для сопоставления образовательных моделей Московской и Санкт-Петербургской школ, выявления их общих и отличительных граней); метод контент-анализа (для систематизации и интерпретации содержания архивных документов, нормативных актов и публикаций периодической печати исследуемого периода).

В настоящее время теоретическая разработка термина «образовательная среда» преимущественно базируется на эмпирическом материале общеобразовательных и высших учебных заведений. В рамках данного исследования предлагается авторская модель анализа образовательной среды в учебных заведениях пенитенциарной системы. Осмысление данной модели позволяет обогатить теорию средового подхода в педагогике, а также определить границы его применимости и выявить специфику функционирования в условиях строгой правовой регламентации и иерархического принципа взаимодействия.

Формирование современного специалиста УИС происходит посредством целенаправленного учебно-воспитательного процесса в специальных ведомственных образовательных организациях под воздействием специфического внутреннего и внешнего окружения (среды), в котором он оказывается. Такая среда признается одним из ведущих факторов развития личности и становления профессионала.

Среда образовательных организаций ФСИН России является отражением, прежде всего, запроса на подготовку ее кадрового состава со стороны государственного управленческого органа, который, реализуя государственные пенитенциарные стратегии, выступает в качестве единственного заказчика специалистов пенитенциарного профессионального профиля.

Исследование педагогической категории «образовательная среда» необходимо начать с выяснения научного определения данного понятия, выявления и раскрытия его структуры и содержания. Актуальность обращения к данной проблематике обусловлена потребностью в методологическом обосновании историко-педагогических исследований становления системы пенитенциарного образования в России.

В широком смысле любая «среда» воспринимается как некое окружение; как то, что окружает объект или в чем он находится [1, с. 470]. Специфика ведомственного образования требует особого подхода к пониманию среды, в которой происходит формирование специалиста. В связи с этим возникает необходимость всестороннего теоретического анализа данной категории для создания методологической основы, позволяющей ретроспективно оценить образовательную среду учебных заведений, осуществляющих подготовку

сотрудников пенитенциарной системы, и провести параллели с современными образовательными организациями ФСИН России.

Первоначально в науке понятие «среда» было связано с материальным воздействием неживых систем. В дальнейшем, ввиду неоднородности и неоднозначности данного феномена, в нем были выделены внешняя среда (не вовлеченная в его пределы, но оказывающая безусловное влияние) и внутренний компонент [2, с. 23].

«Отец педагогики» Я. А. Коменский в своем фундаментальном труде «Великая дидактика» обосновал принцип, согласно которому организация учебного процесса, включая школьную среду и учебные предметы, должна быть прежде всего привлекательной для ребенка, чтобы пробудить внутреннюю любовь к знанию и сделать школу «счастливой мастерской»: «Сама школа должна быть приятным местом, доставляя глазам привлекательное зрелище изнутри и снаружи» [3, с. 62].

Значительный вклад в типологию образовательных сред внес Я. Корчак, который более ста лет назад выделил четыре основных типа образовательной среды:

- догматическая (характеризуется традицией, авторитаризмом, послушанием, дисциплиной и порядком);
- идейная (развивает активность, открытость, творчество и определенную свободу при высокой самооценке);
- среда безмятежного потребления (формирует пассивную личность, для которой работа является лишь средством обеспечения удобств);
- среда внешнего лоска и карьеры (на первый план выступают холодный расчет, тщеславие, хитрость) [4, с. 48–49].

Автор термина «образовательная ситуация» психолог К. Левин в первой половине XX в., проводя социальные исследования внутригрупповых процессов, утверждал, что необходимо учитывать всю сложившуюся ситуацию комплексно, в целом. При этом, осуществляя изменения в отношении всей общности (группы), следует принимать во внимание, что отдельная личность неразрывно связана с ней, и при таком подходе сопротивление переменам со стороны отдельных членов группы будет минимизировано [5].

В конце 1960-х годов разработчик концепции человекоцентрированного подхода в обучении К. Роджерс отмечал, что напрямую учить другого человека нельзя – учитель может лишь способствовать его эффективному обучению, создавая специальную среду (благоприятные условия), которая поможет раскрыть природные способности обучающегося. В такой особо создаваемой атмосфере реализуются следующие ключевые условия: искренность в отношениях «учитель – ученик», безусловное принятие личности учащегося с эмпатическим пониманием его внутреннего мира. В книге «Свобода учиться» образовательная среда (по К. Роджерсу – «климат для обучения») предстает решающим фактором для того, чтобы раскрылась естественная человеческая склонность к учению [6].

Современные исследования подтверждают концепцию К. Роджерса и показывают, что «наличие климата взаимного уважения требуется для того, чтобы учащиеся шире использовали эффективные стратегии изучения материала и повышали чувство уверенности в своей способности успешно завершить учебные задания» [6].

Начиная с середины 1970-х гг. Э. Трикетт и Р. Моос заложили собственную методику изучения «классной атмосферы», разработав специальную шкалу для оценки образовательной среды – Classroom Environment Scale (CES) – с целью получения объективной картины психолого-социального климата в классе [7]. Разработанная в формате опросника шкала состоит из 90 утверждений, описывающих класс, и строится в форме трехмерной модели, включающей:

- характер взаимоотношений (уровень вовлеченности, взаимной поддержки и личной заинтересованности внутри классного коллектива);
- личное развитие (насколько среда в классе способствует самостоятельности, здоровому соперничеству, стремлению к успеху и личностному росту каждого ученика);

– систему поддержки, обслуживания и управления изменениями, характеризующую степень административного регулирования, предсказуемостью поведения системы, а также эффективностью процедур контроля и адаптивностью к внутренним и внешним модификациям [8].

В дальнейшем эволюция понятия «образовательная среда» привела к появлению прагматичных дефиниций, смещающих фокус с философских оснований на практическую сторону. В трактовке Б. Уилсона (1995 г.) среда обучения представляет собой прежде всего специально организованное пространство, ключевыми атрибутами которого являются взаимодействие и поддержка, в ходе которых используются разнообразные ресурсы и технологии для достижения общих образовательных целей и решения педагогических проблем [9, с. 25].

В российской педагогике возможность учитывать и использовать потенциал среды в педагогическом процессе нашла отражение со второй половины XIX в. П. Ф. Каптерев, П. Ф. Лесгафт, Н. И. Пирогов, Л. Н. Толстой, К. Д. Ушинский и другие «так или иначе касались вопросов управления развитием личности через среду, способствуя тем самым формированию» нового научного направления [10].

В советской педагогике термин «среда» появился в 1920-е годы: «педагогика среды» (С. Т. Шацкий), «общественная среда ребенка» (П. П. Блонский), «окружающая среда» (А. С. Макаренко) [2, с. 27].

Масштабные системные исследования школьной среды в России были начаты в 1997 г. в Центре комплексного формирования личности Российской академии образования [11, с. 328]. Значительный научный интерес представляют результаты исследований созданной в 2002 г. в Центре комплексного формирования личности РАО специальной лаборатории экспертизы и проектирования образовательных систем с «направленностью на формирование единой методологической базы средовых исследований в педагогике и педагогической психологии».

Анализ различных подходов к образовательной среде позволил сотрудникам лаборатории интегрировать их ключевые положения в универсальное определение, согласно которому «образовательная среда рассматривается как пространственно и / или событийно ограниченное окружение личности, специально организованное и функционирующее в контексте образовательного процесса» [11, с. 335].

Концептуальный каркас термина «образовательная среда» обусловлен парадигмой взаимодействия «человек – окружающая среда». Данное взаимодействие интериоризируется через совокупность внешних (материально-предметных, социально-коммуникативных, нормативно-регулятивных) и внутренних (психофизиологических, когнитивных) условий, которые конституируют образовательное пространство и выступают системными факторами, детерминирующими траекторию личностного и профессионального становления обучающегося. В свою очередь, эти факторы формируют «предметно-пространственное окружение», которое играет ключевую роль в определении контекста обучения и влияет на формирование познавательных процессов и развитие навыков [12].

В соответствии с концепцией В. А. Ясвина образовательная среда представляет собой сложную динамическую систему, в которой реализуется множество взаимосвязанных и взаимообуславливающих воздействий, определяющих процесс формирования личности в контексте ее социально-структурированного и пространственно-предметного окружения. Данная система функционирует как интегральная среда развития, в которой взаимодействие субъекта с условиями среды выступает основой личностных трансформаций [13, с. 172].

В настоящее время в отечественной педагогике превалирует разделяемая нами позиция В. И. Слободчикова о том, что образовательная среда не может являться чем-то решенным, однозначным и наперед заданным; она соединяет «образующего и образуемого»,

в результате чего совместными усилиями они начинают «ее проектировать и строить» [14, с. 183].

Можно констатировать тот факт, что образовательная среда представляет собой многогранное явление, вследствие чего выступает как самостоятельный предмет исследования достаточно большого числа авторов. Систематизация наиболее характерных результатов представлена в табл. 1.

Таблица 1

Авторские определения образовательной среды

Авторы	Определения образовательной среды
А. И. Артюхина	Педагогический феномен, «развивающийся континуум» факторов, установленное положение событий, пространство и взаимодействие обстоятельств, дающих возможность для развития личности
С. В. Белова	Совокупность «внешних и внутренних стимулов и возможностей, обеспечивающих формирование гуманитарного опыта»
С. Д. Дерябо, В. П. Якимевич	Комплекс всех возможностей (как позитивных, так и негативных) обучения и развития личности обучаемого
О. А. Ильченко	Интеграционная структура информационно-технического и учебно-методического ресурсного обеспечения, функциональная специфика которой обусловлена субъект-субъектным взаимодействием участников образовательного процесса
Н. Б. Крылова	Сегмент социокультурного пространства, выполняющий функцию интегративной арены взаимодействия образовательных систем различного уровня (институционального, организационного, программно-методического), их структурных элементов, содержательного компонента образования и субъектов педагогического процесса
Е. Б. Лактионова	Диалектическое единство связанных между собой и взаимообусловленных компонентов
А. М. Новиков	Структурированная система факторов социализации и индивидуализации личности, детерминируемая комплексом социальных воздействий, институциональных условий и пространственно-предметных ресурсов среды, обеспечивающих потенциал для личностного развития и самореализации
Т. Е. Тетерина	Иерархически организованная система взаимообусловленных структурных компонентов, имманентно связанных с субъектом образовательного процесса, образующих с ним неразрывное единство

Теоретико-концептуальный анализ дефиниций понятия «образовательная среда» позволил установить отсутствие единого подхода к его определению в современной научной литературе. Вместе с тем систематизация рассмотренных трактовок дает возможность выделить инвариантные признаки, типичные для большинства дефиниций:

- комплекс условий, обеспечивающих процессы социализации, обучения и развития личности;
- конвергенцию исторически детерминированных факторов и интенционально созданных педагогических условий;
- интеракцию участников образовательного процесса, обуславливающую актуализацию личностного потенциала;
- целенаправленное конструирование среды в целях обеспечения условий для полноценного развития и самореализации личности.

Таким образом, в обобщенном виде образовательная среда может быть представлена как системная совокупность компонентов, факторов и условий, предопределяющих образовательный процесс.

Также следует акцентировать внимание на том, что образовательная среда, как и любая другая педагогическая категория, имеет соответствующие, свойственные ей характеристики: статичность и динамичность. Статические характеристики представляют собой объективную действительность, особенность каждого учебного заведения (территориальную, кадровую и т. д.). В данном случае учебное заведение представляет собой не-

кую целостность и относительное объединение базовых характеристик, общих родовых и специфических понятий. В свою очередь, динамические характеристики образовательной среды выступают в виде сочетания общих «глобальных, стратегических» педагогических идей и целей образовательного процесса. Большинство современных исследователей образовательной среды признается ее главенство (в совокупности как внешних, так и внутренних условий) как источника воспитания и развития личности [15].

Особую значимость имеет высказывание Л. С. Выготского: «Среда не представляет из себя чего-либо абсолютно застывшего, неподатливого и неизменного. Напротив, единой среды не существует в реальной действительности. Она распадается на ряд более и менее самостоятельных и изолированных друг от друга кусков» [16, с. 88]. На этом основании автор справедливо предполагает многокомпонентность среды.

Для анализа содержательного наполнения понятия «образовательная среда» необходимо актуализировать ранее выявленные исследователями научные характеристики ее компонентов. Так, В. А. Ясвин выделяет четыре компонента образовательной среды: социальный, пространственно-предметный, технологический (или психодидактический), а также признает отдельным компонентом субъектов образовательного процесса [13, с. 172]. А. А. Леонтьев выделял основной принцип единства образовательной среды, когда воспитывает не только школа как внутренняя ее часть, но и внешнее проявление: семья, неформальный круг общения ребенка, средства массовой информации [17, с. 20]. А. И. Артюхина, представляя структурно-функциональную модель образовательной среды вуза, проектирует ее педагогические компоненты: информационно-знанийевый, мотивационно-ценностный, валеологический и гуманитарный. Симбиоз их обеспечивается слаженной работой всего коллектива вуза, использованием современных информационных технологий, взаимосвязью с другими средами [18, с. 26–28].

Для конструирования собственной модели был проведен контент-анализ компонентного состава среды, предлагаемого современными исследователями (табл. 2).

Таблица 2

Компонентный состав образовательной среды

Авторы	Компоненты образовательной среды
А. И. Артюхина	Информационно-знанийевый, мотивационно-ценностный, валеологический, гуманитарный
В. А. Адольф, О. В. Евтихов	Информационно-образовательный, профессиональный, социальный, организационно-корпоративный
С. Л. Лобачев, В. И. Солдаткин	Информационные ресурсы, технологии обучения, технологии обеспечения учебного процесса
А. М. Новиков	Социальный, пространственно-предметный, психолого-дидактический
Т. Е. Тетерина	Содержание образования, информационные ресурсы, образовательные технологии, виды обеспечения образовательного процесса

Особую значимость для нашего исследования представляют работы Л.В. Ковтуненко, которая рассматривает образовательную среду учебных заведений ФСИН России как совокупность социальных, бытовых, организационно-педагогических и личностных условий образовательной деятельности педагогического субъекта [2, с. 24]. Исследователь справедливо утверждает, что среда как любая система «имеет свою цель, задачи, содержание, формы, методы, средства, механизмы, объекты и субъекты, результат» [2, с. 46]. По ее мнению, образовательная среда ведомственного учебного заведения пенитенциарного профиля характеризуется доминированием субординационно-дисциплинарных отношений в служебной деятельности, а также ярко выраженной практико-ориентированной направленностью профессиональной подготовки и воспитания сотрудников УИС, учитывающей специфику их пенитенциарной деятельности [2, с. 31].

Одна из ключевых проблем ведомственного образования заключается в необходимости совмещения жесткой дисциплинарной вертикали внутри кластера сотрудников УИС с задачей развития творческой, саморазвивающейся личности. Субординация (система подчиненности «начальник – подчиненный») и служебная дисциплина являются прямым следствием военизированного характера пенитенциарной подготовки.

Контент-анализ компонентного состава образовательной среды позволил получить структурированное представление о содержании и смысловом наполнении компонентного состава, что дало возможность выделить ключевые признаки, характерные для большинства трактовок.

Обобщенные признаки компонентов образовательной среды структурированы по следующим ключевым блокам:

- Социально-целевой блок объединяет компоненты, связанные с социальным контекстом функционирования учебного заведения: взаимодействие с государством и обществом, социальный и профессиональный заказ на подготовку кадров, а также идеи, ценности и цели обучения.

- Ресурсно-обеспечивающий блок включает материально-пространственную организацию учебного заведения, техническое оснащение учебного процесса, а также кадровое обеспечение.

- Содержательно-процессуальный блок охватывает совокупность дидактических параметров образовательного процесса: его структурную организацию, содержание образования, дидактический инструментарий (методы, формы, средства), а также концептуальные подходы и технологии, имплементируемые в педагогическую практику.

На основе проведенного анализа нами предложена структурная компонентная схема образовательной среды первых государственных пенитенциарно-профессиональных учебных заведений, состоящая из четырех компонентов:

1. Социально-профессиональный компонент включает:

- вопросы взаимодействия государства и общества, нашедшие отражение в образовательной среде учебного заведения;
- обобщенные социально-образовательные цели и конкретные профессионально-пенитенциарные задачи.

2. Обеспечивающий компонент состоит из:

- кадрового обеспечения преподавательским и переменным составом;
- материально-технического обеспечения учебного процесса.

3. Содержательно-образовательный компонент представлен:

- степенью интеграции учебной деятельности в практическую пенитенциарную действительность;
- учебно-методическим обеспечением учебного процесса;
- содержанием образовательных программ;
- используемыми образовательными технологиями.

4. Организационно-управленческий компонент раскрывает:

- административно-правовую подчиненность и принадлежность;
- формы и виды административных особенностей управления.

Включение организационно-управленческого компонента обосновано тем, что он связан с правовой регламентацией, организацией и осуществлением распорядительных полномочий. По мнению Ю. А. Конаржевского, процесс управления учебным заведением является «управленческим циклом» и заключается в деятельности по получению и обработке информации как совокупности ориентированных «на достижение одной цели взаимодействующих управленческих функций» [19, с. 6].

В качестве общих признаков образовательной среды в исследовании используется концепция Е. Б. Лактионовой, согласно которой образовательная среда:

- есть сложносоставной системный феномен, совокупность определенного набора «компонентов, образующих систему координат»;
- существует как социальная общность, выступающая условием и средством воспитания и обучения;
- представлена разнообразием «типов и видов локальных сред различного качества» [12, с. 19].

На основе проведенного анализа предлагается следующее определение: *образовательная среда учебного заведения, осуществляющего подготовку сотрудников пенитенциарного ведомства* – это системно-организованная совокупность определенных компонентов (социально-профессионального, организационно-управленческого, содержательно-образовательного, обеспечивающего), необходимая для достижения социально-педагогических целей и решения образовательных задач конкретного учебного заведения.

Данное определение опирается на существующие научные подходы и позволяет учитывать ведомственную специфику и исторический контекст при анализе эволюции образовательной среды *учебных заведений, осуществляющих подготовку сотрудников пенитенциарного ведомства*.

Проведенное исследование позволило решить поставленную задачу описать природу (содержание) и структуру образовательной среды учебного заведения как педагогической категории.

Основные результаты исследования заключаются в следующем:

1. Выявлено, что концептуальная полисемия дефиниции «образовательная среда» в педагогической науке обусловлена отсутствием унифицированного подхода. Наряду с этим релевантной представляется позиция, согласно которой образовательная среда конституируется как многоуровневая система взаимосвязанных компонентов, детерминант и условий, выступающих ресурсной базой для социализации, образования и развития личности.
2. Установлено, что образовательная среда характеризуется статическими (объективная действительность учебного заведения) и динамическими (педагогические идеи и цели) характеристиками.
3. Разработана структурная компонентная схема образовательной среды учебного заведения, подготавливающего сотрудников пенитенциарного ведомства, включающая социально-профессиональный, обеспечивающий, содержательно-образовательный и организационно-управленческий компоненты.
4. Сформулировано авторское определение образовательной среды учебного заведения, подготавливающего сотрудников пенитенциарного ведомства, учитывающее специфику ведомственного образования.

Полученные теоретические выводы создают необходимую методологическую основу для проведения историко-педагогической реконструкции образовательной среды первых государственных школ подготовки надзирательского состава тюремной системы России (1913–1916 гг.). Перспективы дальнейших исследований связаны с применением предложенной структурной компонентной схемы для ретроспективного анализа становления профессиональной подготовки кадрового состава пенитенциарной системы России и выявления преемственности ее традиций в современных образовательных организациях ФСИН России.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Толковый словарь государственного языка Российской Федерации : в 2 т. Т. 2. П–Я / под науч. ред. Н. М. Кропачева, С. А. Белова, С. А. Кузнецова. СПб., 2025. 796 с.
2. Ковтуненко Л. В. Воспитательная среда учреждения для несовершеннолетних как системообразующий фактор их социальной реабилитации. Воронеж, 2012. 160 с.

3. Великая дидактика / Я. А. Коменский, Д. Локк, Ж.-Ж. Руссо, И. Г. Песталоцци // Педагогическое наследие. М., 1989. С. 11–105.
4. Корчак Я. Как любить ребенка. М., 2014. 480 с.
5. Левин К. Теория поля в социальных науках / пер. с англ. СПб., 2000. 368 с.
6. Роджерс К., Фрейберг Д. Свобода учиться / пер. с англ. 2-е изд. М., 2019. 527 с.
7. Trickett E., Moos R. H. Personal correlates of contrasting environments: Student satisfaction in high school classrooms // *American Journal of Community Psychology*. 1974. № 2 (1). P. 1–12.
8. Trickett E. J., Moos R. H. Three domains of classroom environment: Factor analysis of the Classroom Environment Scale / *American Journal of Community Psychology*. 1979. № 7 (4). P. 459–472.
9. Wilson B. Metaphors for instruction: Why we talk about learning environments // *Educational Technology*. 1995. № 35(5). P. 25–30.
10. Сманцер А. П. Культурно-образовательная среда учебного заведения как фактор гуманизации воспитания и образования школьников // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия Е. Педагогические науки. 2010. № 5. С. 7–11.
11. Ясвин В. А. Школьная среда как предмет измерения: экспертиза, проектирование, управление. М., 2019. 448 с.
12. Лактионова Е. Б. Психологическая экспертиза образовательной среды : автореф. дис. ... д-ра психол. наук. СПб., 2013. 53 с.
13. Ясвин В. А. Образовательная среда: от моделирования к проектированию. М., 1997. 176 с.
14. Слободчиков В. И. Образовательная среда: реализация целей образования в пространстве культуры // Новые ценности образования: культурные модели школ. 1997. № 7. С. 177–184.
15. Евтихов О. В. Типы образовательных сред в современном образовании // *Russian Journal of Education and Psychology*. 2014. № 4 (36). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tipy-obrazovatelnyh-sred-v-sovremenном-obrazovanii> (дата обращения: 29.03.2025).
16. Выготский Л. С. Педагогическая психология / под ред. В. В. Давыдова. М., 1991. 480 с.
17. Леонтьев А. А. Педагогика здравого смысла. Избранные работы по философии образования и педагогической психологии / сост., предисл., коммент. Д. А. Леонтьева. М., 2016. 528 с.
18. Артюхина А. И. Образовательная среда высшего учебного заведения как педагогический феномен (по материалам проектирования образовательной среды медицинского университета) : автореф. дис. ... д-ра пед. наук. Волгоград, 2007. 40 с.
19. Конаржевский Ю. А. Педагогический анализ учебно-воспитательного процесса и управление школой. М., 1986. 143 с.

REFERENCES

1. *Tolkovyi slovar' gosudarstvennogo yazyka Rossiiskoi Federatsii: v 2 t. T. 2* [Explanatory dictionary of the state language of the Russian Federation: in 2 vols. Vol. 2]. Ed. by Kropachev N. M., Belov S.A., Kuznetsov S.A. Saint Petersburg, 2025. 796 p.
2. Kovtunen L.V. *Vospitatel'naya sreda uchrezhdeniya dlya nesovershennoletnikh kak sistemoobrazuyushchii faktor ikh sotsial'noi reabilitatsii* [Educational environment of an institution for minors as a systemforming factor of their social rehabilitation]. Voronezh, 2012. 160 p.
3. Comenius J.A., Locke J., Rousseau J.-J., Pestalozzi J.H. The Great Didactic. In: *Pedagogicheskoe nasledie* [Pedagogical heritage]. Moscow, 1989. Pp. 11–105.
4. Korczak J. *Kak lyubit' rebenka* [How to love a child]. Moscow, 2014. 480 p.
5. Levin K. *Teoriya polya v sotsial'nykh naukakh* [Field theory in the social sciences]. Saint Petersburg, 2000. 368 p.
6. Rogers C., Freiberg J. *Svoboda uchit'sya* [Freedom to learn]. Moscow, 2019. 527 p.
7. Trickett E., Moos R.H. Personal correlates of contrasting environments: Student satisfaction in high school classrooms. *American Journal of Community Psychology*, 1974, no. 2 (1), pp. 1–12.
8. Trickett E.J., Moos R.H. Three domains of classroom environment: Factor analysis of the Classroom Environment Scale. *American Journal of Community Psychology*, 1979, no. 7 (4), pp. 459–472.
9. Wilson B. Metaphors for instruction: Why we talk about learning environments. *Educational Technology*, 1995, no. 35 (5), pp. 25–30.
10. Smancer A. P. The cultural and educational environment of an educational institution as a factor in the humanization of the upbringing and education of schoolchildren. *Vestnik Polotskogo*

gosudarstvennogo universiteta. Seriya E. *Pedagogicheskie nauki* = *Bulletin of Polotsk State University. Series E. Pedagogical Sciences*, 2010, no. 5, pp. 7–11. (In Russ.).

11. Yasvin V.A. *Shkol'naya sreda kak predmet izmereniya: ekspertiza, proektirovanie, upravlenie* [School environment as an object of measurement: expertise, design, management]. Moscow, 2019. 448 p.

12. Laktionova E.B. *Psikhologicheskaya ekspertiza obrazovatel'noi sredy: avtoref. dis. ... d-ra psikhol. nauk* [Psychological expertise of the educational environment: Doctor of Sciences (Psychology) dissertation abstract]. Saint Petersburg, 2013. 53 p.

13. Yasvin V.A. *Obrazovatel'naya sreda: ot modelirovaniya k proektirovaniyu* [Educational environment: from modeling to design]. Moscow, 1997. 176 p.

14. Slobodchikov V.I. Educational environment: realizing educational goals in the space of culture. *Novye tsennosti obrazovaniya: kul'turnye modeli shkol* = *New Values of Education: Cultural Models of Schools*, 1997, no. 7, pp. 177–184. (In Russ.).

15. Evtikhov O.V. Types of educational environments in modern education. *Russian Journal of Education and Psychology*, 2014, no. 4 (36). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/tipy-obrazovatelnyh-sred-v-sovremennom-obrazovanii> (accessed March 29, 2025).

16. Vygotskii L.S. *Pedagogicheskaya psikhologiya* [Educational psychology]. Ed. by Davydov V.V. Moscow, 1991. 480 p.

17. Leont'ev A.A. *Pedagogika zdravogo smysla. Izbrannye raboty po filosofii obrazovaniya i pedagogicheskoi psikhologii* [Pedagogy of common sense. Selected works on the philosophy of education and educational psychology]. Moscow, 2016. 528 p.

18. Artyukhina A.I. *Obrazovatel'naya sreda vysshego uchebnogo zavedeniya kak pedagogicheskii fenomen (po materialam proektirovaniya obrazovatel'noi sredy meditsinskogo universiteta): avtoref. dis. ... d-ra ped. nauk* [The educational environment of a higher educational institution as a pedagogical phenomenon (based on the materials of designing the educational environment of a medical university): Doctor of Sciences (Pedagogy) dissertation abstract]. Volgograd, 2007. 40 p.

19. Konarzhevskii Yu.A. *Pedagogicheskii analiz uchebno-vospitatel'nogo protsessa i upravlenie shkoloi* [Pedagogical analysis of the educational and upbringing process and school management]. Moscow, 1986. 143 p.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

ОЛЕГ МИХАЙЛОВИЧ ПИСАРЕВ – кандидат психологических наук, доцент, заместитель начальника Томского института повышения квалификации работников ФСИН России по учебной и научной работе, Томск, Россия, доцент кафедры организационной психологии факультета психологии Томского государственного университета, ti.okspvr@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3559-6524>

ДАРЬЯ ЮРЬЕВНА СТЕПАНОВА – старший преподаватель кафедры организации оперативно-розыскной деятельности Томского института повышения квалификации работников ФСИН России, Томск, Россия, daria.boratynskaya@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0000-1717-8460>

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

OLEG M. PISAREV – Candidate of Sciences (Psychology), Associate Professor, Deputy Head for Educational and Scientific Work of the Tomsk Institute for Professional Development of Employees of the Federal Penitentiary Service of Russia, Tomsk, Russia, associate professor at the Department of Organizational Psychology of the Psychology Faculty of the Tomsk State University, ti.okspvr@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3559-6524>

DAR'YA YU. STEPANOVA – Senior Lecturer at the Department of Organization of Law Enforcement Intelligence Operations of the Tomsk Institute for Professional Development of Employees of the Federal Penitentiary Service of Russia, Tomsk, Russia, daria.boratynskaya@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0000-1717-8460>.

Статья поступила 04.05.2026

Научная статья

УДК 378.147

doi 10.46741/sjournal.2026.22.3.003

Педагогическое осмысление наследия дореволюционных и советских преподавателей о правовых ценностях

МАРГАРИТА АЛЕКСАНДРОВНА АЗЕЕВА

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации,
Ярославский филиал, Ярославль, Россия, azeeva-margarita@yandex.ru

Аннотация. В статье анализируется педагогическое значение философско-правового наследия российских дореволюционных и советских преподавателей в контексте подготовки современных студентов-юристов. В ходе исследования проведен содержательный анализ научных трудов указанных авторов. Установлены трактовки и понимание таких правовых ценностей, как справедливость, свобода, равенство, достоинство, гуманизм, образующих единую группу, которые можно считать традиционными для нашей страны. Обосновывается актуальность обращения к трудам классиков отечественной философии права, преподававшим в крупнейших университетах царской России (Московском, Санкт-Петербургском, Казанском и Киевском) и советского государства (Институт права Академии наук СССР и других), что необходимо для формирования правовых ценностей будущих юристов в условиях стремительного развития технологий искусственного интеллекта. Предлагаются конкретные методические приемы включения идей дореволюционных и советских преподавателей в ценностно-смысловой диалог современных преподавателей и студентов.

Ключевые слова: правовые ценности; справедливость; свобода; равенство; достоинство; гуманизм; юридическое образование.

5.8.7. Методология и технология профессионального образования.

Для цитирования: Азеева М. А. Педагогическое осмысление наследия дореволюционных и советских преподавателей о правовых ценностях // Всероссийский научно-практический журнал социальных и гуманитарных исследований. 2026. № 3 (22). С. 26–35. doi 10.46741/sjournal.2026.22.3.003.

Original article

Pedagogical Reflection on the Legacy of Pre-Revolutionary and Soviet Teachers Studying Legal Values

MARGARITA A. AZEEVA

Financial University under the Government of the Russian Federation, Yaroslavl Branch, Yaroslavl, azeeva-margarita@yandex.ru

Abstract. The article analyzes pedagogical significance of the philosophical and legal heritage of Russian pre-revolutionary and Soviet educators in the context of training modern law students. The study presents a substantive analysis of the scientific works of the aforementioned authors. The interpretations and understanding of legal values, such as justice, freedom, equality, dignity, and humanism, which form a unified group and can be considered traditional for our country, are established. The relevance of turning to the works of the classics of Russian philosophy of law, who taught at the largest universities of Tsarist Russia (Moscow, Saint Petersburg, Kazan, and Kiev) and during the Soviet period (the Institute of Law of the USSR Academy of Sciences and others), is substantiated. Fostering a robust ethical framework in law students is crucial as artificial intelligence continues to advance at an unprecedented pace. Specific methodological approaches are proposed for incorporating the ideas of pre-revolutionary and Soviet teachers into the value-semantic dialogue between modern teachers and students.

Keywords: legal values; justice; freedom; equality; dignity; humanism; legal education.

5.8.7. Methodology and technology of vocational education.

For citation: Azeeva M.A. Pedagogical reflection on the legacy of pre-revolutionary and soviet teachers studying legal values. *All-Russian Research and Practice Journal of Studies in Social Sciences and Humanities*, 2026, no. 3 (22), pp. 26–35. doi 10.46741/sjournal.2026.22.3.003.

Введение. Цифровизация затрагивает все сферы жизни общества, включая и юридическую. О цифровизации права говорят в трех аспектах: цифровизация практики, науки и правового образования [1, с. 9]. На юридических форумах и конференциях последних лет актуальны проблемы для обсуждений, связанные с проникновением новых технологий в юридическую сферу и новым образом юриста. Так, в программе XIV Петербургского международного юридического форума, прошедшего с 24 по 26 июня 2026 г., заявлены такие темы: «Останется ли место естественному интеллекту в юридической науке и образовании?», «Юрист будущего: портрет профессии в эпоху искусственного интеллекта», «Вызовы искусственного интеллекта для юридического образования» [2]. Но право связано с человеком, и в процессе профессиональной деятельности выпускники-юристы будут решать судьбы людей, поэтому такая деятельность должна быть основана на гуманистических правовых ценностях.

Человек, его права и свободы провозглашены в Конституции РФ высшей ценностью, достоинство личности охраняется государством. Все равны перед законом и судом. Государство гарантирует равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств. В свою очередь, вера в справедливость заложена в первых строках Конституции – ее преамбуле [3].

А. Ю. Кузубова в своем исследовании доказывает, что в основании права России должны лежать обладающие авторитетом, соответствующие канонам отечественной правовой культуры правовые ценности. Специфика национального мировоззрения, воплощенная в ценностных убеждениях, задает алгоритмы ценностно-мотивированной организации правовой деятельности. Автор отмечает конгруэнтность нравственно-правовых ценностей, что представляет собой согласованность феноменов нравственности и права, образующих единое аксиологическое целое. В современных условиях потенциал правовых ценностей предопределен их возможностью оказывать мотивационное воздействие на поведение личности, детерминировать волю и сознание [4].

Цель статьи – выявить и систематизировать педагогическое значение наследия как дореволюционных, так и советских преподавателей, касающегося правовых ценно-

стей (единая группа гуманистических правовых ценностей: справедливость, свобода, равенство, достоинство, гуманизм), определить способы его актуализации в подготовке будущих юристов и включения в ценностно-смысловой диалог преподавателей и студентов.

1. Идеи о справедливости и их педагогическое значение.

Б. Н. Чичерин трактовал справедливость через понятие «правды» как общего разумного начала, которое должно служить руководством и при установлении закона, и при его применении. Он предостерегал от сведения справедливости к «смутному инстинкту», под которым можно понимать все что угодно, и настаивал на необходимости возведения человеческих побуждений в степень сознательного, рационально постигаемого принципа [5, с. 68]. Для педагогики это означает: студент-юрист должен учиться не просто апеллировать к справедливости, а выявлять ее рациональные основания, уметь обосновывать критерии справедливости в конкретных правовых ситуациях.

Л. И. Петражицкий предложил психологическую трактовку справедливости, рассматривая ее как интуитивное право – особый вид правовых переживаний, существующий наряду с позитивным правом. Справедливость для него – это не внешняя норма, а внутреннее эмоционально-интеллектуальное состояние, которое формирует правосознание личности [6, с. 144]. Педагогическое значение этой идеи состоит в необходимости развивать у студентов рефлексию над собственными правовыми переживаниями справедливости, учить их осознавать различие между позитивными нормами и интуитивными представлениями о должном.

И. А. Ильин определял справедливость как соразмерность: справедливая норма не может возлагать одинаковые обязанности на разных субъектов — она должна учитывать личные силы, способности, имущественное положение, состояние здоровья и другие значимые характеристики. «Кому больше дано, с того больше и взыщется» [7, с. 78]. Для подготовки юристов это положение означает необходимость формирования навыка дифференцированного подхода к правовому регулированию и правоприменению: студент должен учиться видеть за абстрактной нормой конкретного человека и оценивать, насколько правовые требования соразмерны реальным возможностям и деяниям субъекта.

С. А. Муромцев рассматривал справедливость как наиболее совершенный правовой порядок, к которому стремится общество, как идеал, рисующий будущее правовое состояние. Он подчеркивал, что в обществе сосуществуют разные воззрения на должное, справедливость реализуется как некая «середина» между крайними позициями. Задача судьи — сохранять в каждом решении гармонию между применяемой нормой и конкретным случаем [8, с. 110]. Г. Ф. Шершеневич предостерегал от необдуманного использования «принципа справедливости» для исправления закона. Он признавал, что норма должна применяться до тех пор, пока не приводит к результатам, оскорбляющим чувство справедливости, однако подчеркивал опасность свободного судебного усмотрения, корректирующего закон: такая практика несет в себе гораздо большую угрозу для правового порядка, чем несправедливость отдельной нормы [9]. Педагогическое значение этих идей состоит в том, что будущий юрист должен научиться различать случаи, когда буквальное применение нормы действительно несправедливо и требует толкования, и ситуации, когда апелляция к справедливости становится прикрытием для произвола и нарушает правопорядок.

В. С. Нерсисянц определил справедливость как внутреннее свойство и качество самого права. Справедливость не внеправовая (моральная, нравственная, религиозная) категория, а правовая характеристика: справедливо то, что соответствует праву, выражает его сущность — всеобщее равенство и свободу. Действовать по справедливости — значит действовать правомерно [10, с. 28]. Для юридического образования такой подход имеет принципиальное значение: он ориентирует студентов на понимание того, что справедли-

вость не противопоставляется закону, а воплощается в нем через правовой принцип равенства и свободы.

2. Идеи о свободе и их педагогическое значение

В. С. Соловьев рассматривал свободу через призму соотношения личного интереса и общего блага. Он полагал, что требование личной свободы для своего осуществления уже предполагает ее ограничение в той мере, в какой она несовместима с существованием общества. Встреча этих двух интересов рождает право. Право, по В. С. Соловьеву, должно иметь силу всегда осуществляться, то есть свобода других людей независимо от субъективного признания должна ограничивать мою свободу в равных пределах со всеми. Таким образом, свобода в правовом измерении есть не произвол, а упорядоченное, равное для всех самоограничение [11, с. 583]. Для юридического образования эта идея принципиальна: студенты должны понимать, что право не противопоставлено свободе, а является условием ее реального существования в обществе.

Б. Н. Чичерин называл свободу корнем всякого права. По его учению, закон устанавливает общие нормы и одинаковые для всех способы приобретения прав, но осуществление и пользование этими правами предоставляется свободе. Именно акт свободной воли дает юридический титул, соединяя свободу с равенством. Свобода, равенство и справедливость у Б. Н. Чичерина органически связаны: правовой порядок возможен только там, где свободная воля действует в рамках общих для всех правил [5, с. 69]. Е. Н. Трубецкой определял свободу как содержание права, выделяя два ее аспекта: свободу внутреннюю (способность воли сознательно выбирать поведение) и свободу внешнюю (возможность действовать вовне, преследовать цели во внешнем мире). Право предполагает обе эти свободы, но существенным признаком права является правило или норма, ограничивающая свободу. Там, где свобода отдельного лица не ограничена никакими предписаниями, нет и права [12, с. 7]. И. А. Ильин подчеркивал, что свобода каждого человека ограничена свободой другого лица. Каждый должен добровольно ограничивать свои притязания, учитывая, что другие также имеют право жить и осуществлять свои интересы. Право, ограничивая свободу каждого известными пределами, обеспечивает ему беспрепятственное пользование своими правами внутри этих пределов, то есть гарантирует свободу. Свобода простирается лишь до той границы, от которой начинается свобода других людей [7]. Эта идея формирует у студентов понимание правового порядка как системы взаимных ограничений, обеспечивающих свободу всех участников правоотношений. Будущий юрист должен осознавать, что правовая свобода несовместима с эгоистическим произволом и требует признания равной свободы других лиц.

Н. В. Витрук, представитель советской школы, рассматривал свободу как одну из потребностей личности, которые могут быть удовлетворены правом. Ценность права для личности состоит в том, что оно способно удовлетворить ее потребность в свободе. Каждый человек для своего существования и развития должен иметь определенные возможности для сознательной деятельности и самоутверждения. Совокупность таких возможностей характеризует состояние свободы, которое служит универсальной потребностью человека [13]. Д. А. Керимов определял свободу как внешнее и внутреннее состояние независимости личности, познающей действительность и действующей в соответствии с познанным, разумно сочетающей свои интересы с интересами общественного прогресса [14]. Для студентов-юристов это положение важно для формирования профессиональной этики: юрист должен осознавать, что его свобода (в том числе профессиональная) не безгранична, она предполагает ответственность перед обществом и законом.

В. С. Нерсисянц разработал либертарно-юридическую концепцию, согласно которой свобода невозможна без принципа и норм равенства, без общего правила, единого масштаба и равной меры свободы, то есть без права, вне правовой формы. Свобода не толь-

ко не противоположна правовому равенству, но выражима лишь с помощью равенства и воплощена в нем. Свобода и равенство неотделимы и взаимно предполагают друг друга. Право есть всеобщий масштаб и равная мера именно свободы индивидов [10, с. 22]. Студенты должны усвоить, что правовое равенство не умаляет свободу, а является ее необходимым условием и формой выражения. Свобода в праве всегда есть свобода в рамках общего для всех правила.

3. Идеи о равенстве и их педагогическое значение

Б. Н. Чичерин связывал равенство с понятием правды (справедливости), отмечая, что справедливым считается то, что одинаково прилагается ко всем. Он различал правду уравнивающую и распределяющую, считая признание коренного равенства высшим требованием правды. При этом равенство у Чичерина не означает подведения всех под одну мерку; истинная правда состоит в признании за всеми равного человеческого достоинства и свободы, независимо от условий и положения. Это выражается в равенстве прав как юридической возможности действовать, которая присваивается лицу как таковому. Равенство является отвлеченным или формальным началом, во имя которого общий закон одинаково распространяется на всех. В этом состоит равенство перед законом – высокий идеал, к которому стремятся человеческие общества [5, с. 69].

И. А. Ильин подчеркивал, что равенство связано со справедливостью: люди, несмотря на все свое несходство, сохраняют равенство в известном отношении. Все люди как разумные живые существа, носящие в себе влечение к счастью и полноте духовного бытия, обладающие голосом совести и способностью к нравственному совершенствованию, имеют одинаковое, по справедливости равное притязание на жизнь, на удовлетворение, на развитие своих благих способностей и на свободу добрых проявлений. Если бы право упустило из виду это равенство, оно впало бы в явную несправедливость [7, с. 79]. Эта идея особенно важна для воспитания у будущих юристов уважения к личности каждого человека, независимо от его социального статуса, способностей или иных различий.

Д. А. Керимов рассматривал равенство в соотношении с равноправием, отмечая, что это категории однопорядковые, но не тождественные. Человек не может быть равен другому, так как каждый обладает своими особенностями умственного, образовательного, культурного, творческого характера, живет и действует в неодинаковых социальных условиях и обстоятельствах. Уравнивание различных людей, осуществляемое в целях распределения общественных благ в соответствии с универсальным законодательным стандартом, игнорирует их индивидуальные способности, предприимчивость, энергию, заслуги перед обществом [14]. Идея Д. А. Керимова предостерегает будущих юристов от понимания равенства как одинаковости и формирует представление о том, что правовое равенство не исключает дифференциации, учитывающей объективные различия между субъектами.

В. С. Нерсисянц рассматривал формальное равенство как сущностное свойство права, включающее три компонента: всеобщую равную меру (норму), формальную свободу адресатов этой меры и всеобщую справедливость этой равной для всех регуляции. Равенство, свобода и справедливость в его либертарно-юридической концепции образуют неразрывное триединство: право есть всеобщий масштаб и равная мера свободы, а справедливость есть самосознание права [10, с. 17]. Для студентов-юристов это означает, что равенство — не внешний атрибут права, а его внутренняя сущность, проявляющаяся в форме всеобщей и равной для всех нормативной регуляции.

4. Идеи о достоинстве и их педагогическое значение

П. И. Новгородцев одним из первых в российской правовой мысли обосновал право на достойное человеческое существование. Право, по П. И. Новгородцеву, должно взять на себя заботу об ограждении права на достойное человеческое существование, освобождая человека от гнета условий, которые убивают его физически и нравственно. Выражение

в самом законе принципа поддержки слабых и беззащитных возвышает в людях чувство собственного достоинства, укрепляет сознание того, что за ними стоит сам закон [15, с. 321]. И. А. Ильин называл закон духовного достоинства первой аксиомой правосознания. Здоровое правосознание, по И. А. Ильину, покоится всецело на чувстве собственного духовного достоинства. Только субъект, знающий или хотя бы чувствующий свое духовное достоинство, способен уважать право и одновременно создавать такое право, которое не было бы унижительно для человека, не извращало бы способ его жизни, не обслуживало бы порочных и губительных влечений. И. А. Ильин подчеркивал, что право и государство творят форму жизни, а чтобы выбрать достойную форму, необходимо самому быть живым очагом духовного достоинства [7, с. 308]. Такие идеи воспитывают как чувство собственного достоинства, так и уважение к достоинству других.

Н. А. Придворнов в советское время посвятил свои труды всесторонней разработке достоинства личности как правовой ценности. Социальная справедливость, основываясь на ценности и достоинствах личности, должна полностью определять правоприменительную и правоохранительную деятельность государства [16, с. 87]. Наследие Н. А. Придворова содержит педагогический ориентир для подготовки современных студентов-юристов.

5. Идеи о гуманизме и их педагогическое значение

В трудах дореволюционных преподавателей понятие гуманизма как таковое не употреблялось. В советское время одним из первых, кто обратился к гуманизму, был В. М. Чхиквадзе. Он рассматривал задачу советских юристов как необходимость показать подлинный гуманизм правового положения личности. Гуманизм у В. М. Чхиквадзе означает не просто провозглашение прав, а их реальное обеспечение, связь с социально-экономическими условиями, гарантирующими достойное существование человека [17]. Н. В. Витрук связывал гуманизм со способностью права обеспечивать общественное равенство всех индивидов. Право, по Н. В. Витруку, закрепляет в своих нормах реально гуманные условия существования и развития каждого человека, исходя из абсолютной ценности человеческой личности [13]. Осмысление идей выдающихся советских правоведов о гуманизме позволяет студентам признать личность высшей ценностью и руководствоваться этим пониманием в профессиональной деятельности.

В эпоху развития технологий искусственного интеллекта и проникновения его во все сферы, в том числе и образование, авторитетные российские ученые поднимают проблематику совершенствования профессиональных компетенций педагога, которые невозпроизводимы через ИИ-технологии, среди которых называют умение выстраивать ценностно-смысловой диалог [18, с. 9]. Представляется, что в таком ценностно-смысловом диалоге должно происходить формирование гуманистических правовых ценностей с опорой на философско-правовые идеи дореволюционных и советских преподавателей.

Для актуализации наследия отечественных философов права нами разработан комплекс учебных заданий, опирающийся на личный опыт преподавания, а также традиционные и современные педагогические технологии: метод кейс-стади, дискуссии, игровые технологии, метод ценностных дилемм [19, с. 87, 130; 20; 21, с. 113].

1. Метод кейс-стади:

- «Применение нормы права и пределы судейского усмотрения: критерии справедливости по Г. Ф. Шершеневичу»;
- «Оценка судебного решения, подготовленного искусственным интеллектом, на соответствие идеям гуманизма В. М. Чхиквадзе и Н. В. Витрука».

2. Игровая деятельность:

- учебное мероприятие «Работа с неоднозначностью (амбивалентностью)», описанное австрийским автором J. Pierer на тему: «Справедливость с позиций истца, ответчика и суда (на основе идей С. А. Муромцева)»;

– правовая игра «Свобода слова: границы дозволенного (на основе учения Е. Н. Трубецкого)» с применением сценарно-ситуационного подхода, предложенного В. Г. Мушкиным.

3. Дискуссия «Значение идей дореволюционных и советских философов права о правовых ценностях для современного юриста в эпоху искусственного интеллекта».

4. Эссе «Триединая формула права – справедливость, свобода, равенство – в учениях Б. Н. Чичерина и В. С. Нерсисянца».

5. Метод ценностных дилемм «Личная свобода или общественное благо? Разрешение ценностного конфликта на основе учения В. С. Соловьева».

6. Практические задания:

– «Переживание справедливости с проекционной точки зрения (на основе теории Л. И. Петражицкого)»;

– «Описание образа богини Фемиды в свете либертарно-юридической теории В. С. Нерсисянца»;

– «Аксиологический анализ текстов федеральных законов: справедливость уравнивающая и распределяющая в праве (по Б. Н. Чичерину)»;

– «Синквейн на слово «ДОСТОИНСТВО» (на основе идей И. А. Ильина)»;

– «Аналитическая записка: соотношение индивидуальной свободы и общественного блага при ограничении свободы (на основе идей В. С. Соловьева)»;

– «Равенство и равноправие: однопорядковые, но не тождественные категории (на основе ст. 19 Конституции РФ и учения Д. А. Керимова)».

Рекомендуется применение заданий на семинарских (практических) занятиях при изучении таких дисциплин, как «Философия права», «Конституционное право», «Теория государства и права», «Техника создания юридических документов», «Правовая этика», «Уголовное право» и др.

Проведенный анализ наследия дореволюционных и советских преподавателей и разработанные на этой основе практические задания позволили нам конкретизировать педагогическое значение данных идей для подготовки современных студентов-юристов:

1. Получение знаний о правовых ценностях. Обращение к трудам отечественных мыслителей обеспечивает формирование у студентов теоретических знаний о фундаментальных правовых ценностях — справедливости, свободе, равенстве, достоинстве, гуманизме.

2. Развитие аналитических и оценочных профессиональных компетенций. Практические задания, построенные на отечественных философско-правовых идеях, целенаправленно формируют ключевые профессиональные компетенции юриста: юридический анализ, юридическую экспертизу, юридическую аргументацию, профессиональную этику, толкование права.

3. Подготовка к практической правоприменительной деятельности. Наследие отечественных правоведов ориентирует студентов на решение реальных профессиональных задач, возникающих в деятельности судей, адвокатов, прокуроров и других юристов, где требуется не только знание закона, но и способность принимать справедливые и соразмерные решения в отношении людей.

4. Развитие рефлексии обучающихся над собственными правовыми переживаниями справедливости. Студенты учатся распознавать и оценивать собственные и чужие эмоционально-правовые реакции, понимать, как переживание справедливости влияет на правовое поведение и правовые решения.

5. Формирование субъектности будущих специалистов юридической сферы, проявляемой в способности принимать самостоятельные обоснованные правовые решения, ставить цели и определять пути их достижения, а также в самостоятельности, активности,

способности к самоанализу, саморегуляции и осознанному преобразованию, совершенствованию юридической действительности.

Заключение. Правовые ценности формулировались в дореволюционной России и в советское время философами права, являвшимися одновременно преподавателями крупнейших университетов. Значимость и актуальность обращения к их философско-правовым идеям обусловлена современным вызовами. Преподаватели высшей школы XIX–XX вв. учили студентов постигать смысл правовых ценностей и их реализованность в законодательстве, формировали ценностно-смысловое наполнение юридической профессии. Имея духовно-нравственное основание, правовые ценности выражают природу, сущность и должное состояние права. Наше исследование показало, что «справедливость», «свободу», «равенство», «достоинство», «гуманизм» можно назвать традиционными для российской философско-правовой мысли правовыми ценностями, и они являются базовыми ценностями, заложенными в нашей конституции как в основном законе государства. Осмысление ценностного ядра права через призму отечественного философского наследия способствует формированию правовых ценностей у будущих юристов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Анисимов А. П., Рыбак С. В. О некоторых тенденциях и перспективах использования нейросетей в юридической науке // Правовой порядок и правовые ценности. 2024. № 2 (4). С. 9–16.
2. Программа XIV Петербургского международного юридического форума // Росконгресс : офиц. сайт. URL: <https://roscongress.ru/events/xiv-peterburgskiy-mezhdunarodnyy-yuridicheskiy-forum/program/> (дата обращения: 20.08.2026).
3. Конституция Российской Федерации, 1993 год. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»
4. Кузубова А. Ю. Правовые ценности в юридической доктрине русского консерватизма XIX века: автореф. дис. ... д-ра юридич. наук. Белгород, 2024. 42 с.
5. Чичерин Б. Н. Философия права. 3-е изд. М., 2013. 337 с.
6. Петражицкий Л. И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности : в 2 ч. М., 2020. Ч. 2. 343 с. URL: <https://urait.ru/bcode/452759> (дата обращения: 20.08.2026).
7. Ильин И. А. Собрание сочинений : в 10 т. / сост. и коммент. Ю. Т. Лисицы. М., 1993–1999. Т. 4. 1994. 624 с.
8. Муромцев С. А. Определение и основное разделение права. М., 2025. 170 с.
9. Шершеневич Г. Ф. Избранное : в 6 т. Т. 4 включая Общую теорию права. М., 2016. 752 с.
10. Нерсисянц В. С. Философия права : учеб. для вузов. М., 1997. 652 с.
11. Соловьев В. С. Оправдание добра. СПб., 2022. 768 с.
12. Трубецкой Е. Н. Энциклопедия права. М., 1907. 225 с.
13. Витрук Н. В. Избранное. Т. 1. Статьи. Доклады. Рецензии. 1963–1990. М., 2012. 644 с.
14. Керимов Д. А. Методология права: предмет, функции, проблемы философии права : моногр. 3-е изд. М., 2003. 521 с.
15. Новгородцев П. И. Сочинения. М., 1995. 448 с.
16. Придворнов Н. А. Достоинство личности и социалистическое право. М., 1977. 135 с.
17. Чхиквадзе В. М. Социалистический гуманизм и права человека (ленинские идеи и современность). М., 1978. 303 с.
18. Кабышев С. В., Прокофьев С. Е. Использование искусственного интеллекта в образовательной деятельности: баланс технологической эффективности и академической ответственности // Ценности и смыслы. 2026. № 4 (104). С. 6–20.
19. Байбородова Л. В. Педагогические технологии : учеб. и практикум для вузов : в 3 ч. Ч. 1. Образовательные технологии. М., 2023. 258 с.
20. Мушкин В. Г. Подготовка юристов в колледже на основе сценарно-ситуационного подхода : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2026. 23 с.
21. Pierer J. Rechtsdidaktischer Umgang mit Ambiguität // Exzellenz in Rechtswissenschaft und Rechtsdidaktik – Facultas Verlags-und Buchhandels AG. Austria. 2023. P. 113–130.

REFERENCES

1. Anisimov A.P., Rybak S.V. On some trends and prospects for using neural networks in legal science. *Pravovoi poryadok i pravovye tsennosti = Legal Order and Legal Values*, 2024, no. 2 (4), pp. 9–16. (In Russ.).
2. Program of the XIV St. Petersburg International legal forum. *Roskongress: ofitsial'nyi sait* [Roscongress: official website]. Available at: <https://roscongress.ru/events/xiv-peterburgskiy-mezhdunarodnyy-yuridicheskiy-forum/program/> (In Russ.). (Accessed August 20, 2026).
3. Constitution of the Russian Federation, 1993. *Spravochno-pravovaya sistema "Konsul'tant Plyus"* [Legal reference system "Consultant Plus"]. (In Russ.). (Accessed August 20, 2026).
4. Kuzubova A.Yu. *Pravovye tsennosti v yuridicheskoi doktrine russkogo konservatizma XIX veka: avtoref. dis. ... d-ra yuridich. nauk* [Legal values in the legal doctrine of Russian conservatism of the XIX century: Doctor of Sciences (Law) dissertation abstract]. Belgorod, 2024, 42 p.
5. Chicherin B.N. *Filosofiya prava* [Philosophy of law]. Moscow, 2013. 337 p.
6. Petrazhitskii L.I. *Teoriya prava i gosudarstva v svyazi s teoriei nravstvennosti v 2 ch. Chast' 2* [Theory of law and the state in connection with the theory of morality, in 2 parts. Part 2]. Moscow, 2020. 343 p.
7. Il'in I.A. *Sobranie sochinenii: v 10 t. T. 4* [Collected works: in 10 volumes. Vol. 4]. Moscow, 1994. 624 p.
8. Muromtsev S.A. *Opreделение i osnovnoe razdelenie prava* [Definition and basic division of law]. Moscow, 2025. 170 p.
9. Shershenevich G.F. *Izbrannoe: v 6 t. T. 4* [Selected works: in 6 volumes. Vol. 4]. Moscow, 2016. 752 p.
10. Nersesyants V.S. *Filosofiya prava: uchebnyk dlya vuzov* [Philosophy of law: textbook for universities]. Moscow, 1997. 652 p.
11. Solov'ev V.S. *Opravdanie dobra* [Justification of the Good]. Saint Petersburg, 2022. 768 p.
12. Trubetskoi E.N. *Entsiklopediya prava* [Encyclopedia of law]. Moscow, 1907. 225 p.
13. Vitruk N.V. *Izbrannoe. Tom 1. Stat'i. Doklady. Retsenzii. 1963–1990* [Selected Works. Volume 1. Articles. Reports. Reviews. 1963–1990]. Moscow, 2012. 644 p.
14. Kerimov D.A. *Metodologiya prava: predmet, funktsii, problemy filosofii prava: monogr.* [Methodology of law: subject, functions, problems of philosophy of law: monograph]. Moscow, 2003. 521 p.
15. Novgorodtsev P.I. *Sochineniya* [Essay]. Moscow, 1995. 448 p.
16. Pridvornov N.A. *Dostoinstvo lichnosti i sotsialisticheskoe pravo* [Dignity of the individual and socialist law]. Moscow, 1977. 135 p.
17. Chkhikvadze V.M. *Sotsialisticheskii gumanizm i prava cheloveka (leninskie idei i sovremennost')* [Socialist humanism and human rights. (Leninist ideas and modernity)]. Moscow, 1978. 303 p.
18. Kabyshev S.V., Prokof'ev S.E. The use of artificial intelligence in educational activities: a balance of technological efficiency and academic responsibility. *Tsennosti i smysly = Values and Meanings*, 2026, no. 4 (104), pp. 6–20. (In Russ.).
19. Baiborodova L.V. *Pedagogicheskie tekhnologii. V 3 chastyakh. Ch. 1. Obrazovatel'nye tekhnologii: uchebnyk i praktikum dlya vuzov* [Pedagogical technologies. In 3 parts. Part 1. Educational technologies: textbook]. Moscow, 2023. 258 p.
20. Mushkin V.G. *Podgotovka yuristov v kolledzhe na osnove stsenario-situatsionnogo podkhoda: avtoref. dis. ... k-ta yuridich. nauk* [Training lawyers in college based on a scenariosituational approach: Doctor of Sciences (Law) dissertation abstract]. Moscow, 2026, 23 p.
21. Pierer J. Rechtsdidaktischer Umgang mit Ambiguität. In: *Exzellenz in Rechtswissenschaft und Rechtsdidaktik — Facultas Verlags-und Buchhandels AG*. Austria. 2023. pp. 113-130.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

МАРГАРИТА АЛЕКСАНДРОВНА АЗЕЕВА – старший преподаватель кафедры экономики и финансов Ярославского филиала Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, Ярославль, Россия, azeeva-margarita@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

MARGARITA A. AZEEVA – Senior Lecturer at the Department of Economics and Finance of the Yaroslavl Branch of the Financial University under the Government of the Russian Federation, Yaroslavl, Russia, azeeva-margarita@yandex.ru

Статья поступила 28.08.2026

Научная статья

УДК 378.126

doi 10.46741/sgjournal.2026.22.3.004

Формирование цифровых компетенций студентов в условиях «интеллектуализации» цифровых технологий

АЛИНА АЛЕКСЕЕВНА АНДРЕЕНКО

Сибирский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Новосибирск, Россия, aandreenco-25@ranepa.ru

ЕЛЕНА ВЛАДИМИРОВНА ШЕВЧУК

Сибирский государственный университет геосистем и технологий, Новосибирск, Россия, доцент кафедры искусственного интеллекта и робототехники, evshevch@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы формирования цифровых компетенций студентов в контексте мегатрендов общества. Актуальность обусловлена необходимостью обеспечения соответствия скоростей обновления образовательных программ и эволюции запросов работодателей в условиях цифровой трансформации общества. Авторы рассматривают «интеллектуализацию» цифровых технологий как мегатренд, катализирующий необходимость пересмотра содержательных и методических подходов к проектированию и преподаванию дисциплин, касающихся цифровых технологий. Цель исследования – разработать модель дисциплины, формирующей цифровые компетенции конкурентоспособного выпускника в соответствии с ожиданиями современного рынка труда. Для решения поставленной цели в статье представлены результаты систематизации цифровых компетенций знаний, умений и навыков, соответствующих ожиданиям работодателей и трендам общества. Проведен сравнительный анализ опыта преподавания цифровых дисциплин в вузах России, Казахстана и Беларуси. Материалы статьи могут быть полезны руководителям образовательных программ, преподавателям цифровых дисциплин, а также студентам, желающим получить целостное представление о возможностях изучения цифровых технологий в вузе.

Ключевые слова: компетентностная модель востребованного выпускника; проектирование образовательных программ; технологии искусственного интеллекта; цифровые компетенции; цифровая трансформация общества.

5.8.7. Методология и технология профессионального образования (педагогические науки).

Для цитирования: Андреев А. А., Шевчук Е. В. Формирование цифровых компетенций студентов в условиях «интеллектуализации» цифровых технологий // Всероссийский научно-практический журнал социальных и гуманитарных исследований. 2026. № 3 (22). С. 36–45. doi 10.46741/sgjournal.2026.22.3.004.

Original article

Developing Students' Digital Competencies in the Era of "Intelligent" (or AI-driven) Technologies

ALINA A. ANDREENKO

Siberian Institute of Management, Branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration, Novosibirsk, Russia, aandreenko-25@ranepa.ru

ELENA V. SHEVCHUK

Siberian State University of Geosystems and Technologies, Novosibirsk, Russia, evshevch@mail.ru

Abstract. The article examines the issues of developing students' digital competencies in the context of society's megatrends. The relevance is due to the need to ensure that the pace of updating educational programs matches the evolution of employers' demands in the context of society's digital transformation. The authors view the "intellectualization" of digital technologies as a megatrend that catalyzes the need to revise substantive and methodological approaches to designing and teaching disciplines related to digital technologies. The purpose of this study is to create a model for a discipline that forms digital competencies in graduates, making them competitive and aligned with the expectations of today's labor market. To achieve the set goal, the article presents the results of systematizing digital competencies, knowledge, skills, and abilities that meet employers' expectations and societal trends. A comparative analysis of the experience of teaching digital disciplines at universities in Russia, Kazakhstan, and Belarus is carried out. The materials of the article may be useful for heads of educational programs, teachers of digital disciplines, as well as students who want to gain a comprehensive understanding of the opportunities for studying digital technologies at a university.

Keywords: competency model of a in-demand graduate; design of educational programs; artificial intelligence technologies; digital competencies; digital transformation of society.

5.8.7. Methodology and technology of vocational education.

For citation: Andreenko A.A., Shevchuk E.V. Developing students' digital competencies in the era of "intelligent" (or AI-driven) technologies. *All-Russian Research and Practice Journal of Studies in Social Sciences and Humanities*, 2026, no. 3 (22), pp. 36–45. doi 10.46741/sjournal.2026.22.3.004.

Устойчивое функционирование системы образования в Российской Федерации регулируется Конституцией РФ, Федеральным законом «Об образовании в Российской Федерации» и другими нормативными правовыми актами в сфере образования. Одной из стратегических целей в области образования является повышение доступности качественного образования, соответствующего требованиям инновационного развития экономики, современным потребностям общества и каждого гражданина, и цифровая педагогика эффективно содействует достижению поставленной цели [1].

Одной из современных проблем высшего образования является оптимизация процессов обеспечения актуализации образовательных программ в целях удовлетворения потребности экономики в опережающем профессиональном образовании. Зачастую образовательные программы, проектируемые исходя из текущих запросов государства и работодателей, к моменту выпуска студентов уже устаревают [1].

Эволюция технологий предопределила процессы трансформации информатизации общества в «цифровизацию» [3; 4]. По мнению авторов настоящей статьи, на сегодняшний день уже идут процессы «интеллектуализации цифровизации», и соответствующая им трансформация экономики и социальной сферы предъявляет все новые и новые требования к выпускникам высших учебных заведений.

Современный специалист должен не только уверенно пользоваться цифровыми инструментами, понимать логику их работы, но и уметь адаптироваться к быстро меняющейся технологической среде, оценивать и осуществлять выбор новых технологий на перспективу. Таким образом, высшее образование сегодня является платформой для формирования компетенций, необходимых для жизни и работы в парадигме цифровизации, в том числе «интеллектуализации» всех сфер деятельности.

Сегодня специалист любой области для того, чтобы быть конкурентным, должен уметь ориентироваться в смежных профессиях, находить нужные знания и необходимую информацию, быть готовым к профессиональному росту и повышению своей квалификации. Такие компетенции, как системное и критическое мышление, разработка и реализация проектов и коммуникация, в настоящее время востребованы на рынке труда в контексте цифровизации общества [5; 6].

Проведенный анализ ожиданий работодателей на современном рынке труда в России показал, что современный работодатель выделяет следующие навыки и умения, которыми должен обладать специалист: цифровая грамотность, навыки работы с искусственным интеллектом, кибербезопасность, управление цифровыми инструментами и платформами, цифровая коммуникация [6].

В Казахстане работодатели делают акцент на технологические компетенции, связанные с цифровизацией, искусственным интеллектом, цифровыми платформами и автоматизированными системами [7].

Говоря о востребованных на рынке труда Беларуси навыках, следует отметить умение работать с данными, в том числе проверять гипотезы цифрами, пользоваться аналитическими инструментами и дашбордами. Не менее значима операционная эффективность: управление качеством, автоматизация процессов, способность работать в режиме ограничений и проверок, следовать требованиям и соблюдать кибергигиену [8].

Владение вышеуказанными компетенциями является в настоящее время ожидаемыми требованиями работодателей к соискателям на вакантные позиции.

Ученые отмечают, что деятельность современных студентов должна быть социально значимой, способствовать подготовке кадров для нужд общества. С каждым годом возрастают требования к профессиональной культуре, самообразованию, практическим навыкам выпускников [9]. В связи с этим современные университеты вынуждены регулярно актуализировать рабочие программы, чтобы соответствовать динамично меняющимся запросам рынка труда, обусловленным процессами цифровизации и внедрением инновационных технологий, что, в свою очередь, требует пересмотра подходов к образовательному процессу. Наиболее подвержены быстрому устареванию компоненты, касающиеся отдельных версий специализированного программного обеспечения и цифровых инструментов.

Вышеизложенные результаты анализа ожиданий работодателей подтверждают тенденцию пересмотра подходов к проектированию и актуализации содержания в первую очередь дисциплин, касающихся цифровизации или предполагающих знакомство с современными цифровыми технологиями.

Дисциплины «Цифровые технологии», «Цифровые технологии в профессиональной деятельности» (или схожие по содержанию) включены в образовательные программы практически всех специальностей / направлений подготовки в вузах России, Казахстана и Беларуси.

Авторами настоящей статьи с использованием инструментов сравнительной педагогики [10] был изучен и систематизирован опыт преподавания цифровых дисциплин для непрофильных специальностей / направлений подготовки в ряде отечественных и зарубежных

ных вузов: Казанский федеральный университет (далее – КФУ) – дисциплина «Цифровые технологии в образовании» [11]; Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова (далее – РЭУ) – дисциплина «Цифровые технологии в профессиональной деятельности» [12]; Алтайский государственный университет (далее – АГУ) – дисциплина «Цифровая культура» [13]; Казахский национальный педагогический университет им. Абая (далее – КазНПУ им. Абая) – дисциплина «Информатика» [14]; Белорусский государственный экономический университет (далее – БГЭУ) – дисциплина «Цифровые технологии представления данных» [15] (табл. 1).

Таблица 1

*Сравнительный анализ рабочих программ курса «Цифровые технологии»
для непрофильных специальностей / направлений подготовки различных вузов*

Вуз/страна	Название дисциплины	Объем	Изучаемые модули	Изучаемые ПО / технологии	Соотношение теории и практики
1	2	3	4	5	6
КФУ (Россия) [12]	Ц и ф р о в ы е технологии в образовании	72 ч	Цифровые технологии в образовании: основные понятия; Цифровые технологии в образовательном процессе; Цифровые технологии в деятельности педагога	Текстовый редактор MS Word, табличный процессор MS Excel, специализированное ПО учебного назначения (анализ и оценка)	11 % лекций, 28 % практики, 61 % самостоятельной работы
АГУ (Россия) [13]	Ц и ф р о в а я культура	108 ч	Цифровая этика и безопасность; Саморазвитие в цифровой среде; Самоорганизация и командная работа в цифровой среде	MS Word, Excel, PowerPoint. Цифровая безопасность, Яндекс Диск	19 % лекций, 15 % практики, 66 % самостоятельной работы
РЭУ им. Г. В. Плеханова (Россия) [14]	Ц и ф р о в ы е технологии в сфере менеджмента	108 ч	Развитие цифровых технологий менеджмента – цифровая инфраструктура бизнеса; Цифровые основы для развития цифровой экономики; Цифровая трансформация: методические основы и технологии; Расширенная аналитика для цифрового менеджмента; Автоматизированная информационная система управления предприятием	MS Excel (продвинутый уровень), Power BI, Project Expert, MS Project, 1С предприятие, ECM-платформы	11 % лекций, 22 % практики, 67 % самостоятельной работы
КазНПУ им. Абая (Казахстан) [15]	Информатика	5 ECTS	Эргономика и безопасность; Аппаратное обеспечение и ПО; Представление данных; Информационные процессы и системы; Облачные технологии и web-технологии; Компьютерные сети	MS Word, Excel. Google Диск. Специализированное ПО учебного назначения (анализ и оценка)	34 % лекций, 66 % практики
БГЭУ (Беларусь) [16]	Ц и ф р о в ы е технологии представления данных	202 ч	Введение в цифровые технологии представления данных; Управление и работа с базами данных; Технологии работы с базой данных в СУБД MS Access; Введение в язык SQL; Системы обработки многопользовательских баз данных; Хранилища данных; Автоматизированное проектирование баз данных с помощью CASE-средств	MS Access, SQL (различные диалекты), CASE-средства (поддерживающие методологию IDEF1X), инструменты ETL (обзорно)	17 % лекций, 27 % практики, 56 % самостоятельной работы

Необходимо отметить, что в современных вузах наблюдается значительный разрыв в объемах и подходах к организации обучения.

Так, анализируемые программы демонстрируют существенный разброс по объему дисциплин – от 72 до 202 ч, что составляет почти трехкратную разницу. Это свидетельствует об отсутствии единых стандартов формирования цифровых компетенций и различном понимании целей курса: от ознакомительного до углубленного профессионального уровня. Большинство вузов России в образовательных программах непрофильных направлений (специальностей) планируют на изучение цифровых технологий (или аналогов) примерно два кредита / з.е. аудиторной нагрузки, что примерно соответствует объемам КазНПУ.

В связи с этим представленная в настоящей статье авторская модель учебной программы по дисциплине ориентирована на объем примерно две зачетные единицы (кредита) аудиторных часов. Вместе с тем необходимо отметить положительный опыт РЭУ, где объем дисциплины 108 часов, и БГЭУ (202 часа), что демонстрирует акцент образовательных программ на более углубленный процесс формирования цифровой компетентности как целесообразный ответ на мегатренды общества и ожидание современных работодателей.

Также анализ содержательных приоритетов выявил ряд существенных различий между учебными программами. Например, программа РЭУ выгодно отличается изучением более современных цифровых технологий и акцентом на сквозную проектную деятельность. Программа БГЭУ отличается глубоким погружением в работу с базами данных. АГУ делает уникальный акцент на «мягких» аспектах: цифровой этике и саморазвитии. Программы КФУ и КазНПУ представляют собой классические вводные курсы с базовым инструментарием.

Исходя из проведенного аналитического исследования, в вузах дисциплина «Цифровые технологии» (или аналог) обычно выстраивается по классическому принципу «от простого к сложному» и охватывает несколько ключевых модулей, каждый из которых направлен на формирование определенных групп компетенций и навыков у студентов. Изучение «Цифровых технологий» обычно начинается с повторения и расширения навыков работы с основными офисными приложениями, такими как Word, Excel, Access. Авторы согласны с подобным подходом: изучение цифровых дисциплин целесообразно начинать с базового модуля, в состав которого должно входить изучение основных офисных приложений [16].

Предлагаемая в настоящей статье авторская модель курса разработана с учетом положительного опыта отечественных и зарубежных вузов, анализа ожиданий работодателей Евразийского экономического союза, а также современных тенденций развития общества.

Аккумулируя вышеизложенное, по нашему мнению, в программу целесообразно включить изучение облачных технологий, цифровых инструментов коммуникаций, ориентированных на формирование навыков и компетенций взаимодействия в цифровой среде. Например, включить задания по способам организации совместной работы в режиме реального времени (Google Workspace, Яндекс Диск и др.) с целью формирования компетенций по организации совместной командной работы над проектами.

Полагаем, что одним из важнейших блоков является аналитический, направленный на освоение полного цикла работы с большими базами данных, предполагает формирование таких востребованных компетенций, как структурирование информации для работы с базами данных, визуализация результатов обработки данных с применением современных технологий искусственного интеллекта. Особое внимание в данном блоке должно уделяться развитию аналитического мышления и формированию умения корректно формулировать задачи для технологий искусственного интеллекта, что является критически важным в условиях современности (бурного внедрения нейросетевых технологий).

Одним из этапов обучения может являться блок, посвященный кибербезопасности и правовым аспектам цифровой деятельности (ряд вузов включают данные вопросы в учебные программы [13–15]).

Изучение вопросов защиты персональных данных, безопасного поведения в сети, распознавания мошеннических схем, а также основ авторского права, лицензирования программного обеспечения и цифрового этикета будет способствовать формированию у обучающихся востребованных работодателями компетенций, касающихся кибербезопасности и кибергигиены.

В качестве итога освоения курса может быть выполнение комплексного проекта, интегрирующего все ранее изученные темы.

Важность реализации элементов проектной деятельности и практико-ориентированного подхода в обучении подчеркивается современными педагогами и методистами [5; 17–19].

В ходе проектной деятельности следует реализовывать задачи, которые позволяют сформировать умения, связанные с повышением уровня цифровой грамотности, сочетающейся со способностью к самостоятельному решению практических задач, развитием критического, креативного, гибкого мышления, эмоционального интеллекта, готовностью эффективно ориентироваться в цифровом пространстве, формированием аналитических и исследовательских навыков выбора новых и перспективных технологий для эффективно решения проблем в будущей сфере профессиональной деятельности.

В процессе проектирования образовательных программ важной задачей является оптимизация распределения аудиторных часов, обеспечивающая эффективный баланс между теоретической и практической подготовкой.

Цифровые компетенции в условиях высокой скорости «интеллектуализации» цифровых технологий должны включать не только способность выбора, внедрения в свою профессиональную деятельность конкретных, уже существующих цифровых инструментов, способность к быстрому самообучению, но и способность анализировать риски и эффективность внедрения и использования перспективных цифровых технологий.

По результатам проведенных исследований предлагаем (табл. 2) один из вариантов распределения аудиторной нагрузки (исходя из среднего объема аудиторной нагрузки по данной дисциплине для непрофильных специальностей / направлений подготовки в современных вузах – примерно по два кредита аудиторных часов).

Таблица 2

*Примерное распределение аудиторной нагрузки по дисциплине «Цифровые технологии»
(для непрофильных специальностей / направлений подготовки)*

Модуль	Содержание	Лекционные занятия (ч)	Лабораторные занятия (ч)	Доля от общего объема (%)
Введение в дисциплину	Цифровая среда вуза, техника безопасности, основы цифровой культуры	2	4	8
Базовый	Архитектура ПК, базовое ПО. Офисные пакеты ПП	2	8	14
Коммуникационный	Компьютерные сети (IP протоколы), облачные технологии	4	8	17
Аналитический	Работа с базами данных. Визуализация результатов анализа больших баз данных с использованием технологий искусственного интеллекта	4	12	22
Безопасность и право	Информационная безопасность (криптография, антивирусы, безопасность в сети), защита персональных данных, авторское право, лицензирование ПО, цифровой этикет	6	4	14
Проектная деятельность	Цифровые технологии в профессиональной деятельности. Оценка рисков внедрения цифровых продуктов. Разработка минипроекта в сфере будущей профессиональной деятельности с использованием цифровых технологий	2	16	25
Итого:		20	52	100

Более 70 % аудиторных часов целесообразно планировать в форме практической подготовки, четверть часов – на проектную деятельность в сфере будущей профессиональных интересов, что соответствует принципам практико-ориентированного обучения. Проектная работа позволяет интегрировать полученные знания, навыки и опыт работы с цифровыми программами и инструментами, формирует компетенции использования цифровых технологий для решения профессиональных задач, а также служит индикатором уровня сформированности профессиональных компетенций.

Аналитический модуль занимает чуть меньше четверти от общего объема дисциплины, что подчеркивает значимость формирования практических навыков работы с нейросетями и технологиями искусственного интеллекта. Базовый модуль обеспечивает формирование фундамента цифровой грамотности, а также навыков работы с основными программными продуктами офисного назначения. Коммуникационный модуль способствует более глубокому освоению современных средств сетевого взаимодействия и облачных технологий, что особенно актуально в условиях развития удаленных форм занятости.

Представленная в табл. 2 авторская модель может быть рекомендована как минимальная основа, «ядро», для непрофильных направлений и специальностей. Программа (в соответствии с объемом) может быть дополнена вариативными профессионально-ориентированными модулями или самостоятельными дисциплинами, например: для экономических специальностей / направлений подготовки – ВІ-системы, 1С:Предприятие и др; для юридических – LegalTech, Caselook, Гарант и др.; для медицинских – Medesk, MedElement и другие медицинские информационные системы.

Кроме того, авторская модель может стать концептуальной основой для актуализации образовательных программ с акцентом на современные методы работы в условиях тренда «интеллектуализации» цифровых технологий.

По результатам проведенного исследования можно сделать вывод, что процесс формирования цифровой компетентности в структуре современного высшего образования представляет собой уход от практики преподавания «статичных» дисциплин (например, изучение архитектуры коммуникационных сетей, баз данных или работы с конкретными цифровыми продуктами и сервисами). В целях получения на «выходе образовательного процесса» конкурентоспособного выпускника вузы должны обеспечивать «сквозное», с первого по выпускной курс, формирование цифровых компетенций с акцентом на будущую профессиональную деятельность. Приоритетное внимание необходимо уделять практической подготовке в сочетании с умеренным объемом теоретического материала, а также проектной деятельности как интегративной формы, объединяющей все полученные знания, умения и навыки.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Министерство науки и высшего образования РФ. Доклад о реализации государственной политики в сфере высшего образования и соответствующего дополнительного профессионального образования. URL: <https://clck.ru/3SNPY3> (дата обращения: 14.04.2026).
2. Ласточкина М. А., Ласточкин А. Н. Россия в мировом пространстве модернизации: ключевые проблемы и решения // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2019. Т. 9, № 1-1. С. 614–627.
3. Tianyong G. The era of digital economy and supervision // Beijing Observation. 2021. Issue 1. P. 20–21. Available at: kns.cnki.net/kcms/detail/detail.aspx (дата обращения: 18.04.2026).
4. Чернов И. В. Цифровизация как тенденция развития современного общества: специфика научного дискурса // Гуманитарий Юга России. 2021. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovizatsiya-kak-tendentsiya-razvitiya-sovremennogo-obschestva-spetsifika-nauchnogo-diskursa> (дата обращения: 18.04.2026).
5. Зауторова Э. В. Компетентностный подход в образовательном процессе ВУЗа // Экстремальная психология и педагогика: современные тенденции и перспективные исследования : сб. ст. круглого стола, Москва, 26 декабря 2024 года. Тверь, 2025. С. 14–17.

6. Международная компьютерная академия ТОП // Digital skills 2026: топ-5 навыков, без которых не обойтись востребованному специалисту, 2025. URL: <https://msk.top-academy.ru/articles/must-have-digital-skills-2026> (дата обращения: 15.04.2026).
7. Журнал Lada Казахстана / Новый список Минтруда: какие профессии в Казахстане будут актуальны в 2026. URL: <https://www.lada.kz/kazakhstan-news/147682-novyi-spisok-mintruda-kakie-professii-v-kazakhstane-stanut-samymi-dokhodnymi-s-2026-goda.html> (дата обращения: 18.04.2026).
8. Новостной портал Белоруси Onliner // Рынок труда в 2026 году. URL: <https://money.onliner.by/2026/03/02/rynok-truda-2026> (дата обращения: 18.04.2026).
9. Барышева А. В. Учебная деятельность и ее структура // Психология высшей школы : учеб. пособие. Вологда, 2023. С. 24–54.
10. Панова О. Б. Глава I. Педагогика – наука о воспитании и обучении человека // Пенитенциарная педагогика : учеб. пособие. Вологда, 2023. С. 3–35.
11. Рабочая программа дисциплины: «Цифровые технологии в образовании» // Казанский федеральный университет по направлению подготовки: 44.04.01 – Педагогическое образование, 2021. URL: <https://kpfu.ru/pdf/portal/oop2/524153.pdf> (дата обращения: 18.04.2026).
12. Рабочая программа дисциплины: «Цифровые технологии в сфере менеджмента» // Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова по направлению подготовки: 38.03.02 – Менеджмент, 2024. URL: <https://clc.li/xiizL> (дата обращения: 18.04.2026).
13. Рабочие программы дисциплин Алтайского государственного университета. Силлабуст дисциплины: «Информатика» // Казахский национальный педагогический университет им. Абая по направлению подготовки: 6в01101 – Педагогика и психология, 2023. URL: <https://abai.university/education/obrazovatelnye-standarty/normativnye-dokumenty> (дата обращения: 18.04.2026).
14. Рабочая программа дисциплины: «Цифровые технологии представления данных» // Белорусский государственный экономический университет по направлению подготовки: 6-05-0412-01 «Менеджмент», 2023. URL: <https://clc.li/ldauH> (дата обращения: 18.04.2026).
14. Баламут А. Н. Информационная и психологическая безопасность личности в современных условиях цифровизации общества // Экстремальная психология и педагогика: современные тенденции и перспективные исследования : сб. ст. круглого стола, Москва, 26 декабря 2024 года. Тверь, 2025. С. 94–97.
15. Сафонов А. А., Сафонова М. А. Цифровая педагогика. Практический курс : учеб. и практикум для вузов. М., 2026. 285 с. URL: <https://urait.ru/bcode/589852>
16. Громова А. И., Павловский П. В. Понятие, сущность и роль студенческой проектной деятельности и место проектного офиса в структуре ее управления // Вестник университета. 2023. № 10. С. 40–46. URL: <https://vestnik.guu.ru/jour/article/view/4812> (дата обращения: 18.04.2026).
17. Тавстуха О. Г., Матвиевская Е. Г., Ганаева Е. А. Практико-ориентированный подход в реализации образовательных программ гуманитарного направления в ВУЗЕ // Вестник Оренбургского государственного университета. 2023. № 2 (238). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/praktiko-orientirovannyy-podhod-v-realizatsii-obrazovatelnyh-programm-gumanitarnogo-napravleniya-v-vuze> (дата обращения: 18.04.2026).

REFERENCES

1. *Doklad o realizatsii gosudarstvennoi politiki v sfere vysshego obrazovaniya i sootvetstvuyushchego dopolnitel'nogo professional'nogo obrazovaniya* [Report on the implementation of state policy in the field of higher education and related additional professional education]. Available at: <http://static.government.ru/media/files/9FSaRZ2GJ7GRZc1hTICXDQAV9orlaXtl.pdf> (accessed April 14, 2026).
2. Lastochkina M.A., Lastochkin A.N. Russia in the global modernization space: key problems and solutions. *Ekonomika: vchera, segodnya, zavtra = Economics: Yesterday, Today, Tomorrow*, 2019, vol. 9, no. 1-1, pp. 614–627. (In Russ.).
3. Safonov A.A., Safonova M.A. *Tsifrovaya pedagogika. Prakticheskii kurs: ucheb. i praktikum dlya vuzov* [Digital pedagogy. Practical course: textbook]. Moscow, 2026. 285 p.
4. Zautorova E.V. Competence-based approach in the educational process of the university. In: *Ekstremal'naya psikhologiya i pedagogika: sovremennye tendentsii i perspektivnye issledovaniya: sb. st. kruglogo stola, Moskva, 26 dekabrya 2024 goda* [Extreme psychology and pedagogy: current trends and prospective studies: sb. st. kruglogo stola, Moscow, 26 dekabrya 2024 goda]

- rent trends and promising research: collection of articles from the round table, Moscow, December 26, 2024]. Tver, 2025. Pp. 14–17. (In Russ.).
5. Tianyong G. The era of digital economy and supervision. *Beijing Observation*, 2021, issue 1, pp. 20–21.
6. Chernov I.V. Digitalization as a trend in the development of modern society: the specifics of scientific discourse. *Gumanitarii Yuga Rossii = Humanitarian of the South of Russia*, 2021, vol. 10 (47), no. 1, pp. 121–132. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovizatsiya-kak-tendentsiya-razvitiya-sovremennogo-obschestva-spetsifika-nauchnogo-diskursa> (In Russ.). (Accessed April 18, 2026).
7. *Digital skills 2026: top-5 navykov, bez kotorykh ne oboitis' vostrebovannomu spetsialistu, 2025* [Digital skills 2026: top 5 skills that a sought-after specialist cannot do without, 2025]. Available at: <https://msk.top-academy.ru/articles/must-have-digital-skills-2026> (accessed April 15, 2026).
8. *Novyi spisok Mintruda: kakie professii v Kazakhstane budut aktual'ny v 2026* [The new list of the Ministry of Labor: which professions in Kazakhstan will be relevant in 2026]. Available at: <https://www.lada.kz/kazakhstan-news/147682-novyi-spisok-mintruda-kakie-professii-v-kazakhstane-stanut-samymi-dokhodnymi-s-2026-goda.html> (accessed April 18, 2026).
9. *Rynok truda v 2026 godu* [The labor market in 2026]. Available at: <https://money.onliner.by/2026/03/02/rynok-truda-2026> (accessed April 18, 2026).
10. Barysheva A.V. Educational activity and its structure. In: *Psikhologiya vysshei shkoly: ucheb. posobie* [Psychology of Higher Education: textbook]. Vologda, 2023. Pp. 24–54. (In Russ.).
11. Panova O.B. *Penitentsiarnaya pedagogika: ucheb. posobie* [Penitentiary pedagogy: textbook]. Vologda, Pp. 3–35.
12. *Tsifrovye tekhnologii v obrazovanii: rabochaya programma distsipliny* [Digital technologies in education: discipline's work program]. Available at: <https://kpfu.ru/pdf/portal/oo2/524153.pdf> (accessed April 18, 2026).
14. *Rabochie programmy distsiplin Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta. Tsifrovye tekhnologii v sfere menedzhmenta: rabochaya programma distsipliny* [Work programs of disciplines at Altai State University. Digital technologies in the field of management: a discipline's work program]. Available at: <https://clcl.i/xiizL> (accessed April 18, 2026).
14. *Informatika: sillabut distsipliny* [Computer science: syllabus of the discipline]. Available at: <https://abai.university/education/obrazovatelnye-standarty/normativnye-dokumenty> (accessed April 18, 2026).
15. *Tsifrovye tekhnologii predstavleniya dannykh: rabochaya programma distsipliny* [Digital technologies for data presentation: work program of the discipline]. Available at: <https://clcl.i/ldauH> (accessed April 18, 2026).
16. Balamut A.N. *Information and psychological security of the individual in the modern conditions of society's digitalization. Ekstremal'naya psikhologiya i pedagogika: sovremennye tendentsii i perspektivnye issledovaniya: sb. st. kruglogo stola, Moskva, 26 dekabrya 2024 goda* [Extreme psychology and pedagogy: modern trends and promising research: collection of articles from the round table, Moscow, December 26, 2024]. Tver, 2025. Pp. 94–97. (In Russ.).
17. Gromova A.I., Pavlovskii P.V. The concept, essence and role of student project activities and project management office placement in the structure of its management. *Vestnik universiteta = Bulletin of the University*, 2023, no. 10, pp. 40–46. Available at: <https://vestnik.guu.ru/jour/article/view/4812> (In Russ.). (Accessed April 18, 2026).
18. Tavstukha O.G., Matvievskaia E.G., Ganaeva E.A. Practice-oriented approach in the implementation of humanities educational programs at the university. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Orenburg State University*, 2023, no. 2 (238), pp. 101–105. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/praktiko-orientirovannyi-podhod-v-realizatsii-obrazovatelnyh-programm-gumanitarnogo-napravleniya-v-vuze> (In Russ.). (Accessed April 18, 2026).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АЛИНА АЛЕКСЕЕВНА АНДРЕЕНКО – администратор кафедры математики, статистики и информационных технологий Сибирского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Новосибирск, Россия, aandreenko-25@ranepa.ru

ЕЛЕНА ВЛАДИМИРОВНА ШЕВЧУК – кандидат технических наук, доцент, доцент кафедры искусственного интеллекта и робототехники Сибирского государственного университета геосистем и технологий, Новосибирск, Россия, evshevch@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

ALINA A. ANDREENKO – Administrator at the Department of Mathematics, Statistics and Information Technology of the Siberian Institute of Management, Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Novosibirsk, Russia, aandreenko-25@ranepa.ru

ELENA V. SHEVCHUK – Candidate of Sciences (Technology), Associate Professor, associate professor at the Department of Artificial Intelligence and Robotics of the Siberian State University of Geosystems and Technologies, Novosibirsk, Russia, evshevch@mail.ru

Статья поступила 22.04.2026

Научная статья

УДК 37.017

doi 10.46741/sjournal.2026.22.3.005

Технология диалогового обучения в формировании этической компетентности будущего педагога

РАИСА НИКОЛАЕВНА АФОНИНА

Алтайский государственный педагогический университет, Барнаул,
Россия, ARN1960@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена технологическому обеспечению процесса формирования этической компетентности будущего педагога. При проектировании и реализации содержания учебной дисциплины «Профессиональная педагогическая этика» используется трехуровневая технологическая модель, включающая рефлексивный, коммуникативный и идентификационный уровни, коррелирующие с этапами становления этической компетентности будущего педагога. Представлен методический инструментарий технологии диалогового обучения. Особое внимание уделено организационным условиям, педагогическим рискам и приемам их нейтрализации. Приведены результаты эмпирической апробации, подтверждающие эффективность технологии.

Ключевые слова: технология диалогового обучения; этическая компетентность, педагогическая этика.

5.8.7. Методология и технология профессионального образования.

Для цитирования: Афонина Р. Н. Технология диалогового обучения в формировании этической компетентности будущего педагога // Всероссийский научно-практический журнал социальных и гуманитарных исследований. 2026. № 3 (22). С. 46–50. doi 10.46741/sjournal.2026.22.3.005.

Original article

Dialogue Learning Technology of Developing Ethical Competence in Future Teachers

RAISA N. AFONINA

Altai State Pedagogical University, Barnaul, Russia, ARN1960@yandex.ru

Abstract. This article focuses on the technological support for developing ethical competence in future teachers. A three-level technological model is used in the design and implementation of the “Professional Pedagogical Ethics” course. This model includes reflective, communicative, and identification levels, which correlate with the stages of developing ethical competence in future teachers. A methodological toolkit for dialogue-based learning is presented. Particular attention is paid to organizational conditions, pedagogical risks, and methods for mitigating them. The results of empirical testing are presented, confirming the effectiveness of this technology.

Key words: dialogue learning technology; ethical competence; pedagogical ethics.

5.8.7. Methodology and technology of vocational education.

For citation: Afonina R.N., Litvina E.V. Dialogue learning technology of developing ethical competence in future teachers. *All-Russian Research and Practice Journal of Studies in Social Sciences and Humanities*, 2026, no. 3 (22), pp. 46–50. doi 10.46741/sjgjournal.2026.22.3.005.

Современному педагогу необходимо решать профессионально-этические задачи, качественно отличающиеся от задач предыдущих десятилетий. Цифровизация образовательной среды и коммуникативного взаимодействия, поликультурный состав ученического коллектива и обучение детей с особыми образовательными возможностями обуславливают возникновение этических дилемм, для которых в кодексах профессиональной этики пока нет готовых решений. Данные вызовы формируют запрос на педагога, способного к самостоятельной этической рефлексии в ситуациях неопределенности [1].

Анализ работ В. И. Байденко [2], Э. Ф. Зеера [3], И. А. Зимней [4], Е. В. Карпенко [5], Т. В. Кульневич [6], К. Б. Сафонова [7], М. Р. Сельмурзаевой [8] позволяет трактовать этическую компетентность педагога как интегративное профессионально-личностное качество, характеризующее его способность осуществлять ценностно-рефлексивный анализ профессиональных ситуаций, идентифицировать этические дилеммы и выстраивать стратегию профессионального поведения, интегрируя профессиональные нормы с личными убеждениями в условиях неопределенности и полифонии ценностных позиций участников образовательного процесса.

В программу профессиональной подготовки студентов педагогического университета входит учебная дисциплина «Профессиональная педагогическая этика». В традиционной технологии обучения доминирует монологическая логика как трансляция норм, разбор «правильных» ответов. Такой подход формирует у студента преимущественно знаниево-нормативный компонент. Однако он оказывается недостаточно эффективным для развития способности к этической рефлексии, диалогу и ответственному выбору в условиях неопределенности.

Решение проблемы видится в обращении к принципу диалогичности как методологической установке на субъект-субъектное взаимодействие участников образовательного процесса, в котором происходит обмен смыслами, ценностями и опытом [9]. В качестве теоретико-методологического основания этого подхода выступил синтез идей философской антропологии М. М. Бахтина [10] и культурно-исторической психологии Л. С. Выготского [11].

На основе данного принципа была сконструирована модель формирования этической компетенции будущего педагога, включающая рефлексивный, коммуникативный и идентификационный уровни, коррелирующие с этапами последовательного формирования этической компетенции [12]. Для каждого этапа определены методы диалогового обучения, как совместный смыслопоиск, со-творчество участников образовательного процесса.

На рефлексивном этапе практикуется написание этической автобиографии, эссе-анализа и ведение рефлексивного дневника. Эти методы актуализируют личный опыт студента, переводя его из сферы неосознаваемых установок в объект профессиональной рефлексии. Студент учится анализировать собственные эмоциональные реакции, выявлять их ценностные основания и формулировать стратегии поведения в профессиональных ситуациях.

На коммуникативном этапе применяются анализ текстов, кейс-метод, дискуссии «Сократовский круг» и ролевая игра «Этический театр». Анализ педагогических и художественных текстов позволяет студенту вступить в диалог с автором и героями, интерпретировать их поступки, соотносить их с собственными ценностями и профессиональными нормами.

Кейс-метод погружает в конкретные профессиональные ситуации, требующие идентификации этической дилеммы и поиска нравственно обоснованного решения. Дискуссии «Сократовский круг» организуют обсуждение различных ценностных позиций, развивая способность к децентрации, этической аргументации и рефлексии. «Этический театр» позволяет прожить позицию Другого через ролевую импровизацию, что развивает профессиональную эмпатию и готовность к диалогу в конфликтных ситуациях.

На идентификационном этапе ключевым методом выступает проект «Мой этический кодекс», в котором студент интегрирует освоенные теоретические знания, рефлексивный опыт в систему профессионально-этических принципов. Завершающим элементом является дневник этических наблюдений, который студент ведет в период педагогической практики, фиксируя, какие ценности транслировались его собственным поведением, и проводя их рефлексивный анализ.

Диалогические методы можно адаптировать к условиям онлайн-обучения. При проведении дискуссии «Сократовский круг» дилемма предьявляется на слайде; обсуждение организуется в малых группах – в breakout-rooms; общий круг проводится со всей группой в основном зале. Для проведения «Этического театра» в онлайн-формате используется прием «чтение по ролям» с включенными камерами. Рефлексивный дневник ведется в облачном документе (Google Docs) с доступом преподавателя для обратной связи.

Методы диалогового обучения используются как диагностический инструмент мониторинга и оценки сформированности этической компетентности будущего педагога. Оценка участия в дискуссии предполагает анализ полноты и системности аргументации, способности к децентрации и финальной рефлексии, где студент называет аргумент оппонента, заставивший его задуматься. Анализ кейсовых заданий позволяет оценить способность студента идентифицировать этическую дилемму, видеть позиции всех сторон и предлагать нравственно обоснованные решения. Оценка эссе направлена на выявление умения анализировать педагогические ситуации с опорой на этические принципы и формулировать собственную аргументированную позицию. Анализ рефлексивного дневника дает возможность оценить способность студента не только описать эмоциональную реакцию, но и выявить ее ценностные основания, связать с профессиональной этикой и сформулировать стратегию поведения на будущее. Экспертная оценка проекта «Мой этический кодекс» направлена на выявление личностной осмысленности принципов, их практической применимости и связи с изученными нормами профессиональной этики. Предлагаемый диагностический инструмент направлен на комплексное изучение динамики формирования компетентности и оценки результатов освоения учебного содержания.

Эффективность предложенной технологии обеспечивается соблюдением ряда организационно-педагогических условий. Успешность применения технологии напрямую зависит от переориентации преподавателя с функции транслятора нормативных знаний на роль организатора коммуникативного пространства. Ключевые компетенции, необходимые для этой роли, включают: владение техникой формулирования открытых вопросов; способность удерживать смысловую логику дискуссии, возвращая к сути этической дилеммы; толерантность к неопределенности итогов обсуждения. Наибольшая эффективность диалоговых методов достигается в группах численностью до 20 чел. При большей наполняемости целесообразно деление на подгруппы по 4–5 человек для организации работы в «Сократовском круге» и «Этическом театре». Это обеспечивает возможность полноценного участия каждого студента и снижает риск доминирования наиболее активных участников. Реализация технологии требует большего времени для проведения семинарско-практических занятий. Для проведения дискуссии «Сократовский круг» необходима аудитория, позволяющая организовать пространство так, чтобы обеспечить визуальный контакт между всеми участниками. Для организации проведения «Этического театра» требуется свободное пространство для импровизации.

Понимание того, что все инновационные технологии, затрагивающие ценностно-смысловую сферу, сопряжены с рисками, позволяет преподавателю подготовиться к возможным трудностям. Столкновения несовместимых ценностных позиций в процессе дискуссии можно нейтрализовать, переводя обсуждение из плоскости «кто прав» в плоскость «почему мы так считаем». Каждый участник называет ценностное основание своего выбора, фасилитатор придерживается правила обсуждения аргументов, а не личностей. При нарастании конфликта вводится пауза для письменной рефлексии. Соппротивление студентов, привыкших к репродуктивному обучению в ситуации неопределенности, можно преодолеть, если на первом занятии преподаватель открыто признает сложность такой работы и объясняет ее смысл и ценность. Доминирование активных студентов и пассивность менее активных студентов можно нивелировать посредством организации работы в малых группах, оценкой качества рефлексии, а не количества выступлений. Скатывание в морализаторство или ценностный релятивизм преподавателя можно преодолеть, не оценивая содержание личностных позиций, а оценивая корректность аргументации. При этом собственную точку зрения он транслирует как равноправную, с открытой аргументацией.

С учетом выделенных рисков и организационных условий была проведена опытно-экспериментальная проверка эффективности технологии диалогического обучения. Исследование проводилось на базе Института филологии и межкультурной коммуникации Алтайского государственного педагогического университета в 2022–2026 гг.

Результаты экспериментальной работы подтвердили эффективность данной технологии [2]. В экспериментальной группе у студентов сформировалась устойчивая способность к идентификации этических дилемм, ценностно-рефлексивному анализу ситуаций и принятию нравственно обоснованных решений. Кроме того, студенты экспериментальной группы продемонстрировали выраженную готовность к диалогическому взаимодействию в условиях ценностной неопределенности и способность аргументированно отстаивать свою профессиональную позицию. В контрольной группе этические знания оставались преимущественно нормативными, а поведенческие стратегии – ситуативными и неустойчивыми. Статистический анализ, проведенный с использованием критерия χ^2 Пирсона, подтвердил значимость различий между экспериментальной и контрольной группами ($p \leq 0,01$).

Полученные результаты позволяют сделать вывод о целесообразности применения технологии диалогового обучения в качестве результативного средства формирования этической компетентности будущего педагога. Главным и наиболее глубинным итогом применения диалоговой технологии является становление у будущего педагога установки на диалог как основы профессиональной деятельности, готовность видеть в ученике равноправного участника образовательного процесса и толерантность к неопределенности.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Афонина Р. Н. Профессиональные метапредметные компетенции учителя как элемент планируемого результата обучения студентов педагогического вуза // Перспективы науки. 2023. № 4. С. 262–264.
2. Афонина Р. Н. Принципы формирования профессиональных метапредметных компетенций у студентов педагогических направлений подготовки // Перспективы науки. 2023. № 3. С. 169–171.
3. Афонина Р. Н., Литвина Е. В. Диалог как основа формирования этической компетентности будущего учителя // Образовательные ресурсы и технологии. 2026. № 2 (55). С. 24–31.
4. Байденко В. И. Компетенции в профессиональном образовании // Высшее образование в России. 2004. № 11. С. 3–13.
5. Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. М., 1963. 363 с.
6. Выготский Л. С. Педагогическая психология. М., 1999. 536 с.
7. Зеер Э. Ф. Компетентностный подход к модернизации профессионального образования // Высшее образование в России. 2005. № 4. С. 23–29.
8. Зимняя И. А. Ключевые компетенции – новая парадигма результата образования // Высшее образование сегодня. 2003. № 5. С. 34–42.

9. Карпенко Е. В. Особенности профессиональной этики в системе образования // Оригинальные исследования: научно-практический электронный журнал. 2018. Т. 8, № 4. С. 34–39.
10. Кульневич Т. В. Готовность будущего учителя к выполнению профессионально-педагогического долга // Научный результат. Педагогика и психология образования. 2021. Т. 7, № 2. С. 3–17.
11. Сафонов К. Б. Педагогическая этика и детерминанты эффективности профессиональной деятельности учителя // Вестник педагогических наук. 2021. № 7. С. 159–162.
12. Сельмурзаева М. Р. Профессиональная компетентность и этика как основополагающие критерии профессионализма современного педагога // Экономические и гуманитарные исследования регионов. 2022. № 2. С. 87–90.

REFERENCES

1. Afonina R.N. Professional metasubject competencies of a teacher as an element of the planned learning outcome for students of a pedagogical university. *Perspektivy nauki = Prospects of Science*, 2023, no. 4, pp. 262–264. (In Russ.).
2. Afonina R.N. Principles of forming professional metasubject competencies in students of pedagogical fields of study. *Perspektivy nauki = Prospects of Science*, 2023, no. 3, pp. 169–171. (In Russ.).
3. Afonina R.N., Litvina E.V. Dialogue as the basis for developing the ethical competence of future teachers. *Obrazovatel'nye resursy i tekhnologii = Educational Resources and Technologies*, 2026, no. 2 (55), pp. 24–31. (In Russ.).
4. Baidenko V.I. Competencies in professional education. *Vysshee obrazovanie v Rossii = Higher Education in Russia*, 2004, no. 11, pp. 3–13. (In Russ.).
5. Bakhtin M.M. *Problemy poetiki Dostoevskogo* [Problems of Dostoevsky's poetics]. Moscow, 1963. 363 s.
6. Vygotskii L.S. *Pedagogicheskaya psikhologiya* [Pedagogical psychology]. Moscow, 1999. 536 p.
7. Zeer E.F. Competency-based approach to the modernization of vocational education. *Vysshee obrazovanie v Rossii = Higher Education in Russia*, 2005, no. 4, pp. 23–29. (In Russ.).
8. Zimnyaya I.A. Key competencies – a new paradigm of educational outcomes. *Vysshee obrazovanie v Rossii = Higher Education in Russia*, 2003, no. 5, pp. 34–42. (In Russ.).
9. Karpenko E.V. Features of professional ethics in the education system. *Original'nye issledovaniya: nauchno-prakticheskii elektronnyi zhurnal = Original Research: scientific and practical electronic journal*, 2018, vol. 8, no. 4, pp. 34–39. (In Russ.).
10. Kul'nevich T.V. The future teacher's readiness to fulfill their professional and pedagogical duty. *Nauchnyi rezul'tat. Pedagogika i psikhologiya obrazovaniya = Scientific Result. Pedagogy and Psychology of Education*, 2021, vol. 7, no. 2, p. 3–17. (In Russ.).
11. Safonov K.B. Pedagogical ethics and the determinants of the effectiveness of a teacher's professional activity. *Vestnik pedagogicheskikh nauk = Bulletin of Pedagogical Sciences*, 2021, no. 7, pp. 159–162. (In Russ.).
12. Sel'murzaeva M.R. Professional competence and ethics as fundamental criteria for the professionalism of a modern teacher. *Ekonomicheskie i humanitarnye issledovaniya regionov = Economic and Humanitarian Research of the Regions*, 2022, no. 2, pp. 87–90. (In Russ.).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

РАИСА НИКОЛАЕВНА АФОНИНА – кандидат сельскохозяйственных наук, доцент, магистр педагогических наук, доцент кафедры социально-экономических и гуманитарных дисциплин Алтайского государственного педагогического университета, Барнаул, Россия, ARN1960@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

RAISA N. AFONINA – Candidate of Sciences (Agriculture), Associate Professor, Master of Pedagogical Sciences, associate professor at the Department of Social, Economic and Humanitarian Disciplines of the Altai State Pedagogical University, Barnaul, Russia, ARN1960@yandex.ru

Статья поступила 09.02.2026

Научная статья

УДК 378.147:316.77:800

doi 10.46741/sgjournal.2026.22.3.006

Формирование социокультурной компетенции у иностранных студентов посредством аудирования официальных видеопоздравлений

ЛЕОНИД МИХАЙЛОВИЧ ГОЛИКОВ

Вологодский институт права и экономики ФСИН России, Вологда, Россия, LGolikov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9952-4116>

Аннотация. Статья посвящена вопросам формирования социокультурной компетенции у иностранных студентов в рамках изучения русского языка как иностранного на Третьем сертификационном уровне. Целью исследования явилась разработка теоретически обоснованной системы заданий для аудирования официальных видеопоздравлений на примере видеоматериала «Новогоднее обращение к гражданам России 31.12.2024», способствующей расширению сведений о стране изучаемого языка, национально-культурных особенностях социального и речевого поведения носителей языка, а также приобретению способности пользоваться этими знаниями в процессе общения. Для этого определены содержание и свойства социокультурной компетенции как части коммуникативной компетенции, особенности аудирования как вида речевой деятельности, требования к отбору аутентичных видеоматериалов. Выявлен лингводидактический потенциал новогоднего обращения Президента Российской Федерации для формирования социокультурной компетенции на уровне С1. Представлена система подготовительных и речевых упражнений для аудирования официального видеопоздравления, направленных на расширение объема страноведческих и фоновых знаний обучающихся о символах и ритуалах современной России, на формирование представлений о базовых идеологемах, ценностных смыслах российского государства, общества.

Ключевые слова: формирование социокультурной компетенции; аудирование; официальные видеопоздравления; русский язык как иностранный; Третий сертификационный уровень.

5.8.7. Методология и технология профессионального образования.

Для цитирования: Голиков Л. М. Формирование социокультурной компетенции у иностранных студентов посредством аудирования официальных видеопоздравлений // Всероссийский научно-практический журнал социальных и гуманитарных исследований. 2026. № 3 (22). С. 51–59. doi 10.46741/sgjournal.2026.22.3.006.

Original article

Developing Socio-Cultural Competence in Foreign Students through Listening to Official Video Greetings

LEONID M. GOLIKOV

Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia, Vologda, Russia, LGolikov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9952-4116>

Abstract. This article explores the development of socio-cultural competence in foreign learners at the Third Certification Level of Russian as a Foreign Language. The purpose of the study is to develop a theoretically grounded system of tasks for listening to official video greetings using the video material “New Year’s Address to the Citizens of Russia on December 31, 2024” as an example, which would help expand knowledge about the country where the language is spoken, the national and cultural features of social and speech behavior of native speakers, and also acquire the ability to use this knowledge in the process of communication. To this end, the study defines the content and characteristics of socio-cultural competence as a component of communicative competence, examines the specifics of listening as a receptive skill, and outlines the criteria for selecting authentic video materials. The linguodidactic potential of the New Year’s address by the President of the Russian Federation for developing socio-cultural competence at the C1 level is identified. A system of preparatory and speech-based exercises for listening to the official video greeting is presented; these exercises are aimed at expanding students’ knowledge of country-specific and background information about the symbols and rituals of modern Russia, as well as at forming ideas about basic ideologemes and value-based meanings of the Russian state and society.

Keywords: development of socio-cultural competence; listening; official video greetings; Russian as a foreign language; Third Certification Level.

5.8.7. Methodology and technology of vocational education.

For citation: Golikov L.M. Developing socio-cultural competence in foreign students through listening to official video greetings. *All-Russian Research and Practice Journal of Studies in Social Sciences and Humanities*, 2026, no. 3 (22), pp. 51–59. doi 10.46741/sjjournal.2026.22.3.006.

Формирование социокультурной компетенции (далее – СКК) у иностранных обучающихся в рамках обучения русскому языку как иностранному (далее – РКИ) является одной из приоритетных задач высшего образования, призванного в том числе сохранять и укреплять традиционные российские ценности, пресекать распространение любых деструктивных идеологий, постоянно совершенствуя формы и методы воспитания и образования [1]. Данное утверждение определяет несомненную актуальность исследований, предлагающих методические разработки, не только обеспечивающие развитие языковой и речевой компетенции студентов-иностранцев, но и формирующие у них знания об аксиологических установках российского государства и его граждан, особенностях российского менталитета, нормах речевого поведения, без чего невозможна адаптация и интеграция иностранных обучающихся в российском обществе.

СКК принято определять как часть многоаспектной иноязычной коммуникативной компетенции [2; 3, с. 122; 4, с. 7], представляющую собой «совокупность знаний о стране изучаемого языка, национально-культурных особенностях социального и речевого поведения носителей языка и способность пользоваться такими знаниями в процессе общения, сле-

дую обычаям, правилам поведения, нормам этикета, социальным условиям и стереотипам поведения носителей языка» [5, с. 286–287], что проявляется в способности иностранцев понимать и обсуждать на русском языке значимые для современного российского общества социальные, политические или культурные вопросы.

Такие свойства рассматриваемой компетенции, как «диффузность (а не аморфность), ее гибкость и умение приспосабливаться к любым другим компонентам коммуникативно-речевой компетенции» [6, с. 100], также способность социокультурного содержания реализовываться на тематическом, ситуационном, текстовом, речеповеденческом, лексическом, грамматическом уровнях, на уровне информации, представляемой визуальным рядом [7, с. 70], делает роль СКК в обучении РКИ ведущей, требующей особого внимания к отбору лингводидактического материала.

Научная новизна исследования определяется тем обстоятельством, что в качестве инструмента формирования СКК предлагается система заданий для обучения аудированию на основе видеопоздравлений органов государственной власти, делающая «возможным отбор лингвистических средств согласно социальным условиям общения», позволяющая «использовать разные стратегии в условиях взаимодействия с людьми и окружающим миром», дающая «возможность конструировать речевое и неречевое поведение с учетом норм» социума, говорящего на русском языке [7, с. 71]. Представляется, что овладение подобным объемом компетенций возможно только в случае корректно сформированных навыков аудирования, наличие которых является неотъемлемым условием успешного речевого взаимодействия иностранцев в условиях естественной языковой среды.

Таким образом, цель исследования заключается в разработке теоретически обоснованной системы заданий для формирования СКК у студентов на Третьем сертификационном уровне владения РКИ посредством аудирования видеопоздравлений органов государственной власти (на примере видеоматериала «Новогоднее обращение к гражданам России 31.12.2024» (далее – Обращение) [8].

Для достижения данной цели важно осознавать, что в методике преподавания РКИ аудирование, способное синтезированно реализовывать коммуникативную и учебную функции [5, с. 101, 333; 9, с. 119], является наиболее сложным видом речевой деятельности, требующим в процессе обучения значительных усилий как от обучающегося, так и от преподавателя, так как сочетает сложные многоуровневые последовательные процессы восприятия и понимания, обеспечиваемые функционированием речеслуховых анализаторов и механизмов рефлексии [9, с. 117; 10, с. 298–357].

Одним из наиболее эффективных средств обучения аудированию являются аутентичные видеоматериалы, которые одновременно выполняют функции семантизации, стандартизации и наглядности [11, с. 15–16], вызывая значительный интерес у обучающихся, при условии, что такие материалы обладают языковой и социокультурной актуальностью, языковой и персональной адаптивностью [12, с. 23], способствуя накоплению фоновых знаний.

Представляется, что Обращение как официальное видеопоздравление Президента Российской Федерации обладает значительным лингводидактическим потенциалом для формирования СКК на Третьем сертификационном уровне, так как данный видеоматериал реализуется в пределах политического дискурса [13], наделяющего его такими признаками, как институциональность, ритуальность, культурно-национальная обусловленность и торжественность (в данном случае подразумевается особая функция эмоционального воздействия на аудиторию [14]), социальная обязанность следовать стилевым требованиям официальной коммуникации, реализация регулятивной, познавательной функций, а также функции конструирования общественного мнения [15, с. 33], высокий социальный и политический авторитет автора текста.

Целью Обращения как политического поздравительного жанра является способствование «единству народа: политический лидер не только поздравляет своих соотечествен-

ников с Новым годом, но и подчеркивает совместные достижения, победы, обозначает пути решения общих проблем» [16, с. 54]. Кроме того, необходимо отметить фатическую направленность подобных материалов на «усиление положительного эмоционального состояния, в котором находится адресат» [17, с. 171].

Обращение транслируется по всем федеральным каналам, его обязательными атрибутами, или семиотическим фоном, являются такие политические символы российского государства, как мелодия «Президентские фанфары», Кремль, куранты на Спасской башне, государственные флаг и гимн, также некоторые символы Нового года (например, снежинки или бокал шампанского), то есть официальная поздравительная речь является поликодовым текстом, требующим обязательную интерпретацию невербальной части (см. рис. 1¹).

Считается, что в России поздравление президента воспринимается в качестве обязательного ритуального события, обладающего высокой социальной значимостью для автора (президента) и потенциальной аудитории (российского народа): «Новый год является любимым праздником на всем русскоязычном пространстве, и новогоднее поздравление президента как коммуникативное событие включено в личную сферу адресата в качестве элемента, без которого невозможно данное торжество (особенно в России)» [17, с. 169].

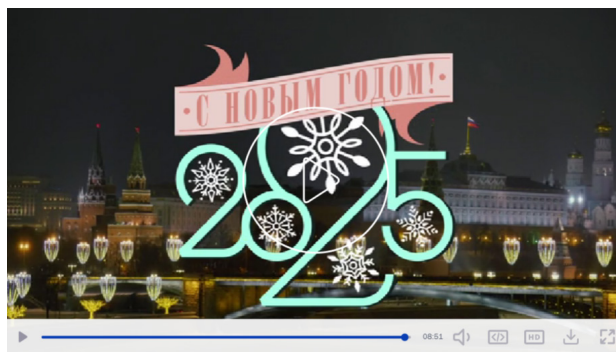

Рис. 1

Жанр официального новогоднего обращения имеет строгую композицию [18, с. 180], которая может варьироваться в случае необходимости отражения важнейших событий уходящего года. Так, в Обращении выделяются: 1) обращение к адресату, 2) повод обращения, 3) итоги уходящего года (трудности и достижения), 4) определение ценностей и приоритетов, 5) обращение к участникам специальной военной операции, 5) обозначение главного события нового года, 5) пожелания, 6) поздравление.

Аксиологическое пространство новогоднего поздравления президента В. Путина организуется, отражая актуальные социокультурные смыслы на двух уровнях.

1. Уровень национальных / государственных ценностей в прошлом, настоящем и будущем, который объединяет базовые политические идеологемы российского государства: национальное единство, героизм участников специальной военной операции, безопасность и суверенитет России, Победа в Великой Отечественной войне. Данные смыслы традиционно для политического дискурса вербализуются следующим рядом лексем: «единство», «вера», «достояние», «развитие», «судьба», «суверенитет», «защитить Россию», «Великая Победа».

2. Уровень персональных ценностей, репрезентируемый наименованиями «благополучие» и «процветание».

Представляется, что для автора новогоднего обращения ведущей ценностью является идея единства, которая отражается прежде всего общей интенцией текста поздравления, также диффузностью границ между уровнями национальных и персональных ценностей, когда понятия «дом», «семья» и «страна» находятся в одном ряду (ср.: «Желаю благополучия и процветания каждому нашему дому, каждой нашей семье и нашей любимой стране – России»), а статусный автор (президент) объединяется с массовым адресатом с помощью «личного местоимения в форме первого лица множественного числа, концентрирующего в

¹ Здесь и далее приводятся материалы видеоматериала «Новогоднего обращения к гражданам России 31.12.2024» [8].

себе коллективное начало и обозначающего различных референтов, в данном случае объединяющего отправителя и получателя текста, маркирующего субъекта верховной власти как репрезентанта всего народа» [17, с. 176–177]: «*нам предстоит еще многое решить, но мы можем по праву гордиться тем, что уже сделано*». Кроме того, значительную роль в тексте играет лексика, реализующая семантику единения (совместности, принадлежности к своим, близости): «*товарищи*», «*друзья*», «*семья*», «*дом*», «*вместе*», «*наш*», «*рядом, близкие*».

Предполагается, что для обучающихся незнакомой, требующей специальной подготовки будет являться лексика военной сферы («*боец*», «*командир*», «*ратный*», «*ветеран*»), отдельные политические термины («*суверенитет*»).

Идеологическая составляющая официального поздравления с Новым годом предопределяет стилистический регистр текста, сочетающий официальность (использование традиционных для политического дискурса лексических средств), позитивность оценки (исключение негативно окрашенных слов), торжественность пафоса, достигаемого за счет поздравительных формул, синтаксических средств выразительности [18].

Формирование СКК посредством Обращения предполагает использование подготовительных и речевых упражнений, набор, характер и содержание которых обуславливается лингвистическими и жанровыми особенностями официального новогоднего поздравления, а также обязательными требованиями к Третьему сертификационному уровню владения русским языком [19].

Для адекватного аудирования Обращения иностранным обучающимся необходимы знания о политических символах российского государства, функционирующих в структуре видеоматериала. Если государственные флаг и гимн Российской Федерации должны быть знакомы иностранцам, то образ Московского Кремля (рис. 2) в качестве символа высшего политического руководства государства (президента) может быть им не известен.

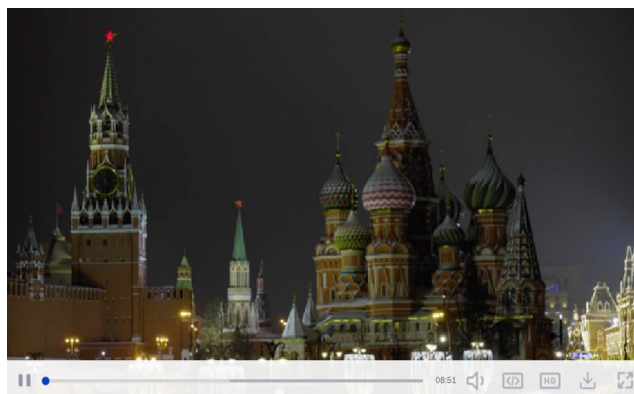

Рис. 2

Кроме того, неочевидными являются знания о курантах на Спасской башне Кремля (рис. 3) как одном из главных символов новогодней ночи в России.

Достижение задачи расширения знаний об экстралингвистическом компоненте Обращения возможно посредством беседы, в рамках которой обучающимся предлагается обсудить следующие вопросы:

1. Какие символы России вы знаете?
2. Какие из них, на ваш взгляд, символизируют Россию как государство?
3. Какому празднику, на ваш взгляд, посвящена открытка? Почему?
4. Определите, в каком значении употребляется слово «Кремль» в предложениях: а) В Кремле состоялась пресс-конференция Президента России и б) У Кремля есть иное мнение об этом вопросе.
5. Как вы считаете, почему для россиян поздравление президента является обязательной и очень важной частью Нового года?

Рис. 3

Важно не перегружать студентов исторической информацией (например, сведениями об истории появления и развития Кремля или историей праздника Новый год в России), чтобы не отвлекать их от содержания предлагаемого видеоматериала. На наш взгляд, на допросмотровом этапе достаточно определить современное социокультурное содержание выделенных символов.

Для снятия лексических трудностей аудирования Обращения, связанных прежде всего с восприятием военной лексики, некоторых политических терминов, возможно использование упражнений, направленных на развитие механизма антиципации.

1. Прочитайте слова из текста. Как вы думаете, о чем этот текст?

Защита Родины, защитник Отечества, мир, безопасность, герой, боец, командир, боевые товарищи, ратный труд, Великая Победа, сокрушить нацизм, ветеран, мужество, отвага.

2. Прослушайте слова 1 и 2 группы. Как вы думаете, о чем будет говорить автор текста, из которого взяты эти слова?

1) граждане России, Новый год, благополучие, процветание, дом, семья, любимая страна;

2) единство, вера, народ, достояние, развитие, судьба России, суверенитет, защищать Россию.

3. Просмотр Обращения может сопровождаться заданиями, помогающими определить структуру воспринимаемого текста, содержание отдельных его частей, выделить ключевые слова, найти нужную языковую информацию.

1. Назовите ключевые слова, определяющие смысл просмотренного поздравления.

2. Воспользовавшись новогодним обращением В. Путина, заполните пропуски в следующих фразах.

Мы не раз преодолевали ... (испытания).

Россия – ..., ..., ... страна (независимая, свободная, сильная).

Абсолютной ценностью является ... (судьба России).

Наступающий 2025-й объявлен в России Годом... (защитника Отечества).

Желаю каждому дому (благополучия и процветания).

4. Подберите синонимы к словам *единство, суверенитет, (свои) силы*.

Важно, чтобы обучающиеся обратили внимание на устойчивые сочетания, отражающие идеологемы, характерные для российского политического дискурса, жанра официального поздравления.

Послепросмотровый этап работы с Обращением призван проконтролировать понимание воспринятого и совершенствовать умения оформлять результаты мыслительной деятельности в устной и письменной речи. Такие задачи помогут решить вопросы по тексту, предполагающие обмен мнениями.

1. Расскажите, кто такие, по словам В. Путина, «герои, взявшие на себя великий ратный труд – защищать Россию».

2. Чьим заветам и традициям верны россияне? Почему «поколение, сокрушившее нацизм», так почитается в России?

Определить общую интенцию видеоматериала, выделить смысл прослушанного текста помогут размышления обучающихся о том, почему автор в своем новогоднем обращении употребляет только местоимения *мы, наш*, не разделяя граждан России по национально-

Рис. 4

сти, месту проживания, вероисповеданию и т. п. Как в тексте соотносятся значения этих местоимений и слов *товарищи, друзья, семья, дом, близкие, вместе, рядом*? Данная работа также предполагает форму дискуссии без ограничения объема выступления. Важно, чтобы обучающиеся в ходе обсуждения определили эти слова как лексемы, реализующие семантику единения – одного из центральных ценностных смыслов российского политического дискурса. Для этого преподавателю необходимо выступать в роли модератора дискуссии, направляя обсуждение в нужное русло.

Завершить работу с официальным новогодним поздравлением может задание, направленное на овладение этикетным жанром торжественного поздравления, когда обучающиеся, опираясь на новогоднее обращение к гражданам России В. Путина, создают торжественное поздравление с Новым годом, адресованное российским студентам, по предложенному плану:

- 1) обращение;
- 2) повод поздравления;
- 3) важные итоги уходящего года;
- 4) желаемые цели в новом году;
- 5) поздравление.

В целом представленная система заданий на основе Обращения позволяет не только расширить объем страноведческих и фоновых знаний обучающихся о символах и ритуалах современной России, но и дать представления о базовых идеологемах, ценностных смыслах российского государства, общества, вербализуемых терминами и сочетаниями, маркирующими политический дискурс и официальные поздравительные тексты. Подобные результаты позволяют сделать вывод о высокой степени эффективности аудирования официальных видеопоздравлений как приема формирования СКК у иностранных студентов, изучающих русский язык.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей : указ Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 года № 809. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/405579061/> (дата обращения: 04.05.2026).
2. Бим И. Л. Личностно-ориентированный подход – основная стратегия обновления школы // Иностранные языки в школе. 2002. № 2. С. 11–15.
3. Сафонова В. В. Коммуникативная компетенция: современные подходы к многоуровневому описанию в методических целях. М., 2004. 233 с.
4. Соловова Е. Н. Методика обучения иностранным языкам. Базовый курс лекций. М., 2002. 238 с.
5. Азимов Э. Г., Щукин А. Н. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). М., 2009. 446 с.
6. Лазарева О. А. Социокультурная значимость коммуникативно-речевой компетенции // Педагогическое образование в России. 2011. № 3. С. 96–102.
7. Юрова Ю. В. Фактор социокультурной компетенции в практике преподавания русского языка как иностранного // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Русский и иностранные языки и методика их преподавания. 2007. № 2. С. 68–74.
8. Новогоднее обращение к гражданам России 31.12.2024 // Президент России : офиц. сайт. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/76073> (дата обращения: 15.12.2025).
9. Гончар И. А. Аудирование иноязычного текста как объект лингвистики и методики // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. 2011. № 4. С. 117–121.
10. Зимняя И. А. Лингвopsихология речевой деятельности. М. ; Воронеж, 2001. 432 с.
11. Щукин А. Н. Методика использования аудиовизуальных средств (при обучении русскому языку как иностранному в вузе). М., 1981. 128 с.

12. Самчик Н. Н. Использование видеоматериалов на занятиях по русскому языку как иностранному: критерии отбора // Региональный вестник. 2019. № 11 (26). С. 23–24.
13. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса : дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2000. 440 с.
14. Ильичева В. В. Жанрообразующие признаки торжественной президентской риторики в системе российского политического дискурса // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2015. № 2. С. 376–379.
15. Гаврилова М. В. Некоторые тенденции развития российской президентской риторики: политические коммуникации в изменяющейся России // Сборник научных статей РАПН. М., 2013. С. 33–38.
16. Зайцева Е. Л., Гурьянова Т. Ю. Репрезентация политического дискурса в новогоднем обращении президента // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева. 2019. № 4 (104). С. 53–59.
17. Сладкевич Ж. Р. Организация семиотического пространства новогоднего поздравления президента (на материале новогодних обращений президентов России, Беларуси и Польши за 2000–2015 гг.) // Политическая наука. 2016. № 3. С. 168–193.
18. Терещенко Ю. А., Скидан О. Г. Речевой портрет политического лидера (на материале новогодних обращений президентов России и Франции) // Политическая лингвистика. 2024. № 5 (107). С. 178–189.
19. Государственный образовательный стандарт по русскому языку как иностранному. Третий уровень. Общее владение / [Иванова Т. А. и др.]. М. ; СПб., 1999 44 с.

REFERENCES

1. *Ob utverzhdenii Osnov gosudarstvennoi politiki po sokhraneniyu i ukrepleniyu traditsionnykh rossiiskikh dukhovno-nravstvennykh tsennostei: ukaz Prezidenta Rossiiskoi Federatsii ot 9 noyabrya 2022 goda No. 809* [On the approval of the fundamentals of state policy for the preservation and strengthening of traditional Russian spiritual and moral values: decree of the President of the Russian Federation No. 809 of November 9, 2022]. Available at: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/405579061/> (accessed May 4, 2026).
2. Bim I.L. The personality-oriented approach is the main strategy for school renewal. *Inostrannye yazyki v shkole = Foreign Languages in School*, 2002, no. 2, pp. 11–15. (In Russ.).
3. Safonova V.V. *Kommunikativnaya kompetentsiya: sovremennye podkhody k mnogourovnevomu opisaniyu v metodicheskikh tselyakh* [Communicative competence: modern approaches to multilevel description for methodological purposes]. Moscow, 2004. 233 p.
4. Solovova E.N. *Metodika obucheniya inostrannym yazykam. Bazovyi kurs lektsii* [Methods of teaching foreign languages. Basic course of lectures]. Moscow, 2002. 238 p.
5. Azimov E.G., Shchukin A.N. *Novyi slovar' metodicheskikh terminov i ponyatii (teoriya i praktika obucheniya yazykam)* [New dictionary of methodological terms and concepts (theory and practice of language teaching)]. Moscow, 2009. 446 p.
6. Lazareva O.A. Socio-cultural significance of communicative-speech competence. *Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii = Pedagogical Education in Russia*, 2011, no. 3, pp. 96–102. (In Russ.).
7. Yurova Yu.V. The factor of socio-cultural competence in the practice of teaching Russian as a foreign language. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Russkii i inostrannye yazyki i metodika ikh prepodavaniya = Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Russian and Foreign Languages and Methods of Their Teaching*, 2007, no. 2, pp. 68–74. (In Russ.).
8. New Year's address to the citizens of Russia, December 31, 2024. *Prezident Rossii: ofits. sait* [President of Russia: official website]. Available at: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/76073> (In Russ.). (Accessed December 15, 2025).
9. Gonchar I.A. Listening to a foreign-language text as an object of linguistics and methodology. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 9. Filologiya. Vostokovedenie. Zhurnalistika Bulletin of the Saint Petersburg University. Series 9. Philology. Oriental Studies. Journalism*, 2011, no. 4, pp. 117–121. (In Russ.).
10. Zimnyaya I.A. *Lingvopsikhologiya rechevoi deyatel'nosti* [Linguopsychology of Speech Activity]. Moscow; Voronezh, 2001. 432 p.

11. Shchukin A.N. *Metodika ispol'zovaniya audiovizual'nykh sredstv (pri obuchenii russkomu yazyku kak inostrannomu v vuze)* [Methodology for using audiovisual means (in teaching Russian as a foreign language at a university)]. Moscow, 1981. 128 p.
12. Samchik N.N. The use of video materials in classes on Russian as a foreign language: selection criteria. *Regional'nyi vestnik = Regional Bulletin*, 2019, no. 11 (26), pp. 23–24. (In Russ.).
13. Sheigal E.I. *Semiotika politicheskogo diskursa: dis. ... d-ra filol. nauk* [Semiotics of political discourse: Doctor of Sciences (Philology) dissertation]. Volgograd, 2000. 440 p.
14. Il'icheva V.V. Genre-forming features of solemn presidential rhetoric in the system of Russian political discourse. *Gumanitarnye, sotsial'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki = Humanities, Socio-Economic and Social Sciences*, 2015, no. 2, pp. 376–379. (In Russ.).
15. Gavrilova M.V. Some trends in the development of Russian presidential rhetoric: political communications in a changing Russia. In: *Sbornik nauchnykh statei RAPN* [Collection of scientific articles by the Russian Political Science Association]. Moscow, 2013. Pp. 33–38. (In Russ.).
16. Zaitseva E.L., Gur'yanova T.Yu. Representation of political discourse in the President's New Year's address. *Vestnik Chuvashskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. I. Ya. Yakovleva Bulletin of the I. Ya. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University*, 2019, no. 4 (104), pp. 53–59. (In Russ.).
17. Sladkevich Zh.R. Organization of the semiotic space of the president's New Year's greeting (based on the material of the New Year's addresses of the presidents of Russia, Belarus, and Poland for 2000–2015). *Politicheskaya nauka = Political Science*, 2016, no. 3, pp. 168–193. (In Russ.).
18. Tereshchenko Yu.A., Skidan O.G. Speech portrait of a political leader (Based on the New Year's addresses of the Presidents of Russia and France). *Politicheskaya lingvistika = Political Linguistics*, 2024, no. 5 (107), pp. 178–189. (In Russ.).
19. Ivanova T.A. *Gosudarstvennyi obrazovatel'nyi standart po russkomu yazyku kak inostrannomu. Tretii uroven'. Obshchee vladenie* [State Educational Standard for Russian as a Foreign Language. Third Level. General ownership]. Moscow; Saint Petersburg, 1999 44 p.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

ЛЕОНИД МИХАЙЛОВИЧ ГОЛИКОВ – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского и иностранных языков факультета психологии и probation Вologodского института права и экономики ФСИН России, Вологда, Россия, LGolikov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9952-4116>

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

LEONID M. GOLIKOV – Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor, associate professor at the Department of Russian and Foreign Languages of the Faculty of Psychology and Probation of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia, Vologda, Russia, LGolikov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9952-4116>

Статья поступила 06.05.2026

Научная статья

УДК 378:355.23

doi 10.46741/sjournal.2026.22.3.007

Сущность и структура понятия «образ профессии пенитенциарного психолога» в аспекте его формирования у курсантов вуза ФСИН России, обучающихся по специальности 37.05.02 Психология служебной деятельности

ОКСАНА БРОНИСЛАВОВНА ПАНОВА

Вологодский институт права и экономики ФСИН России, Вологда, Россия, xenia-vipe@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6096-2581>

ЯНА ВЯЧЕСЛАВОВНА ЧЕРНОЗЕМ

Вологодский институт права и экономики ФСИН России, Вологда, Россия, yana.chernozem@yandex.ru

Аннотация. В статье рассмотрена одна из граней изучения образа профессии пенитенциарного психолога, в частности взаимосвязи структурной композиции курсанта вуза ФСИН России на этапе его становления в качестве специалиста. Актуальность исследования объясняется тем, что образ профессии является концентрированным выражением ее сути; индикатором становления специалиста, развития его профессионально важных качеств. *Целью* статьи стало уточнение характеристики терминологического конструкта «образ профессии пенитенциарного психолога», включающей раскрытие ее сущности и структуры. В тексте отображены представления курсантов-первокурсников о профессии пенитенциарного психолога, выявленные в ходе анализа и интерпретации их сочинений; представлен краткий теоретический обзор научных взглядов, касающихся определения категории «образ профессии». Методами исследования выступили теоретический анализ, аргументация, обобщение, педагогическое моделирование, анализ и интерпретация текстов творческих работ обучающихся и др. Основным результатом статьи явилось представление дефиниции исследуемого понятия и его структуры, включающей знаниевый, эмоционально-мотивационный и установочно-поведенческий компоненты, определяемые ценностно-смысловой сферой индивида. Аксиосфера играет ключевую роль в структуре образа профессии, формируя его содержательную основу, осуществляя их координацию и обеспечивая функциональное единство.

Ключевые слова: курсанты вуза ФСИН России; образ профессии; пенитенциарный психолог; структура образа профессии; профессиональная аксиосфера; профессиональная среда; профессиональная идентичность; формирование образа профессии; педагогическое сопровождение.

5.8.7. Методология и технология профессионального образования.

Для цитирования: Панова О. Б., Чернозем Я. В. Сущность и структура понятия «образ профессии пенитенциарного психолога» в аспекте его формирования у курсантов вуза ФСИН России, обучающихся по специальности 37.05.02 Психология служебной деятельности // Всероссийский научно-практический журнал социальных и гуманитарных исследований. 2026. № 3 (22). С. 60–68. doi 10.46741/sjournal.2026.22.3.007.

Original article

The Essence and Structure of a “Penitentiary Psychologist Professional Image” Concept in the Context of its Formation among Cadets Majoring in Occupational Psychology (37.05.02) at Departmental Institutions of the Federal Penitentiary Service of Russia

OKSANA B. PANOVA

Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia, Vologda, Russia, xenia-vipe@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6096-2581>

YANA V. CHERNOZEM

Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia, Vologda, Russia, yana.chernozem@yandex.ru

Abstract. The article examines a specific aspect of the “penitentiary psychologist” professional image, namely, the correlation between a cadet’s personality structure at higher educational establishments of the Federal Penitentiary Service of Russia and their development as specialists. This study is relevant because a professional image encapsulates the very essence of an occupation; it serves as both an indicator of a specialist’s development and a benchmark for their professionally important qualities. The purpose of the article is to clarify characteristics of the terminological construct “image of the profession of a penitentiary psychologist”, including the disclosure of its essence and structure. The text reflects perceptions of first-year cadets regarding the profession of a penitentiary psychologist, which are identified during the analysis and interpretation of their essays; it also provides a brief theoretical overview of scientific views concerning the definition of the category “image of the profession”. The research methods used are theoretical analysis, argumentation, generalization, pedagogical modeling, analysis and interpretation of students’ creative works, etc. The main result of the article is the presentation of a definition of the concept under study and its structure, which includes knowledge-based, emotional-motivational, and attitudinal-behavioral components, determined by the individual’s value-semantic sphere. The axiosphere plays a key role in the structure of the professional image, forming its substantive foundation, coordinating its components, and ensuring functional unity.

Keywords: higher educational establishments of the Federal Penitentiary Service of Russia; profession image; penitentiary psychologist; profession image structure; professional axiom; professional environment; professional identity; formation of the profession image; pedagogical support.

5.8.7. Methodology and technology of vocational education.

For citation: Panova O.B., Chernozem Ya.V. The essence and structure of a “penitentiary psychologist professional image” concept in the context of its formation among cadets majoring in occupational psychology (37.05.02) at departmental institutions of the Federal Penitentiary Service of Russia. *All-Russian Research and Practice Journal of Studies in Social Sciences and Humanities*, 2026, no. 3 (22), pp. 60–68. doi 10.46741/sjournal.2026.22.3.007.

Введение. Кадровая политика ФСИН России направлена на создание и развитие потенциала сотрудников с установкой на своевременное и качественное решение задач уго-

ловно-исполнительной системы (УИС). Ее цель заключается в подготовке, сохранении и развитии персонала, способного адаптироваться к требованиям УИС в условиях реформирования [1]. В реализации обозначенной стратегии особая роль отводится образовательным организациям высшего образования ФСИН России, призванным дать обучающимся не только знания, но и реалистичное представление о будущей профессии.

В настоящее время вузы ФСИН России осуществляют подготовку сотрудников УИС по ряду специальностей; одной из них является специальность 37.05.02 Психология служебной деятельности с ведомственной специализацией «Пенитенциарная психология». Поступая на психологические факультеты вузов ФСИН России, не все абитуриенты изначально обладают достаточными знаниями о содержании выбранной ими профессии; многие не берут во внимание специфику работы с осужденными, которые часто выбирают антиобщественные сценарии поведения, проявляют высокий уровень агрессивности и враждебности, характеризуются эмоционально-личностными аномалиями и психическими расстройствами. Все перечисленные проявления, присущие спецконтингенту исправительных учреждений, существенно затрудняют практическую деятельность специалистов, взаимодействующих с такими клиентами.

Подтверждение тому, что представления многих первокурсников о профессии пенитенциарного психолога изначально не сформированы в должной мере, мы получили в ходе обработки результатов диагностического экспресс-исследования, проведенного в форме эссе. Анализ результатов включал качественную интерпретацию содержания сочинений. Авторами эссе стали курсанты первого года обучения, которым в первом семестре была предложена тема «Что я знаю о профессии пенитенциарного психолога?». Особо подчеркнем, что данная тема сочинения предлагалась первокурсникам разных наборов, следующих один за другим, в течение трех лет, и, соответственно, итоговым анализом были охвачены творческие работы первокурсников трех потоков. Всего было проанализировано 106 таких работ.

В подавляющем большинстве текстов фигурировало упрощенное или поверхностное представление о содержании деятельности пенитенциарного психолога; понимание многих авторов сводилось нередко к базовым стереотипам, выработанным под влиянием медиа и личного опыта. Акценты были сделаны на следующих содержательных аспектах описываемой профессии: оказании помощи людям (49 авторов; 46,3 %); умении распознавать свои собственные проблемы и находить пути их решения психологическими средствами (21 автор; 19,8 %). В ряде сочинений превалировала идея «изучения человека» или «определения проблем личности» (19 авторов; 18 %). Лишь в 13 сочинениях (12,2 %) указывались содержательные доминанты, так или иначе связанные с участием пенитенциарного психолога в исправлении и ресоциализации осужденных; в одном из вариантов уточнялось: «хочется использовать все возможности исправления оступившегося человека и тем самым изменить мир к лучшему». В четырех сочинениях (3,7 %) констатировалось несение службы в УИС как ключевая характеристика профессии пенитенциарного психолога.

Проведенный текстовый анализ послужил для нас основанием считать, что при поступлении в вуз ФСИН России многие авторы эссе не имели четкого представления о профессиональной деятельности психолога, работающего именно в пенитенциарной сфере. Между тем пенитенциарная психология имеет свою специфику, являясь узкоспециализированной областью, в которой психология в высокой степени опосредована уголовно-исполнительным правом. Ее цель – не просто содействовать клиенту, а обеспечивать коррекцию его поведения в сторону правопослушания, что во многих случаях идет вразрез с желаниями и интересами самих осужденных. Пенитенциарный психолог выполняет свои функциональные обязанности в жестко регламентированной среде с присущими рисками, в том числе связанными с опасностью для жизни и здоровья сотрудников УИС. Выявленное у ряда первокурсников размытое представление о специфике профессии пенитенциар-

ного психолога позволяет спрогнозировать вероятность последующего проявления таких неблагоприятных эффектов, как несоответствие профессиональной реальности изначальным ожиданиям обучающихся, образование мотивационного вакуума с сопутствующими ему разочарованием в выборе профессии, нежеланием работать в определенной должности, отсутствием потребности в профессиональном развитии и карьерном росте и т. п.

Важность формирования в сознании курсантов психологических факультетов вузов ФСИН России образа профессии пенитенциарного психолога объясняется рядом обстоятельств, влияющих на их профессиональное становление. Назовем некоторые из них:

- В ходе формирования целостного образа выбранной профессии курсанты включаются в процессы, происходящие в УИС, что, в свою очередь, становится фактором развития у них адаптационных способностей, особенно важных на ранних этапах вхождения в профессиональную среду.

- Фокусирование познавательных интересов курсанта на аспектах профессионального развития ставит перед ним все новые вопросы, связанные с будущей служебной деятельностью. Успешное нахождение ответов на такие вопросы в ходе образовательного процесса обуславливает выработку у обучающегося более ответственного отношения к учению как источнику знаний, имеющих жизненно важный смысл.

- Ясное восприятие курсантами портрета выбранной профессии становится предпосылкой для повышения результативности их работы в качестве пенитенциарных психологов после выпуска из образовательного учреждения.

Основные результаты. Обращение к понятию «образ профессии пенитенциарного психолога» позволяет более точно выделить образовательные процессы при сопровождении курсанта вуза ФСИН России в ходе его включения в профессиональную среду. Ожидаемым результатом педагогического сопровождения при этом должен стать сформировавшийся комплекс личностных качеств, обеспечивающих способность и готовность обучающегося в вузе ФСИН России к продуктивному существованию в профессиональной среде как проявлению его профессиональной идентичности. Терминологический конструкт «профессиональная среда» представляет собой синтез условий, обязательных для выполнения пенитенциарным психологом своей профессиональной деятельности в учреждении ФСИН России во взаимодействии с сотрудниками других служб и подразделений. В структуру профессиональной среды пенитенциарного психолога входят сотрудники психологической службы (лаборатории); иные профессиональные группы и сообщества, олицетворяющие все служебные подразделения, с которым взаимодействует психолог; условия профессиональной деятельности, включающие ее служебные аспекты; межличностные взаимоотношения; эмоционально-психологическая атмосфера; организационная культура; система отношений пенитенциарного сообщества с социумом и др. В нашем исследовании профессиональная среда рассматривается, кроме того, как сегмент образовательного пространства, в котором курсант вуза ФСИН России делает первые шаги в профессию в сопровождении своих наставников из числа преподавателей, сотрудников-практиков, представителей ветеранских организаций. Такой подход объясняется особенностями организации образовательного процесса в ведомственных вузах ФСИН России и ролью различных участников в формировании профессиональных компетенций и адаптации курсантов.

Для того чтобы формированию образа профессии пенитенциарного психолога придать целенаправленный и системный характер, важным становится четкое представление педагогической сущности и структуры соответствующего понятия применительно к личности курсанта вуза ФСИН России. В науке существуют разные толкования терминологического конструкта «образ профессии». При некоторых различиях, существующих во взглядах ученых, многие из них сходятся в понимании образа профессии как целостного представления о базовых компонентах профессии, которые выступают в виде связанных фрагментов

единой структуры [2, с. 157]; сложного когнитивного и эмоционального образования, отражающего субъективные представления человека о работнике как о профессионале в его многоаспектной природе (как индивиде, личности) [3, с. 1750]; ориентира для профессионального развития [4, с. 696].

В трудах большинства исследователей сделан акцент на характеристике образа профессии как идеальном феномене, выполняющем мировоззренческую функцию и дающем возможность будущему специалисту получить представление о профиле предстоящей профессиональной деятельности или ее фрагментов, сформировать ожидания, реакции, способы поведения и эмоциональные отклики на явления, факты, события и процессы, относящиеся к профессиональной деятельности (К. А. Володина, О. Д. Дячкин, Ю. А. Канева, Е. А. Климов, Н. С. Кривцова, М. Н. Рыбникова, А. В. Сперанская и др.).

Развивая взгляды ученых на рассматриваемую проблему применительно к конкретной категории обучающихся, мы трактуем терминологический конструкт «образ профессии пенитенциарного психолога» как воссозданную в сознании курсанта вуза ФСИН России субъективную модель объективно существующей профессии пенитенциарного психолога в разных ее проявлениях, затрагивающих цели, задачи, функции, содержание деятельности, преимущества, риски и др. Данное определение подчеркивает субъективный характер представлений, их связь с профессией пенитенциарного психолога и охватывает ключевые аспекты, которые могут формироваться у курсантов вузов ФСИН России в процессе обучения. Образ профессии пенитенциарного психолога представляет собой динамическое интегративное личностное образование, способствующее становлению профессиональной идентичности курсанта психологической специальности вуза ФСИН как фактора личностного становления, развития и совершенствования.

Исходя из представленного определения, образ профессии пенитенциарного психолога характеризуется как феномен, интегрирующий следующие аспекты: знаниевый, эмоционально-мотивационный, установочно-поведенческий, ценностно-смысловой.

Все обозначенные элементы структуры опосредуются ценностно-смысловой сферой индивида, которая осуществляет их координацию, обеспечивая функциональное единство. В совокупности перечисленные компоненты являются основаниями для приобретения начинающим сотрудником УИС профессиональной идентичности, сопутствующей успешному профессиональному становлению, развитию и совершенствованию в сфере пенитенциарной психологии.

Рассмотрим структурные компоненты образа профессии пенитенциарного психолога более подробно.

Знаниевый компонент выступает центральным вектором образа, вокруг которого выстраиваются остальные элементы профессионального портрета: при отсутствии знаний о профессии не может формироваться ни отношение к ней, ни готовность соответствовать определенным требованиям. В структуре образа профессии знаниевый компонент, являясь результатом процесса познания личностью обучающегося профессиональной среды, включает в себя определенную сумму представлений о профессии пенитенциарного психолога. В педагогике понятия «знание» и «представление» соотносятся как более общее и более конкретное, хотя они тесно связаны в процессе познания. Знание – это более комплексная форма отражения действительности, а представление – конкретный способ визуализации и осмысления этого отражения на определенном этапе познания. Представления выступают частью знания; они помогают мысленно воссоздавать профессиональную действительность, когда ее непосредственное восприятие затруднено или невозможно. В образовательном процессе знания могут формироваться на основе представлений, а представления могут влиять на качество и глубину знаний. Например, наглядные образцы реальных профессионально значимых ситуаций могут служить основой для усвоения соответствующих понятий и закономерностей.

Широкий масштаб профессиональной информации объясняется многоплановостью пенитенциарно-психологической деятельности. Знания о профессии необходимы курсанту вуза ФСИН России, в первую очередь, для успешного вхождения в профессиональную среду. К числу первоначальных знаний о профессиональном портрете, которыми непременно должен обладать будущий пенитенциарный психолог, относятся представления о должном (профессиональные и служебные обязанности); о необходимом (социальные гарантии, возможности для профессионального развития и карьерного роста); о критериях, относящихся к категории «профессиональное достоинство» психолога как специалиста и сотрудника УИС (репутационные характеристики профессии, отражающие престижность, профессиональную компетентность, комплекс личностных качеств, включающих соблюдение этических норм и нормативных требований, а также способность эффективно выполнять свои функции).

Эмоционально-мотивационный компонент включает суждения о правильности выбора профессии и основаниях для служения ей, базирующиеся на определении ее субъективной значимости. Служение в профессиональном контексте подразумевает особый тип отношения обучающегося к своей будущей профессиональной деятельности, при котором он ощущает себя ответственным и обязанным добросовестно и высокопродуктивно выполнять работу, ориентируясь на общественно значимые ценности. Мотив в этом случае выступает движущей силой, которая придает деятельности личностный смысл и направляет ее на достижение определенных целей. Мотивы могут отражать как внутренние (связанные с содержанием профессии и самореализацией в ней), так и внешние (материальное вознаграждение, карьерный успех, социальные гарантии и т. п.) побуждения курсанта. Важно, чтобы в профессиональной направленности начинающего сотрудника УИС доминировали внутренние мотивы как результат постижения общественной значимости деятельности. Именно такой фрагмент образа профессии способствует более глубокому вовлечению в нее и последующему профессиональному росту.

Важная роль в структуре образа профессии отводится установочно-поведенческому компоненту, отражающую предрасположенность действовать в своей профессии в определенном направлении. Установочно-поведенческий компонент образа профессии пенитенциарного психолога включает готовность курсанта соотносить свои действия с установленными государством требованиями, а также нормами и традициями, принятыми в профессиональном сообществе специалистов-психологов и сотрудников УИС.

Выделяем следующие виды готовности курсантов вузов ФСИН России как характеристики их профессиональной установки: готовность как длительное состояние, когда приближение к цели проходит ряд промежуточных этапов; готовность, выражающаяся в воздержании сотрудника УИС от действий, запрещенных нормами права, в том числе коррупционного характера; готовность как возможность активно использовать преимущества своего статуса сотрудника УИС, например, в сфере социальных гарантий и др.

Ценностно-смысловой компонент предопределяет осознание важности профессии, ее общественной, государственной и личностной значимости, моральных аспектов работы. Образ профессии, являясь субъективным духовным отражением профессиональной действительности, опосредуется ценностной системой индивида. Образ, основанный исключительно на прагматическом расчете, предопределяет профессиональное становление сотрудника в русле приспособленчества, бесчувственности и цинизма; становится своеобразным «компасом» для ловкого и проворного, но при этом черствого человека, ориентированного преимущественно на достижение своих личных целей.

Формирование образа профессии должно соотноситься с обретением курсантом профессиональной идентичности – осознанием себя как пенитенциарного психолога и части профессионального сообщества, пониманием своей роли в профессиональной среде, а также принятием системы абсолютных и профессиональных ценностей и норм. Профес-

сиональная идентичность означает обретение смысла выполняемой работы, стремление к максимальному выполнению профессиональных задач, веру в свои возможности, понимание важности профессии, удовлетворенность результатами труда и перспективами развития.

Абсолютными ценностями признаются человеческая жизнь, добро, истина, красота [5, с. 89]. Жизнь как высшая ценность подчеркивает самоценность личности и ее существования [6, с. 108–109]. Истина рассматривается как конечная цель познавательной деятельности, а ориентация на нее – основа для формирования достоверных знаний о мире. Добро – все то, что является благом для другого. Красота связана с гармонией и способностью вызывать эстетическое и нравственное наслаждение, помогающее полюбить мир [7, с. 80].

При обозначении профессиональных ценностей в структуре образа пенитенциарного психолога выделим две группы ценностей: терминальных как устойчивых убеждений относительно предпочтительного образа конечного состояния и инструментальных – устойчивых убеждений относительно предпочтительного образа поведения [8, с. 385].

Терминальные ценности (ценности-цели) в аксиосфере образа пенитенциарного психолога включают активную эмоционально насыщенную жизнь; стабильность, определяемую социальными гарантиями и материальным обеспечением; общественную значимость; возможность личностного развития и др. К числу инструментальных ценностей, образующих портрет пенитенциарного психолога, могут быть отнесены ответственность, чувство долга, умение держать слово, соблюдать этические нормы и законодательство, самоконтроль, рационализм, эмпатия, коммуникабельность, толерантность, независимость как способность принимать решения на основе своих знаний, убеждений и совести, не поддаваясь давлению со стороны других лиц или органов, – ключевое качество для объективности в профессиональной деятельности [9, с. 316–319].

Заключение. Обозначенные компоненты образа профессии представляют собой систему, все элементы которой взаимосвязаны между собой. В соответствии со структурой образ профессии пенитенциарного психолога выполняет функции: информативную, мотивационную, оценочную, регулятивную. В совокупности они способствуют выработке профессиональной идентичности как интегративного качества, обеспечивающего способность начинающему сотруднику УИС ориентироваться и самоопределяться в профессиональной среде. Проведенное исследование позволило сформулировать следующие *выводы*:

– Образ профессии пенитенциарного психолога, формирующийся в образовательном процессе вуза ФСИН России, являет собой мысленную визуализацию модели профессионального поведения, которая включает следующие взаимосвязанные элементы: осознание обучающимся своих профессиональных потребностей, требований государства и общества к пенитенциарному психологу, целей, реализация которых приведет к удовлетворению профессиональных потребностей; осмысливание и оценку условий, в которых будет протекать предстоящая профессиональная деятельность; фиксацию наиболее актуальных вариантов профессионального поведения.

– Приобщая обучающихся к деятельности, направленной на постижение своей профессии посредством формирования ее образа, важно обеспечить реалистичное восприятие такого образа и при этом учитывать как внутренние установки личности курсанта, так и внешние условия (требования УИС, изменения в профессиональной сфере и т. п.).

– Реалистичный образ профессии обеспечивает опережающее проецирование профессиональной деятельности, которое не только отображает профессиональную действительность, но и ориентирует на ее изменение в приближении к определенному идеальному эталону.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. О Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года: Распоряжение Правительства РФ от 29.04.2021 № 1138-р // Собрание законодательства РФ. 2021. № 20. Ст. 3397.
2. Володина К. А. Теоретический анализ основных характеристик образа профессии: понятие, структура, функции // Наука и школа. 2013. № 3. С. 156–158.
3. Ильина С. П. Становление образа современного педагога у студентов педагогического вуза: результаты исследования // Письма в эмиссия оффлайн. 2012. № 3. С. 1750. URL: <https://elibrary.ru/contents.asp?id=33830308>. (дата обращения: 28.04.2026).
4. Сперанская А. В. Образ психолога в представлениях курсантов-психологов // Теория и практика современной науки. 2017. № 3 (21). С. 695–699.
5. Лосский Н. О. Ценность и бытие. Бог и царство божие как основа ценностей. Париж, 1931. 136 с.
6. Тхакушинов А. К., Сиюхова А. М., Куева Э. М. Жизнь человека как социальная ценность в современном научном дискурсе // Политика и общество. 2017. № 11. С. 96–109.
7. Краткий словарь по эстетике / Е. Л. Акиншина, В. Р. Аронов, М. Н. Афасижев и др. М., 1983. 224 с.
8. Джери Д. Большой толковый социологический словарь. А-О. М., 1999. 543 с.
9. Мишин А. А. Психологические особенности ценностных ориентаций сотрудников уголовно-исполнительной системы в процессе профессионализации // Молодой ученый. 2016. № 19 (123). С. 316–319. URL: <https://moluch.ru/archive/123/33941> (дата обращения: 28.04.2026).

REFERENCES

1. On the Concept for the Development of the Penal System of the Russian Federation for the Period until 2030: Order of the Government of the Russian Federation of April 29, 2021, No. 1138-r. In: *Sobranie zakonodatel'stva RF [Collection of Legislation of the Russian Federation]*. 2021. No. 20. Art. 3,397. (In Russ.).
2. Volodina K.A. Theoretical analysis of the main characteristics of the professional image: concept, structure, functions. *Nauka i shkola = Science and School*, 2013, no. 3, pp. 156–158. (In Russ.).
3. Il'ina S.P. The formation of the image of a modern teacher among students of a pedagogical university: research results. *Pis'ma v ehmissiya offlain = Letters in the Offline Emission*, 2012, no. 3, pp. 1750. Available at: <https://elibrary.ru/contents.asp?id=33830308>. (Accessed April 28, 2026).
4. Speranskaya A.V. The image of a psychologist in the perceptions of psychology cadets. *Teoriya i praktika sovremennoi nauki = Theory and Practice of Modern Science*, 2017, no. 3 (21). S. 695–699. (In Russ.).
5. Losskii N.O. *Tsennost' i bytie. Bog i tsarstvo bozhie kak osnova tsennostei* [Value and Existence. God and the Kingdom of God as the Foundation of Values]. Paris, 1931. 136 p.
6. Tkhakushinov A.K., Siyukhova A.M., Kueva E.M. Human life as a social value in modern scientific discourse. *Politika i obshchestvo = Politics and Society*, 2017, no. 11, pp. 96–109. (In Russ.).
7. Akin'shina E.L., Aronov V.R., Afasizhev M.N. et al. *Kratkii slovar' po estetike* [Concise dictionary of aesthetics]. Moscow, 1983. 224 p.
8. Jary D. *Bol'shoi tolkovyi sotsiologicheskii slovar'* [The Concise Oxford Dictionary of Sociology]. Moscow, 1999. 543 p.
9. Mishin A.A. Psychological features of the value orientations of employees of the penal system in the process of professionalization. *Molodoi uchenyi = Young Scientist*, 2016, no. 19 (123), pp. 316–319. Available at: <https://moluch.ru/archive/123/33941> (In Russ.). (Accessed April 28, 2026).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

ОКСАНА БРОНИСЛАВОВНА ПАНОВА – доктор педагогических наук, доцент, действительный член Международной академии наук экологии и безопасности жизнедеятельности, профессор кафедры юридической психологии и педагогики факультета психологии и пробации Вологодского института права и экономики ФСИН России, Вологда, Россия, xenia-vipe@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6096-258>

ЯНА ВЯЧЕСЛАВОВНА ЧЕРНОЗЕМ – преподаватель кафедры психологии профессиональной деятельности факультета психологии и пробации Вологодского института права и экономики ФСИН России, Вологда, Россия, yana.chernozem@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

OKSANA B. PANOVA – Doctor of Sciences (Pedagogy), Associate Professor, Full Member of the International Academy of Sciences of Ecology and Life Safety, professor at the Department of Legal Psychology and Pedagogy of the Faculty of Psychology and Probation of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia, Vologda, Russia, xenia-vipe@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6096-2581>

YANA V. CHERNOZEM – Lecturer at the Department of Psychology of Professional Activity of the Faculty of Psychology and Probation of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia, Vologda, Russia, yana.chernozem@yandex.ru

Статья поступила 02.06.2026

Научная статья

УДК 37.015.3

doi 10.46741/sgjournal.2026.22.3.008

Формирование управленческой компетентности курсантов ведомственных вузов Федеральной службы исполнения наказаний России

МАРИЯ ЮРЬЕВНА СМИРНОВА

Пермский институт ФСИН России, Пермь, Россия, oik-6@yandex.ru

ДЕНИС ОЛЕГОВИЧ СМИРНОВ

Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет,
Пермь, Россия, deva-nar@yandex.ru

Аннотация. В статье анализируется процесс формирования управленческой компетентности курсантов ведомственных вузов Федеральной службы исполнения наказаний (далее – ФСИН) России и рассматриваются различные подходы к ее изучению. Современное развитие уголовно-исполнительной системы зависит от уровня эффективности управленческой деятельности руководителей различных уровней. Одним из этапов совершенствования профессиональных навыков будущих офицеров-управленцев является включение в образовательный процесс компонентов предстоящей профессиональной деятельности, в частности управленческой. Формирование управленческой компетентности напрямую зависит от психологических и педагогических аспектов процесса обучения, при условии освоения курсантами нормативно-правовых и ценностно-смысловых значений: профессиональных, гуманистических, этнических. Слаженная согласованная деятельность руководства ведомственных учебных заведений, профессорско-преподавательского состава и сотрудников курсового звена оказывает содействие становлению профессионала, грамотного специалиста в уголовно-исполнительной системе. Раскрывается понятие «готовность к управленческой деятельности курсантов ведомственных вузов», этапы формирования в условиях современного высшего ведомственного образования.

Ключевые слова: управленческая компетентность; институт ФСИН России; профессиональная деятельность; руководящие кадры; уголовно-исполнительная система Российской Федерации.

5.3.4. Педагогическая психология, психодиагностика цифровых образовательных сред.

5.3.9. Юридическая психология и психология безопасности.

Для цитирования: Смирнова М. Ю., Смирнов Д. О. Формирование управленческой компетентности курсантов ведомственных вузов Федеральной службы исполнения наказаний России // Всероссийский научно-практический журнал социальных и гуманитарных исследований. 2026. № 3 (22). С. 69–76. doi 10.46741/sgjournal.2026.22.3.008.

Original article

Formation of Managerial Competence of Cadets at Departmental Institutions of the Federal Penitentiary Service of Russia

MARIYA YU. SMIRNOVA

Perm Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Perm, Russia,
oik-6@yandex.ru

DENIS O. SMIRNOV

Perm State Humanitarian and Pedagogical University, Perm, Russia, deva-
nar@yandex.ru

Abstract. The article analyzes the process of developing the managerial competence of cadets at departmental universities of the Federal Penitentiary Service of Russia and examines various approaches to studying it. Modern development of the penal system depends on the level of effectiveness of managerial activities of leaders at various levels. One of the key stages in developing the professional skills of future officer-managers is integrating components of their upcoming professional activities – in particular, managerial tasks – into the educational process. The development of managerial competence directly depends on psychological and pedagogical aspects of the learning process provided that cadets master the regulatory, legal, and value-semantic meanings: professional, humanistic, and ethnic. The coordinated and well-coordinated efforts of the management of departmental educational institutions, the teaching staff, and the course-level personnel contribute to the development of a professional and competent specialist in the penal system. The concept of “readiness for managerial activity among cadets of departmental universities” is explored, along with the stages of its development in the context of modern higher departmental education.

Keywords: managerial competence; institute of the Federal Penitentiary Service of Russia; professional activity; leadership personnel; penal system of the Russian Federation.

5.3.4. Pedagogical psychology, psychodiagnostics of digital educational environments.

5.3.9. Legal psychology and accident psychology.

For citation: Smirnova M.Yu., Smirnov D.O. Formation of Managerial Competence of Cadets at Departmental Institutions of the Federal Penitentiary Service of Russia. *All-Russian Research and Practice Journal of Studies in Social Sciences and Humanities*, 2026, no. 3 (22), pp. 69–76. doi 10.46741/sjjournal.2026.22.3.008.

Активно развивающееся пространство современного общества, возрастающая динамика включенности человека в коммуникативный процесс диктуют для будущих сотрудников уголовно-исполнительной системы (далее – УИС), обучающихся ведомственных вузов, необходимые условия, приоритетом которых выступает формирование управленческих навыков для компетентной реализации себя в профессиональной среде. Данный процесс находит свое отражение ввиду наличия ряда социально-психологических предпосылок, оказывающих свое влияние на формирование комплексного новообразования личности, способствующее успешной организационно-управленческой деятельности сотрудника УИС.

Учреждения пенитенциарной системы приводят в исполнение одну из важнейших государственных функций по исполнению уголовного наказания, что в свою очередь формирует достаточно высокие требования к нравственным, профессиональным и управленческим качествам сотрудников УИС. Приоритетное место в характеристике управленческой компетентности занимают устойчивость и решительность в ситуациях экстремального характера; стрессоустойчивость; энергичность и выносливость; способность к анализу и принятию решений; высокий уровень морально-нравственной составляющей.

При детальном изучении Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 г. нами были отмечены некоторые положения, касающиеся кадровой политики: в целях Концепции законодатель указывает на повышение эффективности функционирования уголовно-исполнительной системы, предусматривающее совершенствование организации ее деятельности, оптимизацию учреждений, обеспечение безопасности, развитие производства и формирование высокомотивированного и профессионального кадрового потенциала; для создания и развития системы пробации – совершенствование научно-методической базы в целях подготовки квалифицированных кадров; в совершенствовании условий несения службы (выполнения задач) законодатель отмечает необходимость в формировании стабильного высокопрофессионального кадрового состава уголовно-исполнительной системы. Следовательно, кадровая политика необходима в реформировании уголовно-исполнительной системы, а для более эффективного реформирования целесообразно начинать с управленческой компетентности курсантов образовательных организаций ФСИН России.

Федеральный государственный образовательный стандарт, представляющий собой совокупность требований, указывает на необходимость формирования у выпускников ведомственных вузов профессиональных компетенций в организационно-управленческой деятельности, а именно: способности к самоорганизации и самообразованию (ОК-7); способности к коммуникации в устной и письменной формах на русском и иностранном языках для решения задач межличностного и межкультурного взаимодействия (ОК-5); способности повышать уровень своей профессиональной компетентности (ОПК-6); способности осуществлять профессиональную деятельность на основе развитого правосознания, правового мышления и правовой культуры (ПК-2); готовности к выполнению должностных обязанностей по обеспечению законности и правопорядка, безопасности личности, общества, государства (ПК-8).

В отмеченных нами документах указаны задачи, направленные на овладение управленческими компетенциями курсантов ведомственных образовательных учреждений высшего профессионального образования ФСИН России, а также их использование на практике при решении представленных служебных задач в современных условиях функционирования уголовно-исполнительной системы.

Внимание исследователей направлено на концепцию формирования в период обучения у курсантов способности организовать эффективный процесс работы в служебном коллективе; анализировать результаты собственного труда и деятельность подчиненных сотрудников; принимать рациональные управленческие решения; исключать и предотвращать признаки коррупционной составляющей; осуществлять взаимодействие в рамках профессиональной деятельности, с представителями общественных организаций, трудовыми коллективами, средствами массовой информации, с сотрудниками иных правоохранительных органов.

В связи с этим управленческая компетентность, ее действенность, продуктивность и качество рассматриваются с точки зрения моральных, нравственных, психологических и общеобразовательных составляющих. А также «оцениваются по конечному результату, мерой овладения стандартами, общекультурными, профессиональными и специальными компетенциями» [1].

На современном этапе развития система учреждений, исполняющих уголовные наказания, ориентирована на создание и функционирование центров исправления осужденных, практическую реализацию пенитенциарной и постпенитенциарной probation, существенное внимание уделяется квалифицированному управлению учреждениями УИС и управленческой компетентности руководителей.

Выпускники ведомственных вузов, получившие профессиональное образование, считаются высококвалифицированным кадровым составом, способным к осуществлению профессиональной деятельности, в том числе и управленческой, поскольку в процессе обучения они овладевают профессионально значимыми компетенциями, включающими соответствующие навыки, а также узкопрофессиональные знания и умения, способствующими организации эффективной управленческой деятельности в рамках реализации уголовно-исполнительного законодательства.

Именно в условиях нацеленности на международные стандарты обращения с осужденными, подозреваемыми, обвиняемыми, направленности на гуманизацию системы исполнения наказаний, вопрос управления исправительными учреждениями ФСИН России остается одним из первостепенных в объекте внимания руководителей.

Современная уголовно-исполнительная система подразумевает выполнение служебных обязанностей с опорой на владение стратегиями управления, администрирования, умения распоряжаться, владеть и управлять. Как отмечал И. Кант в своих трудах, «в мире есть две сложные вещи – управлять и воспитывать», это не просто навыки, а определенный баланс между требовательностью и пониманием, порядком и непосредственностью.

К изучению управленческой компетентности применяются различные теоретические подходы, которые рассматривают содержательные стороны проблемы.

Представители системного подхода Б. Г. Ананьев, А. И. Крупнов, В. П. Кузьмин, Б. Ф. Ломов, В. А. Сластенин и другие рассматривают управленческую компетентность как один из компонентов профессиональной компетенции, которая состоит из теоретической и практической готовности, представленной знаниями и умениями.

Создатель мыследеятельностной идеологии Г. П. Щедровицкий в своей концепции анализа человеческой деятельности «осмысливал управление в рамках теории деятельности, центральной идеей которой является развитие (и воспроизводство деятельности); управление, в свою очередь, наряду с рефлексией, он понимал как один из механизмов развития» [2, с. 136].

В основе деятельностного подхода исследователи Л. Н. Берестова, В. И. Бондарь, В. В. Давыдов, А. Н. Леонтьев, Г. П. Щедровицкий, И. Ф. Исаев определяют управленческую компетентность как готовность к реализации управленческой деятельности, то есть ее формирование происходит только в деятельности, через преобразование собственного опыта. Наряду с этим готовность подразделяется на теоретическую (аналитические, прогностические, проективные, рефлексивные умения) и практическую (коммуникативные, организаторские, развивающие умения).

Деятели личностно ориентированного подхода Б. Г. Гершунский, Н. В. Кузьмина, Л. М. Митина, В. В. Серовиков и другие рассматривали управленческую компетентность как становление личностных качеств руководителя, относя к ним открытость к общению, способность самостоятельного выбора, умение рефлексировать, прогнозировать, умение принимать ответственность за свои решения, обладать эмпатией.

Вопросы формирования компетентности курсантов ведомственных вузов ФСИН России изучались А. В. Сорокиным, он описывал структуру профессиональной компетентности выпускников вузов исходя из видов деятельности: нормотворческой, правоприменительной, правоохранительной и экспертно-консультационной, дал характеристику уровней формирования профессиональной компетентности [3].

Автор исследования «Развитие управленческой компетенции государственных служащих» А. Г. Гаджиев определяет управленческую компетенцию как «способности руководителя выбирать способ влияния и оказывать его на объект управления с целью обеспечения требуемых результатов в условиях ограниченности ресурсов и с учетом возможных последствий» согласно четырем категориям, выражающим многообразные теоретические позиции и направленность управленческих навыков [4, с. 12].

Современные исследователи управленческой компетентности у курсантов военных вузов Л. В. Блинов и Р. А. Прокопенко рассматривают ее «как способность личности осуществлять субъект-субъектное взаимодействие, возможность принимать управленческие решения на основе знаний, умений, опыта, ценностных установок и эмоционально-волевых качеств, ориентированных на диалог позиций» [5, с. 456].

Наряду с вышесказанным в основе становления управленческой компетентности лежат качества личности (стратегические, аналитические, мотивационные, лидерские, организационные, адаптивные), профессиональные ценности (честь, достоинство, профессиональный долг, требовательность, исполнительность), профессиональные компетенции (анализ, системность, рефлексия), профессиональные навыки (ориентирование на цель, умение анализировать риски, навыки переговорной деятельности и медиации, принятие решений, ответственность, внимание к деталям, компьютерная грамотность).

Образовательная и воспитательная среда ведомственного вуза подразумевает тесное взаимодействие профессорско-преподавательского состава и офицеров курсового звена, направленное на формирование и становление молодого специалиста, офицера. Политика подготовки курсантов в институтах ФСИН России подразумевает процесс непосредственного влияния педагогических, воспитательных, психологических аспектов, направленных на формирование управленческой компетентности в процессе обучения.

Находящиеся в непосредственном контакте в рамках воспитательной деятельности курсовые офицеры вырабатывают устойчивые формы поведения, показывают пример речевого общения с подчиненными и коллегами. Оказывают помощь в формировании «зоны ближайшего развития»: задают наводящие вопросы, показывают образец действий, предоставляют информацию в виде памяток и схем, далее снижают свою помощь, постепенно передавая инициативу курсантам, при этом стимулируя рефлексию – помощь в осознании своих действий, способов взаимодействия и обсуждения допущенных ошибок. Актуальность поставленных перед курсантами служебных задач оказывает влияние на их мотивационную составляющую личности, связанную с решением управленческих задач. В организационной повседневной деятельности при выполнении курсантами практико-ориентированных задач, заданий, приказов, в которых могут содержаться алгоритмы, требующие самостоятельного творческого поиска кардинальных решений.

Взаимодействие профессорско-преподавательского состава с курсантами вуза заключается в предоставлении новой информации, ее внедрении и применении, а также в контроле подготовки в рамках образовательного процесса, и способов совершенствования образовательной деятельности, направленной на управленческое взаимоотношение. Те задачи и задания, которые преподавателями были разработаны ранее, необходимо подвергать модернизации, четко понимать, будет ли опыт решения задач, приобретенный курсантами в вузе, эффективно применен на практике в подразделениях, в которых им предстоит служить и работать [6, с. 177].

В процессе обучения применяются различные методы: решение групповых и индивидуальных кейсов, выполнение ситуационных упражнений (направленных на отработку навыков в условно-служебной среде), подготовка аналитических отчетов, проведение мозгового штурма (поиск оптимального решения в сложившейся ситуации), участие в деловых играх с элементами кризисного менеджмента, перевод научных статей в рамках осваиваемой профессии, комментирование научно-популярных публикаций, сопоставление из-

ложения материала в отечественных и зарубежных учебниках, а также разработка наглядных и мультимедийных материалов. Преобладающая часть этих методов ориентирована на интерактивное взаимодействие и активное вовлечение обучающихся. Как отмечали В. Я. Назмутдинов и И. Ф. Яруллин, управлять «не значит подавлять и навязывать процессу ход, противоречащий его природе, а, наоборот, максимально учитывать природу процесса, согласовывать каждое воздействие на процесс с его логикой» [7, с. 57].

Результатом, позволяющим переходить к следующему этапу подготовки, является демонстрация обучаемыми уверенных знаний механизмов реализации полисубъектного управленческого взаимодействия, а также компетенций, проявляемых в решении комплекса учебных кейсов [8, с. 223].

«Общегуманитарные дисциплины, такие как философия, социология, педагогика, психология и политология, играют ключевую роль в формировании управленческих компетенций у курсантов, развивая как универсальные, так и специфические навыки. После этого специальные дисциплины (например, тактика, техническая и тактико-специальная подготовка) служат для закрепления и отработки уже приобретенных общих управленческих умений» [9].

Организация учебного процесса в ведомственных вузах ориентирована на формирование у курсантов управленческих компетенций. Это достигается за счет гармоничного сочетания гуманитарных дисциплин, каждая из которых закладывает основы управления в соответствующей сфере, и специальных курсов, направленных на развитие практических навыков, необходимых для эффективного руководства.

Вследствие формирования указанных в ФГОСе компетенций курсант на первоначальном этапе изучает теорию, постепенно закрепляя ее на практических занятиях, при этом формируются осознанные действия, необходимые умения и навыки, управленческие способности.

Проходя учебную и производственную практики, курсанты ведомственного вуза отрабатывают управленческие навыки и умения в реальных условиях в роли должностных лиц, принимая управленческие решения. Применяя свои знания на практике, курсанты оценивают полноту полученных знаний, сильные и слабые стороны своего профессионального развития, необходимость восстановить упущенную в ходе обучения информацию.

Формирование управленческой компетентности как важного профессионального качества сотрудников УИС достигается в результате развития когнитивных процессов и практико-ориентированной подготовки курсантов в ведомственном вузе. Информационно-образовательная среда ведомственного учебного заведения, наделенная единством, интегрированностью, демократичностью, поликультурностью, повышает эффективность профессиональной подготовки молодых специалистов. Для повышения эффективности процесса необходимо осуществлять подбор диагностических методик, направленных на оценку уровня развития компетенций, разрабатывать методы их совершенствования с учетом особенностей ведомственного вуза, организовывать практические мероприятия, направленные на анализ результатов. Для диагностики управленческих навыков используются различные подходы, комбинирование которых позволяет увидеть степень их развития: *наблюдение* за курсантами в процессе обучения, в ходе практических занятий, плановых учений (фиксация взаимодействия «индивид-индивид», «индивид-группа», развитие навыков распределения ролей, реакция на возникающие трудности, осуществление контроля и т. д.); *психологическая диагностика* – проводится психологами учебного заведения, цель которых изучить индивидуальные особенности личности и дать рекомендации для дальнейшего развития (например, «Опросник потребности в достижении» выявляет устойчивую склонность выбирать задачи оптимальной сложности и настойчиво идти к цели [10, с. 3], «Способность к планированию деятельности», тесты на оценку лидерских качеств); *кейс-методы*, направленные на моделирование служебной ситуации (анализ обстановки,

выбор оптимального решения), где курсовые офицеры, профессорско-преподавательский состав выступают в качестве экспертов, оценивая работу по балльной шкале.

В процессе анализа представленных научных подходов к определению понятия «управленческая компетентность» и его содержательного наполнения мы конкретизировали его с учетом специфики получения ведомственного образования. Современная система ведомственного образования стоит перед необходимостью внедрения психолого-педагогических подходов, многие из которых дали бы возможность курсовому и профессорско-преподавательскому составу подвергнуть содержание используемых психолого-педагогических методов масштабным преобразованиям с целью формирования у будущих специалистов организационно-управленческой компетентности. В дальнейшем свое внимание мы хотим обратить на проведение диагностического исследования управленческой компетентности для конкретизации методов ее развития и становления.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Кундозерова Л. И., Чириков А. Г. Концептуальные подходы и практические основания исправления и воспитания подростков девиантного поведения // Вестник Кузбасского института. 2017. № 4 (33). С. 140–145.
2. Ломакина Н. Б. Основные идеи по философии управления в работах А. А. Богданова и Г. П. Щедровицкого // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2022. № 4 (36). С. 133–140.
3. Сорокин А. В. Формирование профессиональной компетентности слушателей вузов ФСИН России : автореф. дис. ... канд. пед. наук. Шуя, 2012. 22 с.
4. Гаджиев А. Г. Развитие управленческой компетенции государственных служащих : автореф. дис. ... канд. экон. наук. М., 2012. 22 с.
5. Прокопенко Р. А., Блинов Л. В. Комплекс теоретических и практических подходов к формированию управленческой компетентности личности в образовательном процессе военной образовательной организации // Современное педагогическое образование. 2025. № 9. С. 456–461.
6. Меркулов П. А. Контекстный подход в формировании организационно-управленческой компетентности курсантов военного вуза средствами управленческих задач по техническим дисциплинам // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2020. № 3 (55). С. 176–181.
7. Назмутдинов В. Я., Яриллин И. Ф. Управленческая деятельность и менеджмент в системе образования личности. Казань, 2013. 360 с.
8. Харланова Е. М., Порошин В. О. Содержательные аспекты подготовки курсантов к полисубъектному управленческому взаимодействию // Вестник Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета. 2020. № 2 (155). С. 213–231.
9. Леонтьев К. Л. Анализ практики формирования компетенций управленческой деятельности у курсантов военных вузов в современных условиях // Научные и образовательные проблемы гражданской защиты. М., 2012. № 2. С. 47–51.
10. Орлов Ю. М. Потребность в достижениях в учебной деятельности // Потребности и мотивы учебной деятельности. М., 1978. С. 3–19.

REFERENCES

1. Kundozerova L.I., Chirikov A.G. Conceptual approaches and practical foundations for the correction and upbringing of adolescents with deviant behavior. *Vestnik Kuzbasskogo instituta = Bulletin of the Kuzbass Institute*, 2017, no.4 (33), pp. 140–145.
2. Lomakina N.B. Main ideas on the philosophy of management in the works of A.A. Bogdanov and G.P. Shchedrovitsky. *Ekonomicheskie i sotsial'no-gumanitarnye issledovaniya = Economic and Socio-Humanitarian Research*, 2022, no. 4 (36), pp. 133–140. (In Russ.).
3. Sorokin A.V. *Formirovanie professional'noi kompetentnosti slushatelei vuzov FSIN Rossii: avtoref. dis. ... kand. ped. nauk* [Formation of professional competence among students of universities of the Federal Penitentiary Service of Russia: Candidate of Sciences (Pedagogy) dissertation abstract]. Shuya, 2012. 22 p.

4. Gadzhiev A.G. *Razvitie upravlencheskoi kompetentsii gosudarstvennykh sluzhashchikh: avtoref. dis. ... kand. ekonom. nauk* [Development of managerial competence of civil servants: Candidate of Sciences (Economics) dissertation abstract]. Moscow, 2012. 22 p.
5. Prokopenko R.A., Blinov L.V. A set of theoretical and practical approaches to developing the managerial competence of an individual in the educational process of a military educational organization. *Sovremennoe pedagogicheskoe obrazovanie = Modern Pedagogical Education*, 2025, no. 9, pp. 456–461. (In Russ.).
6. Merkulov P.A. A contextual approach to developing the organizational and managerial competence of cadets at a military university through management tasks in technical disciplines. *Uchenye zapiski. Elektronnyi nauchnyi zhurnal Kurskogo gosudarstvennogo universiteta = Scientific Notes. Electronic Scientific Journal of the Kursk State University*, 2020, no. 3 (55), pp. 176–181. (In Russ.).
7. Nazmutdinov V.Ya., Yarillin I.F. *Upravlencheskaya deyatel'nost' i menedzhment v sisteme obrazovaniya lichnosti* [Management activities and management in the personal education system]. Kazan, 2013. 360 p.
8. Kharlanova E.M., Poroshin V.O. Content aspects of cadets' preparation for multisubject management interaction. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo gumanitarno-pedagogicheskogo universiteta = Bulletin of the South Ural State Humanitarian-Pedagogical University*, 2020, no. 2 (155), pp. 213–231. (In Russ.).
9. Leont'ev K.L. Analysis of the practice of forming management competencies among cadets of military universities in modern conditions. In: *Nauchnye i obrazovatel'nye problemy grazhdanskoj zashchity* [Scientific and educational problems of civil protection]. Moscow, 2012. No. 2. Pp. 47–51. (In Russ.).
10. Orlov Yu.M. *The need for achievement in educational activities. Potrebnosti i motivy uchebnoi deyatel'nosti* [Needs and motives of educational activity]. Moscow, 1978. Pp. 3–19.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

МАРИЯ ЮРЬЕВНА СМИРНОВА – старший преподаватель кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Пермского института ФСИН России, Пермь, Россия, oik-6@yandex.ru

ДЕНИС ОЛЕГОВИЧ СМIRНОВ – кандидат психологических наук, доцент, декан факультета психологии Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета, Пермь, Россия, deva-nar@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

MARIYA Yu. SMIRNOVA – Senior Lecturer at the Department of Humanities and Socio-Economic Disciplines of the Perm Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Perm, Russia, oik-6@yandex.ru

DENIS O. SMIRNOV – Candidate of Sciences (Psychology), Associate Professor, Dean of the Faculty of Psychology of the Perm State Humanitarian and Pedagogical University, Perm, Russia, deva-nar@yandex.ru

Статья поступила 15.05.2026

Научная статья

УДК 159.99

doi 10.46741/sgjournal.2026.22.3.009

Об особенностях образа будущего курсантов ведомственных вузов в контексте их профессионального становления

ТАТЬЯНА АНАТОЛЬЕВНА БАСИНА

Вологодский институт права и экономики ФСИН России, Вологда, Россия, tat-basina25@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются особенности образа профессионального будущего курсантов ведомственного вуза. В ходе исследования установлено, что курсанты имеют достаточно позитивное представление о будущем. Основные цели опрошенные связывают с самореализацией, достижением собственных интересов в профессиональной, семейной или личной сфере с помощью таких качеств, как настойчивость, целеустремленность, отзывчивость. Понимание своей роли в реализации собственных устремлений отражает достаточную степень осмысленности жизни. Вместе с тем у курсантов отмечаются негативные представления о будущих клиентах – осужденных и работниках в целом. Полученные результаты могут быть использованы в психологическом сопровождении обучающихся для формирования у них положительного представления о людях, с которыми им предстоит взаимодействовать.

Ключевые слова: образ будущего; профессиональное становление; курсанты; ведомственный вуз; осмысленность жизни.

5.3.5. Социальная психология, политическая и экономическая психология.

Для цитирования: Басина Т. А. Об особенностях образа будущего курсантов ведомственных вузов в контексте их профессионального становления // Всероссийский научно-практический журнал социальных и гуманитарных исследований. 2026. № 3 (22). С. 77–84. doi 10.46741/sgjournal.2026.22.3.009.

Original article

On Characteristics of the Envisioned Future of Cadets of Departmental Institutions in the Context of Their Professional Development

TAT'YANA A. BASINA

Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia, Vologda, Russia, tat-basina25@yandex.ru

Abstract. The article examines features of the image of professional future of cadets of a departmental institution. The study establishes that cadets have a fairly positive view of the future. The main goals identified by the respondents are related to self-realization and achieving their own interests in the professional, family, or personal sphere through

such qualities as perseverance, determination, and responsiveness. The understanding of their role in realizing their own aspirations reflects a sufficient degree of life meaning. At the same time, cadets have negative perceptions of their future clients – convicts. The obtained results can be used in the psychological support of students to foster a positive perception of the people they will have to interact with.

Key words: image of the future; professional development; cadets; departmental university; meaning in life.

5.3.5. Social psychology, political and economic psychology.

For citation: Basina T.A. On characteristics of the envisioned future of cadets of departmental institutions in the context of their professional development. *All-Russian Research and Practice Journal of Studies in Social Sciences and Humanities*, 2026, no. 3 (22), pp. 77–84. doi 10.46741/sgjournal.2026.22.3.009.

Изучение образа профессионального будущего обучающихся имеет высокую значимость в современной психологической науке для формирования у них профессиональной мотивации, планирования карьерного роста, повышения уровня ответственности, развития критического мышления будущих специалистов. Образ будущего в контексте профессионального становления – это представление о будущей профессиональной деятельности, которое формируется в процессе освоения профессии и приобщения к ней. На его развитие влияют ценности и интересы личности, условия обучения, мотивация, личностные качества, связанные с умением ставить цели и оценивать возможности, и другие факторы. Однако быстрые изменения, происходящие в обществе, требуют постоянного пересмотра этого понятия и учета всех факторов, влияющих на его формирование.

В отечественной психологии понятие образа как феномена психического отражения относят к основным категориям психологии вместе с действием, мотивом, отношением и переживанием. Изучением образа будущего занимались такие ученые, как Б. С. Братусь, Е. А. Ипполитова, А. В. Кузнецов, Д. А. Леонтьев, Е. В. Шелобанова, И. А. Ральникова и др.

С позиции психологии феномен образа будущего рассматривала Т. Г. Бохан с коллегами. Они отмечают, что образ будущего трактуется как «результат внутренней проективной деятельности человека, в котором отражаются возможности, жизненные стремления, ценностные ориентации человека, перспективы его развития и самореализации» [1, с. 185].

Е. А. Ипполитова считает, что большое значение для выстраивания человеком образа своего будущего имеет специфика системы ценностных ориентаций, составляющих ядро жизненной перспективы [2].

Рассматривая образ будущего в контексте профессионального самоопределения, Д. А. Леонтьев отмечает, что «проектирование и конструирование возможных вариантов будущего базируется на сложных когнитивных процессах, которые требуют перспективного анализа множества факторов и условий, поливариативности выбора и последствий принятия решений» [3, с. 59].

Специальных исследований, посвященных собственно образу профессионального будущего, относительно немного. Так, изучены некоторые аспекты образа будущего у курсантов войск национальной гвардии, курсантов военных вузов, студентов-психологов. В работах А. В. Кузнецова и С. А. Голованя с соавторами отмечается, что к факторам, влияющим на формирование образа будущего у курсантов, можно отнести строгий нормированный график жизни во время обучения, внимание к дисциплине, четкость при выполнении приказов, жесткую субординацию, повышенную ответственность перед Родиной [4–6]. Курсанты-психологи не выступали в качестве выборки для изучения образа будущего, что определяет новизну исследования. В связи с этим целью исследования является изучении

особенностей образа профессионального будущего у курсантов – будущих психологов, обучающихся в ведомственном вузе ФСИН России.

Для изучения образа будущего курсантов было проведено исследование, в котором приняли участие 80 курсантов второго и третьего курсов факультета психологии и пробаии ВИПЭ ФСИН России. Для изучения образа будущего была использована методика Д. А. Леонтьева «СЖО» и методика «Незаконченные предложения» (авторский вариант).

Результаты ряда шкал методики «СЖО», которые характеризуют представления курсантов о будущем, представлены в табл. 1.

Таблица 1

Выраженность смысловых ориентаций у курсантов (%)

№	Уровень	Шкала			
		«Цели в жизни»	Локус контроля «жизнь», или управляемость жизни	Локус контроля «Я» (Я – хозяин жизни)	Общий показатель осмысленности жизни
1	Высокий	20	23	31	27
2	Средний	66	64	59	59
3	Низкий	14	13	10	14
Средние значения	2 курс	29,4	28,8	19,3	95,5
	3 курс	32,1	31	21,8	104

Как видно из таблицы, у опрошенных преобладает средний уровень сформированности смысловых ориентаций на цели жизни и управляемость жизни. Однако треть опрошенных обладают высоким уровнем сформированности локуса контроля «Я», что свидетельствует об их восприятии себя как сильных личностей, обладающих достаточной свободой выбора, способных построить свою жизнь в соответствии со своими целями. Пятая часть испытуемых имеет высокий уровень оценки управляемости жизни и осмысленности целей в жизни, то есть они убеждены, что могут контролировать свою жизнь, верят, что могут достичь своих целей, живут осмысленно, целенаправленно и имеют четкие цели.

Сравнение средних значений показывает, что выраженность смысловых ориентаций курсантов третьего курса выше, чем курсантов второго курса. Для установления статистически значимых различий в выраженности смысловых ориентаций у курсантов второго и третьего курсов был осуществлен расчет U-критерия Манна – Уитни, эмпирические значения которого представлены в табл. 2.

Таблица 2

Эмпирические значения критерия Манна – Уитни

№	Значение	Шкала			
		«Цели в жизни»	Локус контроля «жизнь», или «управляемость жизни»	Локус контроля «Я» (Я – хозяин жизни)	Общий показатель осмысленности жизни
	Уэмп.	466*	492**	424,5*	459,5*

Примечание: * – значимость при $p < 0,05$, ** – значимость при $p < 0,01$.

Данные, представленные в табл. 2, позволяют сделать вывод в наличии статистически значимых различий в оценке осмысленности жизни, наличии целей в жизни и управляемости ею у курсантов второго и третьего курса. У курсантов третьего курса данные показатели существенно выше. Следовательно, они обладают более высокими оценками осмыс-

ленности жизни, склонны принимать на себя ответственность за все происходящее, имеют более четкие представления о целях в жизни, чем курсанты младшего курса.

Для более детальной характеристики особенностей образа будущих курсантов в контексте их профессионального становления были проанализированы результаты методики «Незаконченные предложения». Испытуемым нужно было продолжить 14 предложений, касающихся образа будущих коллег и работников в целом, образа будущего начальника, эмоциональной оценки будущего, будущих целей и желаний, самооценки своих профессиональных качеств и способностей, принятия ответственности. Обработка осуществлялась по группе в целом.

Образ работников в целом изучался при ответах на вопрос «Большинство работников...». В ответах 78 % курсантов присутствовали негативные характеристики. Из них 47 % отметили, что большинство работников не хотят работать или ленятся, выполняя свою профессиональную деятельность вследствие выгорания. 15 % курсантов отметили, что работники плохо и непрофессионально работают, 11 % ответили, что работники работают ради зарплаты, 4 % сказали, что работники просто не любят работать. Кроме того, встречаются единичные ответы, что большинство работников пьют, злые, скучные, несчастные, хитрые, нервные, пессимисты, не имеют целей и планов на жизнь.

Лишь 22 % курсантов продемонстрировали позитивное или нейтральное представление о работниках. Это такие варианты, как хорошие специалисты, много работают, ответственные, любезные, нормальные и женщины.

Образ будущих коллег оценивался при ответах на несколько вопросов. Согласно ответам, образ идеального коллеги, с которым бы хотелось работать, включает людей (сотрудников, курсантов, детей, мужчин, женщин, друзей), животных или желание работать в одиночку. При этом 23 % опрошенных отметили, что хотели бы работать в адекватном, доброжелательном, дружном коллективе, где интересно. Половую принадлежность отметили 15 % курсантов, из них большая часть хотела бы работать с мужчинами (78 %). 7 % назвали друзей. По 3 % отметили курсантов или себя, то есть хотели бы работать в одиночестве.

Интересно, что 38 % опрошенных не дифференцировали образ идеального коллеги. Они ответили, что лучше всего работать с людьми или сотрудниками в целом. Часть опрошенных (7 %) в качестве того, с кем хотелось бы работать, назвали детей, 3 % – животных.

Изучение представлений о людях, с которыми предстоит работать, показало, что ответы разделились. Часть курсантов (73 %) высказали свое мнение о коллегах, а 27 % – о будущих клиентах-осужденных, так как опрошенные курсанты учатся на факультете психологии и пробации ведомственного вуза ФСИН России. Представления об осужденных в контексте оказания им психологической помощи, к сожалению, оказались по большей части отрицательными (69 % опрошенных). Так, были отмечены такие характеристики, как «заслуживают наказания», «не в себе», агрессивные, сложные, страшные, опасные. Остальные ответы можно квалифицировать как нейтральные, связанные с необходимостью выполнять профессиональный долг.

В образе будущих коллег, по оценкам курсантов, наоборот, преобладают положительные качества у большинства опрошенных (58 %). 29 % из них отметили, что главное в будущих коллегах – это доброта и понимание. 17 % назвали, что будущие коллеги – интересные люди в разных планах. Профессиональные качества и опыт отметили 14 %. Ожидание хорошего отношения как главное в будущих коллегах назвали также 14 %. Кроме того, встречались такие ответы, как «будущие коллеги – прекрасные люди», друзья, общительные и адекватные люди.

27 % опрошенных имеют нейтральный образ будущих коллег. Он, как правило, не дифференцирован. Так, 38 % ответили, что будущие коллеги им неизвестны, что может говорить о том, что представление о будущих коллегах еще не сформировалось. У 13 % опрошенных встречались ответы: сотрудники или «будут разные коллеги». Единично представлены ва-

рианты – не волнуют, нормальные, меняются каждый год, старше меня, должны меня уважать и достойные соперники.

В ответах 15 % курсантов отмечаются негативные качества будущих коллег: думают только о себе, не нравятся, завистливые, странные, неуверенные.

Будущий начальник наделяется курсантами по большей части положительными качествами, такими как понимание, справедливость, доброжелательность. Такой образ сформирован у 62 % опрошенных. Значимыми при этом являются чаще личностные качества начальника (честность, мудрость, коммуникативные навыки и др.), а не профессиональные. Из условно негативных качеств можно отметить строгость (15 %) и требовательность начальника (3 %). Не имеют пока представления о начальнике 13 %, они ответили, что будущий начальник им неизвестен.

Давая общую эмоциональную оценку будущего, 57 % курсантов оценили его в положительном свете. Оно получило такие оценки, как интересное (38 %), счастливое и светлое (24 %), благополучное (15 %), перспективное (9 %), хорошее (9 %), близкое и желанное (6 %). 37 % опрошенных имеют нейтральное представление о будущем. При этом встречались и противоположные характеристики: непонятное (59 %), понятное (23 %), далекое (5 %), не-далекое (5 %), каким я его сделаю (5 %), интересное, но страшное (3 %). Ответы 6 % курсантов можно отнести к негативным представлениям о будущем: сложное, абсурдное, скучное и неизвестное.

На вопрос о том, что же в будущем их пугает, курсанты ответили крайне разнообразно. Основной страх связан с боязнью не добиться своих целей, не реализовать себя в профессии или в семье, потерять все. Такие ответы встречались у 62 % опрошенных. При этом с профессиональной сферой напрямую свои страхи связывают лишь 17 % курсантов. 32 % связывают свои страхи с одиночеством или отсутствием семьи и любимого человека. Остальные из опрошенных курсантов боятся отсутствия самореализации, разочарования в жизни в целом, не конкретизируя сферу.

8 % опрошенных ответили, что боятся смерти своей или родителей, 3 % боятся попасть в тюрьму и столько же опрошенных назвали страх неудач. Единично представлены ответы, связанные с боязнью перемен, взросления, бедности. Встречались ответы, типа «ничего» или «всего».

Идеальный образ счастливого будущего пятой частью опрошенных связывается с окончанием института, выпуском из него, изменением условий службы (21 %). С изменением своих личностных качеств связывают счастье 14 % курсантов. Это развитие коммуникативных качеств, стрессоустойчивости, целеустремленности, открытости.

Желание иметь больше свободного времени озвучили 12 % опрошенных, также как и возможность для достижения планов. Материальное обеспечение отметили 11 % курсантов, любимых людей рядом – 9 %. Отсутствие ошибок как условие для достижения счастья назвали 7 %, здоровье – 5 %, отдых – 5 % и изменения окружающих – 4 %.

Отвечая на вопрос «Моим желанием в жизни....», опрошенные курсанты называли в качестве такового возможность самореализации, достижения своих целей и интересов без уточнения сферы (30 %). Это самый распространенный ответ опрошенных. По 22 % опрошенных назвали в качестве главного желания счастье и семью. 7 % респондентов связывают свои мечты с возможностью достижения материального благополучия. Только 6 % озвучили хорошую работу в качестве главного желания. По 4 % назвали здоровье и окончание института, еще 4 % не определились со своими желаниями.

Таким образом, будущее большинству курсантов кажется вполне радужным и светлым. Основные желания и мечты опрошенные связывают с возможностью самореализации, достижением своих целей в профессиональной, личностной или семейной сферах. При этом счастье связывается как с возможностью окончить институт и получить больше свободы, так и с развитием определенных личностных качеств у опрошенных.

Самооценка своих личностных качеств, полезных в профессиональной деятельности, показала, что на первом месте находится настойчивость и целеустремленность как профессионально важные качества опрошенных (21 %), ниже расположена отзывчивость (13 %), терпение и выносливость (11 %), коммуникабельность (11 %). Ответственность отметили у себя 8 % опрошенных, стрессоустойчивость и хорошие познавательные способности – 6 %, юмор и легкость – 4 %. По 4 % курсантов также назвали энергичность и активность, исполнительность и умение долго выполнять монотонную работу. Данные качества могут помочь курсантам в достижении хороших результатов в профессиональной деятельности.

В качестве желаемой должности чуть больше половины опрошенных (52 %) назвали руководство небольшим коллективом, 27 % – руководство крупным подразделением. Руководителями более высоких звеньев управления хотят быть лишь 18 % опрошенных. Подавляющее большинство курсантов (70 %) представляют, что достигнут данных должностей довольно скоро, в промежутке 25–35 лет.

Вопрос «Когда я буду опытным специалистом...» предполагал изучение представлений о далеких целях опрошенных. Ответы на данный вопрос включают в далекой перспективе желание помогать и обучать других, быть востребованным специалистом (38 %), повышение уверенности в себе (24 %), открытие собственной практики (18 %), дальнейшее саморазвитие (10 %). 7 % опрошенных связывают опытность с материальным благосостоянием, лишь 3 % хотели бы после этого сменить сферу деятельности.

На вопрос о том, от кого зависит будущее, подавляющее большинство опрошенных (93 %) ответили «от меня», что говорит о сформированной внутренней атрибуции ответственности, то есть опрошенные понимают, что в будущем все зависит от их действий и решений.

Таким образом, проведенное исследование показало, что опрошенные курсанты имеют средний уровень осмысленности жизни. Причем показатели осмысленности относительно восприятия будущих целей в жизни, ответственности за жизнь и себя, понимания способности управления собственной жизнью значительно выше у курсантов третьего курса.

В исследовании было установлено, что курсанты в целом имеют позитивное представление о будущем как о чем-то светлом, ожидаемом и интересном. Будущие коллеги воспринимаются добрыми, понимающими и опытными. В образе будущего начальника отмечаются такие главные личностные качества, как понимание, доброжелательность и справедливость. Возможно, термин «понимание» так часто употребляется курсантами в силу их профессионального развития в сфере психологии, ведь профессия психолог относится к числу понимающих профессий. По мнению курсантов, позитивные изменения произойдут у них после окончания института.

Основные цели опрошенные связывают с самореализацией, достижением собственных интересов в профессиональной, семейной или личной сферах с помощью таких качеств, как настойчивость, целеустремленность, отзывчивость. Понимание своей роли в реализации собственных устремлений отражает достаточную степень осмысленности жизни и позволяет нести ответственность за принимаемые решения и профессиональные достижения.

Вместе с тем у курсантов отмечаются негативные представления о будущих клиентах – осужденных и работниках в целом. У курсантов сложилось впечатление, что осужденные заслуживают наказания и их нужно опасаться, что не вполне соотносится с гуманистической парадигмой профессии психолога. Их представления о нежелании большинства людей работать, выгорании или лени также требуют внимания со стороны психологов.

Таким образом, к особенностям образа будущего курсантов ведомственных вузов в контексте их профессионального становления относится понимание перспектив своего будущего профессионального пути, которые позволяют за небольшой срок в 10–15 лет до-

стичь руководящей должности в системе исполнения наказаний. Данные перспективы более четко осознаются курсантами третьего курса.

Согласно результатам исследования, курсанты второго курса имеют более низкие показатели осмысленности жизни и требуют большего внимания со стороны психологов. С ними следует проводить работу по формированию целей в жизни, принятию на себя ответственности за происходящие изменения, пониманию способов управления собственной жизнью.

Кроме того, в исследовании была установлена необходимость коррекции представлений всех курсантов об осужденных и работниках. Возможно, представление о работниках сформировалось в результате взаимодействия с близкими гражданскими людьми, которым нужна помощь в устранении симптомов выгорания. Наличие негативных установок об осужденных может препятствовать профессиональной реализации будущих психологов, поэтому их выявление и коррекция очень важны. Психологическое сопровождение курсантов в этой связи может включать проведение тренинговых занятий по развитию эмпатии и сочувствия к другим людям, коррекции негативных установок об осужденных, преодолению собственных страхов и тревожности. Для коррекции негативных установок можно использовать упражнения рационально-эмоциональной поведенческой терапии. Кроме того, возможно дополнительное информирование курсантов о понятии, причинах и симптомах эмоционального выгорания и способах его коррекции.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Бохан Т. Г., Алексеева Л. Ф., Шабаловская М. В., Морева С. А. Структурно-содержательные характеристики образа профессионального будущего и их динамика на этапах профессионального образования у студентов медицинских специальностей // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2013. № 5. С. 182–188.
2. Ипполитова Е. А. Представления о жизненных перспективах одиноких женщин в период кризиса 30 лет // Известия Алтайского государственного университета. 2009. № 2 (62). <https://cyberleninka.ru/article/n/predstavleniya-o-zhiznennyh-perspektivah-odinokih-zhenschin-v-period-krizisa-30-let> (дата обращения: 27.02.2026).
3. Леонтьев Д. А., Шелобанова Е. В. Профессиональное самоопределение как построение образов будущего // Вопросы психологии. 2001. № 1. С. 57–65.
4. Кузнецов А. В. Психологические особенности формирования образа профессионального будущего курсантов-спортсменов войск национальной гвардии в процессе вузовской подготовки : автореф. дис. ... канд. психол. наук. Рязань, 2021. 25 с.
5. Кузнецов А. В., Утюганов А. А. Образ профессионального будущего курсантов вуза войск национальной гвардии Российской Федерации в зависимости от степени вовлеченности в спортивную деятельность // СибСкрипт. 2018. № 4 (76). С. 144–154. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obraz-professionalnogo-buduschego-kursantov-vuza-voysk-natsionalnoy-gvardii-rossiyskoy-federatsii-v-zavisimosti-ot-stepeni> (дата обращения: 05.03.2026).
6. Головань С. А., Ковтун В. Е., Закурдаев Г. Б. Особенности формирования образа будущего и профессиональных предпочтений у лиц с разной формой социальной изоляции // Живая психология. 2023. № 7 (47). С. 44–50.

REFERENCES

1. Bokhan T.G., Alekseeva L.F., Shabalovskaya M.V., Moreva S.A. Structural and content characteristics of the image of professional future and their dynamics at the stages of professional education among students of medical specialties. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* = *Bulletin of Tomsk State Pedagogical University*, 2013, no. 5, pp. 182–188. (In Russ.).
2. Ippolitova E.A. Perceptions of life prospects among single women during the 30-year crisis. *Izvestiya Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta* = *Proceedings of the Altai State University*, 2009, no. 2 (62), pp. 65–68. <https://cyberleninka.ru/article/n/predstavleniya-o-zhiznennyh-perspektivah-odinokih-zhenschin-v-period-krizisa-30-let> (In Russ.). (Accessed February 27, 2026).

3. Leont'ev D.A., Shelobanova E.V. Professional self-determination as the construction of images of the future. *Voprosy psikhologii = Issues of Psychology*, 2001, no. 1, pp. 57–65. (In Russ.).
4. Kuznetsov A.V. *Psikhologicheskie osobennosti formirovaniya obraza professional'nogo budushchego kursantov-sportsmenov voisk natsional'noi gvardii v protsesse vuzovskoi podgotovki: avtoref. dis. ... kand. psikh. nauk* [Psychological features of the formation of the image of the professional future of cadets-athletes of the National Guard troops in the process of university training: Candidate of Sciences (Psychology) dissertation abstract]. Ryazan, 2021. 25 p.
5. Kuznetsov A.V., Utyuganov A.A. Obraz professional'nogo budushchego kursantov vuza voisk natsional'noi gvardii Rossiiskoi Federatsii v zavisimosti ot stepeni vovlechnosti v sportivnuyu deyatel'nost'. *SibSkript*, 2018, no. 4 (76), pp. 144–154. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/obraz-professionalnogo-budushchego-kursantov-vuza-voysk-natsionalnoy-gvardii-rossiyskoy-federatsii-v-zavisimosti-ot-stepeni> (accessed March 5, 2026).
6. Golovan' S.A., Kovtun V.E., Zakurdaev G.B. Features of the formation of the image of the future and professional preferences among people with different forms of social isolation. *Zhivaya psikhologiya = Living Psychology*, 2023, no. 7 (47), pp. 44–50. (In Russ.).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

ТАТЬЯНА АНАТОЛЬЕВНА БАСИНА – кандидат психологических наук, доцент, старший преподаватель кафедры общей и педагогической психологии факультета психологии и probationии Вологодского института права и экономики ФСИН России, Вологда, Россия, tat-basina25@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

TAT'YANA A. BASINA – Candidate of Sciences (Psychology), Associate Professor, Senior Lecturer at the Department of General and Pedagogical Psychology of the Faculty of Psychology and Probation of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia, Vologda, Russia, tat-basina25@yandex.ru

Статья поступила 05.03.2026

Научная статья

УДК 159.9:316.6

doi 10.46741/sjournal.2026.22.3.010

Психологическая структура эффективности профессиональной деятельности судебных приставов с учетом стратегий совладающего поведения

ИРИНА АЛЕКСАНДРОВНА САЛМИНА

Казанский инновационный университет имени В. Г. Тимирязова (ИЭУП),
Казань, Россия, sia1405@mail.ru

Аннотация. Вопрос об эффективности деятельности судебных приставов традиционно рассматривается в юридическом и управленческом ключе: процент исполненных производств, сроки и суммы взысканий. Однако за этими количественными параметрами неизбежно стоит человеческий фактор, а профессиональная деятельность судебного пристава характеризуется высокой стрессогенностью, вариативностью и нестандартностью ситуаций в условиях дефицита времени. В статье обосновывается методологический подход, в котором эффективность рассматривается не только как результат, но и как психологическое состояние субъекта деятельности. Предлагается система, включающая объективные показатели результата и субъективные психологические предикторы, среди которых особое место занимают стратегии преодоления стресса.

Ключевые слова: показатели деятельности; эффективность деятельности; исполнительные производства; психологические особенности; психологические факторы.

5.3.5. Социальная психология, политическая и экономическая психология.

Для цитирования: Салмина И. А. Психологическая структура эффективности профессиональной деятельности судебных приставов с учетом стратегий совладающего поведения // Всероссийский научно-практический журнал социальных и гуманитарных исследований. 2026. № 3 (22). С. 85–90. doi 10.46741/sjournal.2026.22.3.010.

Original article

Psychological Structure of Bailiffs' Performance with regard to Coping Strategies

IRINA A. SALMINA

Kazan Innovative University named after V.G. Timiryasov, Kazan, Russia,
sia1405@mail.ru

Abstract. The effectiveness of bailiffs' activities is traditionally considered from a legal and managerial perspective: percentage of completed proceedings, timeframes, and amounts of recoveries. However, the human factor lies behind these quantitative parameters, and the professional activities of a bailiff are characterized by high levels of stress, variability, and non-standard situations in conditions of time pressure. The article

substantiates a methodological approach in which effectiveness is viewed not only as a result but also as a psychological state of the subject of activity. A system is proposed that includes objective indicators of the outcome and subjective psychological predictors, among which stress coping strategies occupy a special place.

Keywords: performance indicators; effectiveness; enforcement proceedings; psychological characteristics; psychological factors.

5.3.5. Social psychology, political and economic psychology.

For citation: Salmina I.A. Psychological structure of bailiffs' performance with regard to coping strategies. *All-Russian Research and Practice Journal of Studies in Social Sciences and Humanities*, 2026, no. 3 (22), pp. 85–90. doi 10.46741/sgjournal.2026.22.3.010.

Вопрос об эффективности деятельности судебных приставов традиционно рассматривается в юридическом и управленческом ключе: учитываются процент исполненных производств, сроки и суммы взысканий. Эти показатели количественные. Однако за ними неизбежно стоит человеческий фактор. Профессиональная деятельность судебного пристава характеризуется высокой стрессогенностью, вариативностью и нестандартностью ситуаций в условиях дефицита времени [1].

Целью исследования является обоснование интегративной модели оценки эффективности профессиональной деятельности судебных приставов, включающей, наряду с количественными показателями результативности, комплекс психологических детерминант: уровень когнитивного функционирования (в условиях дефицита времени), выраженность коммуникативных и организаторских склонностей [2]. В рамках поставленной цели решается задача дифференциации сотрудников с высокой и низкой профессиональной успешностью на основе сравнительного анализа данных психологического тестирования и объективных показателей деятельности.

В данной статье обосновывается методологический подход, согласно которому эффективность рассматривается не только как результат, но и как психологическое состояние субъекта деятельности [3].

Предлагается система, включающая объективные показатели результата и субъективные психологические предикторы, среди которых особое место занимают стратегии преодоления стресса. Система показателей эффективности строится на основании указанных ниже данных.

Анализ деятельности предполагает разделение критериев на три группы, что позволяет учитывать как внешний результат, так и внутренние ресурсы сотрудника.

Количественные показатели обычно фиксируют фактическую нагрузку и результативность:

- процент фактического исполнения требований исполнительных документов в установленный срок;
- соотношение окончанных и приостановленных производств;
- сумму денежных средств, взысканных и перечисленных взыскателям.

Перечисленные показатели важны для понимания качественных характеристик, которые труднее поддаются формализации, но критичны для оценки профессионализма.

К ним также относят:

- обоснованность применения мер принудительного исполнения;
- соблюдение процессуальных сроков и прав сторон;
- отсутствие обоснованных жалоб на действия сотрудника.

Однако для прогнозирования успеха и с целью профилактики профессиональной деформации необходим и третий блок – специальные психологические показатели. Именно

они определяют поведение в стрессовых ситуациях взаимодействия с должниками и взыскателями.

С целью проведения психологического исследования нами взята выборка из 50 сотрудников одного из территориальных управлений Федеральной службы судебных приставов, разделенных на две группы: успешные (высокий процент исполнения, низкое количество жалоб и т. д.), неуспешные (низкий процент исполнения, высокий показатель обжалования).

Для диагностики внутренних детерминант эффективности испытуемых нами предложен комплекс из трех методик.

Краткий отборочный тест (КОТ) используется для оценки актуального когнитивного статуса [2; 4], включая критически важные для деятельности пристава концентрацию внимания, последовательность мышления и умение быстро перерабатывать нормативный материал в режиме жесткого лимита времени. Решения принимаются быстрее. Результаты КОТ соотносятся с темпом вынесения процессуальных решений, а низкие значения чаще указывают на эмоциональное выгорание либо на падение работоспособности под действием чрезмерной нагрузки [2].

Методика КОС-1 «Коммуникативные и организаторские склонности» приобретает существенное значение в контексте деятельности судебного пристава, поскольку ее основу составляет интеракция с участниками процесса, часто носящая конфликтный характер [5]. Результативность в сфере коммуникативных склонностей коррелирует с адаптивностью при проведении переговоров, способностью минимизировать проявления враждебности и обеспечивать ясное изложение нормативно-правовых требований; организаторский аспект инструментария выступает предпосылкой для эффективного планирования полевых операций и взаимодействия с ведомствами смежной компетенции.

Методика «Стратегии преодоления стрессовых ситуаций» (SACS), разработанная С. Хобфоллом и адаптированная Н. Е. Водопьяновой совместно с Е. С. Старченковой, позволяет выявить 9 паттернов совладающего поведения: ассертивные действия, установление социального контакта, обращение за поддержкой, осторожные действия, импульсивные действия, избегание, манипулятивные действия, асоциальные действия и агрессивные действия [6; 7].

При сравнении с представителями других коммуникативных профессий у судебных приставов выявляется существенно более разнообразный арсенал стресс-преодолевающих стратегий [2]. Преобладающими в профессиональной практике оказываются установление социального контакта, обращение к поддержке окружающих и осторожность в действиях, при этом уровень профессионального риска характеризуется заметной выраженностью.

У наиболее успешных приставов достоверно выше уровень ассертивных и осторожных действий, вступления в социальный контакт, тогда как у низкоуспешных приставов выше уровень манипулятивных, асоциальных и агрессивных действий [1]. Для определения общей конструктивности стратегий рассчитывается индекс конструктивности (ИК) как отношение суммы просоциальных стратегий (ассертивные действия, вступление в социальный контакт, поиск социальной поддержки) к сумме деструктивных (избегание, асоциальные, агрессивные действия).

Методология интегральной оценки.

Валидность исследования достигается путем сопоставления данных трех методик с реальными показателями работы. Выдвигается гипотеза о наличии «зон психологического риска».

1. Как следует из проведенных исследований, показанных на рис. 1, сотрудники часто демонстрируют формальный подход: высокие показатели по КОТ, но низкие коммуникативные баллы и преобладание манипулятивных или агрессивных копинг-стратегий, игнорируя человеческий контекст, что ведет к жалобам [1].

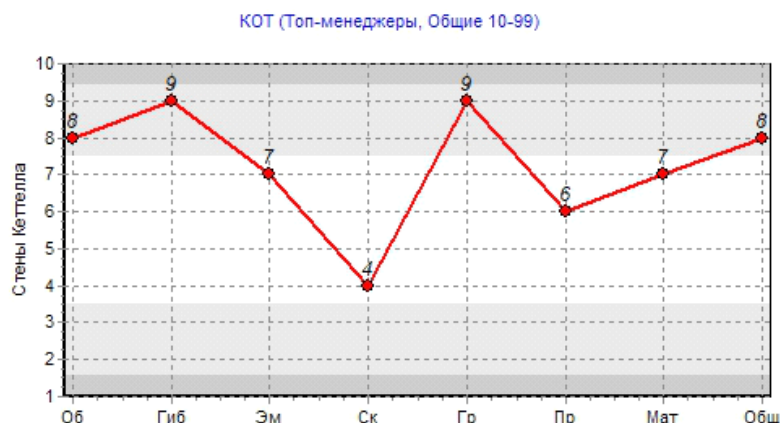

Рис. 1. Данные методологических исследований КОТ

2. Высокая выраженность коммуникативных качеств при более слабых когнитивных параметрах и пассивном преодолении стресса, в частности через избегание, может свидетельствовать о тяге к «уговариванию» вместо применения предусмотренных законом средств воздействия (рис. 2).

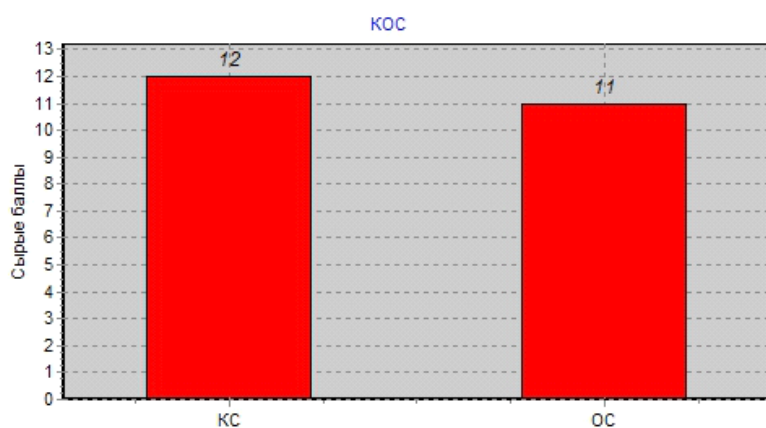

Рис. 2. Данные методологических исследований КОС

3. Как следует из данных, показанных на рис. 3, преобладание асоциальных и агрессивных копинг-стратегий является предиктором профессиональной деформации и снижения эффективности [1].

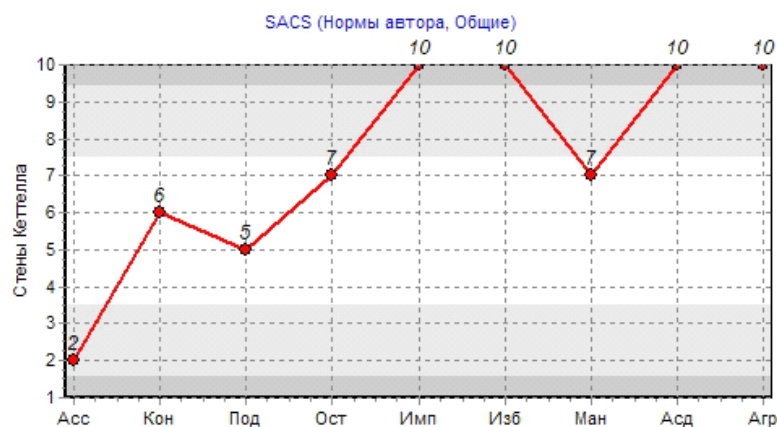

Рис. 3. Данные методологического исследования SACS

С целью анализа результатов, полученных в ходе проведенных исследований, применялись: сравнительный анализ (t-критерий Стьюдента), корреляционный анализ (матрица Пирсона), регрессионный анализ (множественная линейная регрессия), кластерный анализ (выявление «зон психологического риска»). На основе проведенных исследований установлено следующее.

1. Эффективность судебных приставов детерминирована не только когнитивными способностями, но и коммуникативными навыками, а главное – стратегиями совладания со стрессом.

2. Наиболее значимый предиктор успешности – индекс конструктивности (ИК) – отношение просоциальных копинг-стратегий к деструктивным. У успешных приставов ИК = 2,14, у неуспешных – 0,81 ($p < 0,001$).

3. Деструктивные стратегии (агрессия, манипуляции, асоциальность) имеют экстремально высокую отрицательную корреляцию с результатами работы (r от – 0,69 до – 0,74).

4. Регрессионная модель объясняет 73 % вариации эффективности, что подтверждает практическую значимость психологического отбора и психокоррекции.

5. Выявлены три психологических профиля, из которых два (формалисты и деформированные) требуют адресной психологической поддержки и обучения.

Таким образом, эффективность предлагается измерять не средним арифметическим, а вектором развития: приоритет отдается сотрудникам, у которых высокие когнитивные способности сочетаются с развитыми коммуникативными навыками и конструктивными стратегиями совладания со стрессом.

Отрицательные результаты по тестам и деструктивные копинг-стратегии рассматриваются не как приговор, а как зона для психокоррекции и дополнительного обучения [1; 4].

Предложенный подход позволяет перейти от констатации факта неисполнения к пониманию его психологических причин, делая управление профессиональной деятельностью судебных приставов более гибким и человекоцентричным.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Масленников Д. В. Профессиональный психологический отбор судебных приставов : дис. ... канд. психол. наук. Ростов н/Д., 2007. 163 с.
2. Бузин В. Н. Краткий ориентировочный тест // Психодиагностика персонала. М., 1992. С. 5–20.
3. Зейгарник Б. В. Патопсихология. М., 1976. 238 с.
4. Шмелев А. Г. Краткий тест отбора: компьютеризированная версия КОТ // Практическая психодиагностика. 2021. № 2. С. 34–41.
5. Синявский В. В., Федоришин Б. А. Методика «КОС-1» // Практикум по общей и экспериментальной психологии / под ред. А. А. Крылова. Л., 1987. С. 45–52.
6. Анастаси А. Психологическое тестирование : в 2 т. / под ред. К. М. Гуревича, В. И. Лубовского. М., 1982. Т. 1. 320 с.
7. Водопьянова Н. Е., Старченкова Е. С. Стратегии преодоления стрессовых ситуаций (SACS) // Практикум по психологии менеджмента и профессиональной деятельности / под ред. Г. С. Никифорова, М. А. Дмитриевой, В. М. Снеткова. СПб., 2009. С. 251–260.

REFERENCES

1. Maslennikov D.V. *Professional'nyi psikhologicheskii otbor sudebnykh pristavov: dis. ... kand. psikhol. nauk* [Professional psychological selection of bailiffs: Candidate of Sciences (Psychology) dissertation]. Rostov on Don, 2007. 163 p.
2. Buzin V.N. Brief orientation test. In: *Psikhodiagnostika personala* [Psychodiagnostics of personnel]. Moscow 1992. Pp. 5–20. (In Russ.).
3. Zeigarnik B.V. *Patopsikologiya* [Pathopsychology]. Moscow, 1976. 238 p.

4. Shmelev A.G. Short selection test: a computerized version of the KOT. *Prakticheskaya psikhodiagnostika = Practical Psychodiagnostics*, 2021, no. 2, pp. 34–41. (In Russ.).
5. Sinyavskii V.V., Fedorishin B.A. The “KOS-1” methodology. In: Krylov A.A. (Ed.). *Praktikum po obshchei i eksperimental'noi psikhologii* [Practicum on general and experimental psychology]. Leningrad, 1987. Pp. 45–52. (In Russ.).
6. Anastazi A. *Psikhologicheskoe testirovanie: v 2 t. T. 1* [Psychological testing: in 2 volumes]. Ed. by Gurevich K.M., Lubovskii V.I. Moscow, 1982. 320 p.
7. Vodop'yanova N.E., Starchenkova E.S. Strategic Approach to Coping Scale (SACS). In: Nikiforov G.S., Dmitrieva M.A., Snetkov V.M. *Praktikum po psikhologii menedzhmenta i professional'noi deyatel'nosti* [Educational aid on the psychology of management and professional activity]. Saint Petersburg, 2009. Pp. 251–260. (In Russ.).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

ИРИНА АЛЕКСАНДРОВНА САЛМИНА – магистрант 2 курса по специальности «Психология» Казанского инновационного университета имени В. Г. Тимирязова (ИЭУП), Вологда, sia1405@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

IRINA A. SALMINA – second-year master's student at the Kazan Innovative University named after V.G. Timiryasov, Kazan, Russia, sia1405@mail.ru

Статья поступила 28.07.2026

Научная статья

УДК 159.9

doi 10.46741/sgjournal.2026.22.3.011

Проблема осознания жизненного пути осужденными за преступления против жизни и здоровья

ЭЛЬВИРА ВИКТОРОВНА ЗАУТОВА

Вологодский институт права и экономики ФСИН России, Вологда,
Россия

Научно-исследовательский институт ФСИН России, Москва, Россия

elvira-song@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1334-2654>

Аннотация. Статья посвящена проблеме осознания осужденными своего жизненного пути с целью поиска эффективного воздействия на изменение их личности, возможности ориентироваться на долгосрочные планы построения своего будущего, развития стремления к жизни в законопослушном обществе после освобождения и недопустимости повтора преступлений. Рассматривается категория осужденных за преступления против жизни и здоровья, характеризующихся как умышленные и неосторожные общественно опасные деяния, которые причиняют смерть человеку или вред его здоровью либо создают угрозу причинения таких последствий.

Ключевые слова: места лишения свободы; осужденные; преступления против жизни и здоровья; жизненные планы; осознание жизненного пути; психокоррекционная работа.

5.3.9. Юридическая психология и психология безопасности.

Для цитирования: Заутова Э. В. Проблема осознания жизненного пути осужденными за преступления против жизни и здоровья // Всероссийский научно-практический журнал социальных и гуманитарных исследований. 2026. № 3 (22). С. 91–96. doi 10.46741/sgjournal.2026.22.3.011.

Original article

On the Issue of Convicts' Perception of Life Path: Case of Those Convicted of Crimes against Life and Health

EL'VIRA V. ZAUTUROVA

Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service
of Russia, Vologda, Russia

Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow,
Russia

elvira-song@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1334-2654>

Abstract. The article addresses the issue of convicts' awareness of their life path, aiming to identify effective ways to influence the transformation of their personality, enable them to build long-term plans for their future, foster a desire to live as law-abiding members of society after release, and prevent the recurrence of crimes. The category of convicts who have committed crimes against life and health is considered; these are characterized as intentional and negligent socially dangerous acts that cause death to a person or harm to their health, or create a threat of such consequences.

Key words: places of deprivation of liberty; convicts; crimes against life and health; life plans; awareness of one's life path; psychocorrectional work.

5.3.9. Legal psychology and accident psychology.

For citation: Zauturova E.V. On the issue of convicts' perception of life path: case of those convicted of crimes against life and health. *All-Russian Research and Practice Journal of Studies in Social Sciences and Humanities*, 2026, no. 3 (22), pp. 91–96. doi 10.46741/sgjournal.2026.22.3.011.

Способность человека к анализу, осмыслению жизненного опыта способствует осознанию им своего жизненного пути, представляющего собой сложный и многогранный психологический феномен, охватывающий процессы рефлексии, переоценки прошлого, понимания настоящего и стремления к будущему, а также взаимодействие человека с его внутренними мотивами и внешней реальностью [1; 2]. Особое значение данная проблема приобретает у лиц, находящихся в местах лишения свободы, так как осознание осужденным своего жизненного пути выступает инструментом самоанализа и переоценки личностных убеждений, способствует переориентации ценностей человека и формированию его позитивных установок [3; 4].

Исследование феномена осознания жизненного пути у осужденных является не только научно значимым, но и практически полезным для работы специалистов пенитенциарной системы с целью предотвращения рецидивов среди осужденных. В данной статье мы будем рассматривать категорию осужденных, которые отбывают наказание за преступления против жизни и здоровья. Данные преступления характеризуются как умышленные и неосторожные общественно опасные деяния, которые причиняют смерть человеку или вред его здоровью либо создают угрозу причинения таких последствий. В зависимости от особенностей они делятся на посягающие на жизнь человека (ст. 105, 110 УК РФ) и посягающие на здоровье (ст. 111 УК РФ).

Практика показывает, что осужденные за преступления против жизни и здоровья отбывают длительные сроки лишения свободы (более 10 лет), так как они относятся к категории особо тяжких и / или совершены при отягчающих и особо отягчающих обстоятельствах. В связи с этим у данной категории лиц ослабевают или теряются социально полезные связи, они редко задумываются о своем будущем, не имеют планов на жизнь после освобождения из исправительного учреждения, что в значительной степени снижает эффективность проведения с ними психокоррекционной и воспитательной работы [5].

В связи с этим целью нашего исследования стало выявление степени осознания жизненного пути осужденными за преступления против жизни и здоровья для их исправления и предотвращения рецидива.

Теоретико-методологической основой исследования явились труды отечественных психологов, раскрывающие проблемы жизненного пути личности. Так, Б. Г. Ананьев рассматривал жизненный путь как превращение индивида в индивидуальность, анализировал жизненный путь, выделяя периоды жизненного пути и т. д. [6]. Л. Ф. Бурлачук представил характеристику жизненных ситуаций и основные подходы к их анализу, рассмотрел некоторые распространенные ситуации, встречающиеся на жизненном пути человека [7],

Е. Ю. Коржова раскрыла вопросы психологии жизненного пути, его интеграции знаний о личности в контексте всей жизни человека с учетом жизненных ситуаций [8].

А. Н. Леонтьев в своих трудах исследовал роль жизненной цели, выделял этапы развития личности [9]. Н. А. Логинова внесла значительный вклад в изучение проблем жизненного пути личности. Ее работы связаны с методологией исследования жизненного пути, биографическим методом и его применением в психологии [10]. С. Л. Рубинштейн рассматривал жизненный путь как целостное явление, субъективную картину жизненного пути [11], труды Н. А. Рыбникова внесли значительный вклад в изучение проблем жизненного пути личности, особенно в контексте биографического метода исследования [12] и др.

В работах ученых-пенитенциаристов отражены вопросы, рассматривающие жизненные планы осужденных, лишенных свободы. Исследователи анализируют их структуру, динамику, связь с этапами отбывания наказания, а также влияние на поведение и ресоциализацию после освобождения (И. С. Ганишина [5; 13], Э. В. Зауторова [14], А. В. Наприс [15], С. В. Русаков [4; 13], С. Н. Сорокоумова [13] и др.).

В качестве методов исследования применялся метод опроса; на основе результатов, полученных в ходе анкетирования, нами проведен анализ осознания жизненного пути осужденных. Исследование осуществлялось в ФКУ Т ГУФСИН России по Челябинской области (строгий режим) в нем приняли участие 20 мужчин, впервые отбывающих наказание в виде лишения свободы, в возрасте от 22–47 лет, совершивших преступления против жизни и здоровья. Рассмотрим результаты опроса осужденных (табл. 1).

Таблица 1

Результаты опроса осужденных за преступления против жизни и здоровья (n = 20)

№	Вопрос анкеты	Осужденные за преступления против жизни и здоровья / кол-во чел.
1	Какой уровень образования вы имели на момент осуждения?	начальное – 5; среднее – 5; высшее – 3; не закончил учебу – 7
2	Как вы считаете, что способствовало вашему осуждению?	влияние окружения – 7; личные убеждения – 7; неправильные решения – 3; другое – 3
3	Как вы оцениваете уровень поддержки от семьи и друзей во время вашего заключения?	очень высокий – 5; высокий – 5; средний – 2; низкий – 8
4	Как вы относитесь к реабилитационным программам в местах лишения свободы?	положительно – 5; нейтрально – 10; отрицательно – 5
5	Признаете ли вы свою вину?	да – 10; частично – 7; нет – 3
6	Какие планы на жизнь вы имеете? (близкие, среднесрочные, дальние)	с близкими жизненными планами – 12; со средними жизненными планами – 6; с дальними жизненными планами – 2

Так, на вопрос «Какой уровень образования вы имели на момент осуждения?» получили такие результаты: большинство респондентов не закончили учебу либо имеют начальное и

среднее образование. Соответственно, существует прямая корреляция между отсутствием образования и наличием устойчивых деструктивных убеждений, также прослеживается прямая и опосредованная связь, что образование позитивно влияет не только на когнитивные, интеллектуальные способности, но и обеспечивает наращивание социального капитала личности. Однако такая связь имеет статистические погрешности и не является абсолютной закономерностью, поскольку в судебной практике есть достаточно случаев, когда осужденные за преступления против жизни и здоровья имели высшее образование и являлись выходцами из обеспеченных семей. Однако наличие хорошего образования оказывает позитивное влияние на человека.

В ответах респондентов на вопрос «Как вы считаете, что способствовало вашему осуждению?» прослеживается то, что осужденные имеют большую устойчивость личных убеждений в мотивационной структуре. Некоторые из них отрицают собственную виновность, систему традиционных для общества ценностей, норм морали и права, их действия имеют антиобщественный характер, а переоценка ценностей, их лояльность поддаются изменениям с малой долей вероятности.

Результаты ответов респондентов на вопрос «Как вы оцениваете уровень поддержки от семьи и друзей во время вашего заключения?» показали, что осужденные за преступления против жизни и здоровья имеют достаточно высокую поддержку со стороны семьи и друзей во время заключения, данные чувства носят созидательный характер и произрастают из чувств любви и дружбы.

В ответах респондентов на вопрос «Как вы относитесь к реабилитационным программам в местах лишения свободы?» прослеживается позиция – большинство осужденных относится нейтрально (50 %) к реабилитационным программам в местах лишения свободы, это лучше, чем полное отрицание собственного участия в предложенных психокоррекционных мероприятиях, что указывает на высокие шансы, связанные с пересмотром жизненных ориентиров в процессе их ресоциализации.

На вопрос о том, признают ли они свою вину, 50 % осужденных ответили утвердительно, что считается одним из критериев их исправления и положительно характеризует лиц данной группы.

На наш взгляд, важным представляется анализ жизненных планов осужденных как ключевой возможности понимания перспектив развития их дальнейшего жизненного пути. В первую очередь интерес для нас представляет дифференциация осужденных на категории «по наличию / отсутствию у них жизненных планов». Отметим, что у осужденных преобладают близкие жизненные планы, в меньшей степени выражены средние и дальние жизненные планы, то есть осужденных волнуют вопросы организации отбывания срока – распорядок дня, питание, встречи с родственниками. Речь идет об удовлетворении насущных потребностей, решении повседневных задач. Это свидетельствует о слабой мотивации и направленности на изменение существующего положения дел.

Вместе с тем осужденные данной группы выразили желание после освобождения остаться трудоустроенными в исправительном учреждении на производственной зоне. У ряда осужденных есть осознание того, что труд – единственная возможность для личного становления и жизненных перемен. Только благодаря труду, в том числе над собой, можно сменить привычную разрушительную траекторию развития жизненного пути.

Лишь у небольшой части осужденных имеются планы долгосрочного характера. Как правило, это осужденные, настроенные на построение семьи, карьеру, глубокую внутреннюю работу, которая позволит им кардинально изменить мировоззренческие и поведенческие паттерны, то есть они серьезно задумываются о возвращении в социум и имеют социально значимые планы.

Итак, необходимо констатировать, что большинство осужденных слабо видят свое будущее, у них отсутствуют как субъективные, так и объективные возможности для средних и

дальних планов, что связано как с отсутствием внутренней веры и опоры, так и с наличием объективных негативных обстоятельств. Исходя из наличия и содержания жизненных планов, можно составлять практические рекомендации и планировать работу с осужденными как в процессе отбывания наказания, так в рамках ресоциализации и адаптации после освобождения.

Таким образом, в ходе исследования были изучены особенности осознания жизненного пути осужденными мужчинами за преступления против жизни и здоровья. Тема является актуальной, и существует необходимость в совершенствовании методов работы с данной категорией лиц. Так, осужденные с четкими, реалистичными, адекватными и конструктивными жизненными планами легче поддаются реабилитационным программам и успешнее адаптируются к жизни в обществе после отбывания наказания [16]. В связи с этим ресурсы пенитенциарного учреждения должны быть сфокусированы на том, чтобы обеспечить процесс переосмысления осужденным своего жизненного пути, поддержать его стремление к переменам, осуществлять работу по рационализации построения позитивного будущего лишенного свободы и формированию нравственных ценностных ориентаций личности.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Абульханова-Славская К. А. Стратегия жизни. М., 1991. 299 с.
2. Ахмеров Р. А. Событие как элемент субъективной картины жизненного пути // Современные исследования социальных проблем. 2013. № 10 (30). С. 193–199.
3. Зауторова Э. В., Кевля Ф. И. Специфика психологической защиты у лиц, отбывающих наказание в местах лишения свободы за преступления против личности, и коррекционно-воспитательная работа с ними // Пенитенциарная наука. 2022. Т. 16, № 1 (57). С. 107–114.
4. Русаков С. В. К вопросу об изучении трансформации жизненных планов осужденных в местах лишения свободы // Перспективы развития науки и технологий : сб. материалов всерос. науч.-практ. конф. / под ред. Е. М. Русанова. Пермь, 2021. С. 322–325.
5. Ганишина И. С., Русаков С. В. Жизненные планы осужденных, отбывающих наказание в исправительной колонии общего режима // Пенитенциарная наука. 2022. Т. 16, № 2 (58). С. 213–219.
6. Ананьев Б. Г. Человек как предмет познания. СПб., 2001. 288 с.
7. Бурлачук Л. Ф., Коржова Е. Ю. Психология жизненных ситуаций: учеб. пособие. М., 2008. 263 с.
8. Коржова Е. Ю. Психологическое познание судьбы человека. СПб., 2012. 336 с.
9. Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. М., 2010. 304 с.
10. Логинова Н. А. Психобиографический метод исследования и коррекции личности : учеб. пособие. Алматы, 2014. 172 с.
11. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии : учеб. пособие. СПб., 2004. 705 с.
12. Рыбников Н. А. Биографии и их изучение. М., 2020. 48 с.
13. Сорокоумова С. Н., Русаков С. В., Ганишина И. С. О трансформации жизненных планов осужденных в местах лишения свободы // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2023. № 3 (99). С. 256–262.
14. Зауторова Э. В. Моделирование как метод формирования личного будущего осужденных женщин // Пенитенциарная наука. 2023. Т. 17, № 4 (64). С. 451–458.
15. Наприс А. В. Психологическая характеристика личностных жизненных планов и их влияние на поведение осужденных молодежного возраста: на материалах исправительных колоний строгого режима : дис. ... канд. психол. наук. Рязань, 1997. 220 с.
16. Недялкова Й. М. Индивидуальные особенности личности осужденного (результаты психологического исследования) // Пенитенциарная наука. 2021. Т. 15, № 2 (54). С. 321–327.

REFERENCES

1. Abul'khanova-Slavskaya K.A. *Strategiya zhizni* [Life strategy]. Moscow, 1991. 299 p.
2. Akhmerov R.A. Event as an element of the subjective picture of the life path. *Sovremennye issledovaniya sotsial'nykh problem = Modern Research on Social Problems*, 2013, no. 10 (30), pp. 193–199. (In Russ.).

3. Zautorova E.V., Kevlya F.I. Specifics of psychological defense of persons serving sentences in places of imprisonment for crimes against the person and correctional and educational work with them. *Penitentsiarnaya nauka = Penitentiary Science*, 2022, vol. 16, no. 1 (57), pp. 107–114. (In Russ.).
4. Rusakov S.V. On the issue of studying the transformation of life plans of convicts in places of deprivation of liberty. In: Rusanov E.M. *Perspektivy razvitiya nauki i tekhnologii: sb. materialov vseros. nauch. -prakt. konf.* [Prospects for the development of science and technology: collection of materials of the All-Russian scientific and practical conference]. Perm, 2021. Pp. 322–325. (In Russ.).
5. Ganishina I.S., Rusakov S.V. Life plans of convicts serving sentences in the general regime correctional facility. *Penitentsiarnaya nauka = Penitentiary Science*, 2022, vol. 16, no. 2 (58), pp. 213–219. (In Russ.).
6. Anan'ev B.G. *Chelovek kak predmet poznaniya* [Man as an object of knowledge]. Saint Petersburg, 2001. 288 p.
7. Burlachuk L.F., Korzhova E.Yu. *Psikhologiya zhiznennykh situatsii: ucheb. posobie* [Psychology of life situations: textbook]. Moscow, 2008. 263 p.
8. Korzhova E.Yu. *Psikhologicheskoe poznanie sud'by cheloveka* [Psychological understanding of a person's fate]. Saint Petersburg, 2012. 336 p.
9. Leont'ev A.N. *Deyatel'nost'. Soznanie. Lichnost'* [Activity. Conscience. Personality]. Moscow, 2010. 304 p.
10. Loginova N.A. *Psikhobiograficheskii metod issledovaniya i korrektsii lichnosti: ucheb. posobie* [Psychobiographical method of studying and correcting personality: study guide]. Almaty, 2014. 172 p.
11. Rubinshtein S.L. *Osnovy obshchei psikhologii: ucheb. posobie* [Fundamentals of general psychology: study guide]. Saint Petersburg, 2004. 705 p.
12. Rybnikov N.A. *Biografii i ikh izuchenie* [Biographies and their study]. Moscow, 2020. 48 p.
13. Sorokoumova S.N., Rusakov S.V., Ganishina I.S. On the transformation of life plans of convicts in places of deprivation of liberty. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii = Bulletin of the Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2023, no. 3 (99), pp. 256–262. (In Russ.).
14. Zautorova E.V. Modeling as a method of shaping a personal future of convicted women. *Penitentsiarnaya nauka = Penitentiary Science*, 2023, vol. 17, no. 4 (64), pp. 451–458. (In Russ.).
15. Napris A.V. *Psikhologicheskaya kharakteristika lichnostnykh zhiznennykh planov i ikh vliyanie na povedenie osuzhdennykh molodezhnogo vozrasta: na materialakh ispravitel'nykh kolonii strogogo rezhima: dis. ... kand. psikhol. nauk* [Psychological characteristics of personal life plans and their impact on the behavior of youth convicts: based on the materials of high-security penal colonies: Candidate of Sciences (Psychology) dissertation]. Ryazan, 1997. 220 p.
16. Nedyalkova I.M. Individual features of the convict's personality (results of a psychological research). *Penitentsiarnaya nauka = Penitentiary Science*, 2021, vol. 15, no. 2 (54), pp. 321–327. (In Russ.).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

ЭЛЬВИРА ВИКТОРОВНА ЗАУТОВА – доктор педагогических наук, профессор, член-корреспондент Международной академии наук педагогического образования, профессор кафедры юридической психологии и педагогики факультета психологии и probation Вologдского института права и экономики ФСИН России, Вологда, Россия, ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского института ФСИН России, Москва, Россия, elvira-song@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1334-2654>

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

EL'VIRA V. ZAUTUROVA – Doctor of Sciences (Pedagogy), Professor, Corresponding Member of the International Academy of Sciences of Pedagogical Education, professor at the Department of Legal Psychology and Pedagogy of the Faculty of Psychology and Probation of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia, Vologda, Russia, Leading Researcher at the Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russia, elvira-song@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1334-2654>

Статья поступила 06.04.2026

Научная статья

УДК 376:159.9

doi 10.46741/sgjournal.2026.22.3.012

Особенности воспитательной и психологической работы с осужденными, ранее отбывавшими наказание в виде лишения свободы и совершившими повторное преступление

ВИТАЛИЙ ЕВГЕНЬЕВИЧ ЛАПШИН

Гуманитарный институт Владимирского государственного университета имени А. Г. и Н. Г. Столетовых, Владимир, Россия, ve_lapshin@mail.ru

АННА ВАЛЕРЬЕВНА ГУДКОВА

Владимирский юридический институт ФСИН России, Владимир, Россия, 388153@gmail.com

Аннотация. В статье раскрываются ключевые задачи, стоящие перед сотрудниками уголовно-исполнительной системы в части реализации индивидуальных программ воспитательной и психокоррекционной работы в отношении осужденных-рецидивистов, обусловленные в том числе Федеральным законом от 06.02.2023 № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации». Раскрываются трудности, связанные с проведением воспитательной работы с данной категорией осужденных, особенности их личности, а также факторы, детерминирующие повторное совершение преступления. С помощью психодиагностирующих методик авторами статьи было проведено исследование на базе исправительного учреждения особого режима, в результате которого были выявлены типичные личностные особенности лиц, ранее отбывавших наказание в виде лишения свободы и совершивших повторное преступление. Сформулированы рекомендации для психологической службы, службы пробации и воспитательного отдела по повышению эффективности работы с данной категорией осужденных.

Ключевые слова: осужденные, воспитательная и психологическая работа, рецидив преступлений, личностные особенности, психологический портрет осужденного, пробация.

5.3.9. Юридическая психология и психология безопасности

Для цитирования: Лапшин В. Е., Гудкова А. В. Особенности воспитательной и психологической работы с осужденными, ранее отбывавшими наказание в виде лишения свободы и совершившими повторное преступление // Всероссийский научно-практический журнал социальных и гуманитарных исследований. 2026. № 3 (22). С. 97–104. doi 10.46741/sgjournal.2026.22.3.012.

Original article

Features of Educational and Psychological Support for Repeat Offenders with a Prior Prison Sentence

VITALII E. LAPSHIN

Vladimir State University named after Alexander and Nikolai Stoletovs,
Vladimir, Russia, ve_lapshin@mail.ru

ANNA V. GUDKOVA

Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Vladimir,
Russia, 388153@gmail.com

Abstract. The article outlines key tasks employees of the penal system address when implementing individual educational and psychocorrectional programs for repeat offenders, which are also determined in the federal law "On probation in the Russian Federation" No. 10-FZ of February 6, 2023. It reveals the difficulties associated with conducting educational work with this category of offenders, the characteristics of their personalities, as well as the factors that determine the recurrence of crime. Using psychodiagnostic methods, the authors of the article conducted a study at a special regime correctional facility. They identified typical personality traits of individuals who had previously served a sentence of imprisonment and committed a repeat crime. Recommendations are formulated for the psychological service, the probation service, and the educational department to improve the effectiveness of work with this category of convicts.

Keywords: convicts; educational and psychological work; recidivism; personality traits; psychological portrait of a convict; probation.

5.3.9. Legal psychology and accident psychology.

For citation: Lapshin V.E., Gudkova A.V. Features of educational and psychological support for repeat offenders with a prior prison sentence. *All-Russian Research and Practice Journal of Studies in Social Sciences and Humanities*, 2026, no. 3 (22), pp. 97–104. doi 10.46741/sjournal.2026.22.3.012.

Позитивные изменения, происходящие в последнее время в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации, связанные с гуманизацией наказания, общим сокращением преступности, все более частым назначением наказаний, не связанных с изоляцией от общества, омрачаются тем, что в исправительных учреждениях содержится большое число лиц, ранее отбывавших наказание в виде лишения свободы и совершивших повторное преступление. Как отмечают исследователи, удельный вес этих лиц среди осужденных к лишению свободы неуклонно растет, а рецидивная преступность уже несколько десятилетий остается серьезной проблемой национальной безопасности [1, с. 3]. Под рецидивом преступлений понимается совершение умышленного преступления лицом, имеющим судимость за ранее совершенное умышленное деяние [2]. Изучение литературы по обозначенной проблеме позволило прийти к выводу, что грамотная воспитательная и психологическая работа с такими осужденными должна носить комплексный характер и быть выстроена на основе глубокого изучения их личности [3]. Действующее законодательство, в частности Федеральный закон от 06.02.2023 № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации», формирует правовой запрос на качественную индивидуализацию профилактической работы. Именно углубленное психологическое изучение личности рецидивиста и выявление устойчивых особенностей, отличающих их от лиц, впервые совершивших преступление, позволяет перейти от общих мер к индивидуальным программам воспитательной ра-

боты и психологического воздействия. Такой подход соответствует логике современной уголовно-исполнительной политики, направленной на совершенствование системы профилактики рецидивной преступности и ресоциализации осужденных. Несмотря на сохраняющиеся трудности, сам факт институционализации пробации свидетельствует о признании государством того факта, что формально-юридических мер наказания недостаточно и необходим системный, психолого-педагогический подход к ресоциализации осужденных, совершивших повторное преступление.

В отечественных и зарубежных исследованиях выделяется комплекс взаимосвязанных личностных деформаций, к числу которых относятся ригидное антисоциальное мировоззрение, дефекты правосознания, высокий уровень враждебности и импульсивности, эмоциональная обедненность и устойчивый внешний локус контроля.

Реализация этих личностных особенностей в повторном преступлении происходит под влиянием системы детерминирующих факторов, которые подразделяются исследователями на внешние и внутренние: деструктивное влияние пенитенциарной среды (несправедливость при разрешении конфликтов, возникающих в среде лиц, отбывающих наказание, ущемления со стороны других осужденных); низкий образовательный уровень, примитивная система ценностей, наличие у большинства осужденных невротических отклонений, специфика жизненного опыта лиц, содержащихся в исправительных учреждениях, специфика психологических качеств личности [4, с. 146].

В рамках эмпирического исследования, проведенного на базе исправительной колонии особого режима, были выявлены и описаны специфические личностные особенности лиц, ранее отбывавших наказание в виде лишения свободы и совершивших повторное преступление.

Выборка формировалась целенаправленным методом и включала 30 человек мужского пола, соответствующих следующим критериям: наличие неснятой и непогашенной судимости за ранее совершенное умышленное преступление; осуждение за новое преступление, совершенное после отбытия предыдущего наказания; отсутствие установленных психиатрических диагнозов, препятствующих участию в психодиагностическом исследовании.

В выборке преобладали лица среднего возраста (31–40 лет) со средним и неполным средним образованием (63,3 %), имеющие вторую или третью судимость (76,7 %). Большая часть осуждена за тяжкие и средней тяжести преступления (86,7 %).

С помощью психодиагностирующих методик «16-факторный личностный опросник Р. Кеттелла», «Опросник уровня агрессивности А. Басса и А. Дарки» (в адаптации А. К. Осницкого), «Опросник для выявления акцентуаций характера» (по К. Леонгарду в модификации Н. Шмишека) были получены результаты, позволившие составить развернутый психологический портрет лиц, ранее отбывавших наказание в виде лишения свободы и совершивших повторное преступление.

Диагностика базовых личностных черт осужденных с помощью опросника Р. Кеттелла позволила сформировать характерный для выборки личностный профиль. В эмоционально-волевой сфере 86,7 % опрошенных продемонстрировали низкие значения по фактору эмоциональная устойчивость, что свидетельствует об их неспособности управлять своими эмоциями, склонности к раздражительности и переменчивости настроения. В сочетании с высокими показателями по фактору тревожность (у 86,7 % опрошенных) это свидетельствует о преобладании внутреннего дискомфорта, эмоциональной нестабильности и беспокойства. Низкие значения по фактору самоконтроль (76,7 %) указывают на слабую способность контролировать свое поведение, импульсивность и недисциплинированность.

В коммуникативной и нормативной сферах 83,3 % респондентов продемонстрировали высокие показатели по фактору подозрительность, что свидетельствует о настороженном отношении к окружающим. Эти данные коррелируют с низкими значениями по фактору

замкнутость (43,3 %), свидетельствующему о проявлении отчужденности и недоверии в общении. 90 % опрошенных продемонстрировали низкие значения по фактору нормативность, что говорит об их пренебрежительном отношении к социальным нормам и правилам.

В межличностном поведении 56,7 % респондентов показали повышенные значения по фактору доминантность, 50 % – по фактору смелость, что свидетельствует о стремлении к независимости, самоутверждению, склонности к риску, при этом они могут проявлять конфликтность из-за высокой подозрительности и низкого уровня самоконтроля.

Таким образом, психологический портрет осужденного, ранее отбывавшего наказание в виде лишения свободы и совершившего повторное преступление, сочетает в себе высокий уровень тревожности, эмоциональной напряженности и подозрительности, низкий уровень самоконтроля и открытое пренебрежение социальными нормами. Такое сочетание приводит к проявлениям форм агрессивного и социально дезадаптивного поведения.

Данные опросника Басса – Дарки подтверждают и углубляют выводы, полученные по методике Кеттелла. Индекс агрессивности превышает нормативные значения у 73,3 % опрошенных, а индекс враждебности у 86,7 %. Это свидетельствует о том, что для большинства осужденных характерен стойкий, системный характер агрессивных и враждебных тенденций, а не ситуативные вспышки. Враждебность является доминирующим компонентом, что означает, что агрессия для этих людей – не инструмент решения конкретной задачи, а устойчивое отношение к миру.

Наиболее высокие средние баллы зафиксированы по шкалам: вербальная агрессия (у 80 % выше нормы), раздражительность (у 83,3 % выше нормы), подозрительность (у 86,7 % выше нормы) и физическая агрессия (у 73,3 % выше нормы). Это указывает на готовность к прямому выражению агрессии (как словесной, так и физической), а также на высокий уровень эмоциональной готовности к агрессивным реакциям (раздражительность) и когнитивный компонент враждебности (подозрительность, недоверие).

Низкие показатели по шкале «Чувство вины» (у 90 % опрошенных показатели ниже среднего) свидетельствуют о том, что осужденные не склонны испытывать угрызения совести, раскаяние или самоосуждение за свои поступки. Они не чувствуют себя виноватыми перед жертвой, перед обществом, перед близкими. Это коррелирует с низкими значениями по фактору нормативность поведения по Кеттеллу и указывает на глубокую деформацию морально-этической сферы. Отсутствие чувства вины означает, что даже после совершения преступления человек не переживает внутреннего конфликта, не стремится к исправлению, легко оправдывает себя.

Таким образом, для осужденных, совершивших повторное преступление, характерен повышенный уровень агрессивности и враждебности, проявляющийся в готовности к прямым агрессивным действиям, высокой раздражительности и устойчивой подозрительности к окружающим, при одновременном отсутствии или крайней слабости чувства вины за содеянное. Такой профиль делает человека «постоянно готовым к нападению» и одновременно лишенным внутреннего тормоза в виде совести.

По результатам использования опросника Леонгарда – Шмишека можно сделать вывод о том, что в структуре характера обследованных осужденных отчетливо доминируют три типа акцентуаций:

1. Возбудимый тип (акцентуация у 93,3 %). Это ведущий тип для данной выборки. Характеризуется повышенной импульсивностью, ослабленным контролем над влечениями и побуждениями. Лица с возбудимой акцентуацией склонны к грубости, конфликтам, раздражительности, которая может перерасти в агрессию. Они нетерпимы, властолюбивы, требовательны к окружающим, но при этом сами с трудом подчиняются дисциплине. Данный тип напрямую связан с риском агрессивных, насильственных преступлений.

2. Застревающий тип (акцентуация у 86,7 %). Проявляется в чрезмерной стойкости аффекта, злопамятности, подозрительности, болезненной обидчивости. Лица этого типа

долго переживают случившееся, не склонны прощать обиды, видят мир как враждебный, а себя – как несправедливо обиженных. Это формирует устойчивую мотивацию к мести или восстановлению справедливости, что может толкать на повторные преступления даже спустя долгое время.

3. Демонстративный тип (акцентуация у 66,7 %). Характеризуется эгоцентризмом, стремлением к получению внимания к своей особе, склонностью к приукрашиванию, способностью к вытеснению неприятной для себя информации. Это качество позволяет демонстративным личностям легко оправдывать свои поступки, не чувствовать вины и быть уверенным в собственной правоте.

Психологический портрет осужденного, содержащий совокупность трех вышеобозначенных типов, представляет собой сложный для проведения воспитательных мероприятий тип личности, где агрессивность сочетается с обидой и подозрительностью и дополняется проявлениями демонстративного поведения.

Таким образом, можно констатировать наличие устойчивых связей между разными уровнями личностной деформации. Отсутствие эмоциональной устойчивости и слабый самоконтроль сочетаются с агрессивностью, раздражительностью, низкий уровень нормативности коррелирует с отсутствием чувства вины, что в своей совокупности указывает на системный характер морально-этической деформации у лиц, ранее отбывавших наказание в виде лишения свободы и совершивших повторное преступление. Сделанные выводы эмпирически обосновывают необходимость применения дифференцированного подхода к проведению воспитательной и психокоррекционной работы.

Таким образом, используя полученные данные можно составить обобщенный психологический портрет лица, ранее отбывавшего наказание в виде лишения свободы и совершившего повторное преступление: это эмоционально неустойчивое лицо, проявляющее повышенную раздражительность, переменчивость настроения, неспособность контролировать аффективные реакции; у него наблюдается высокий уровень тревожности и внутренней напряженности, что создает постоянный фон дискомфорта и готовности к «взрыву»; низкий уровень самоконтроля, импульсивность и склонность к агрессивным разрядам. Для такого лица характерно пренебрежение социальными нормами и правилами; общепринятые моральные ограничения не являются внутренними регуляторами поведения; чувство вины практически отсутствует или значительно сокращено. Это сочетается со способностью к самооправданию и вытеснению неприятных переживаний; мировосприятие строится на основе враждебности и подозрительности, окружающие воспринимаются как источник угрозы или несправедливости. Демонстративные черты личности обеспечивают психологическую защиту в виде самооправдания и позволяют сохранять позитивный образ «Я» даже при совершении асоциальных поступков. В общении преобладают конфликтность, доминантность, недоверие.

Выделенные специфические личностные особенности можно охарактеризовать как деструктивный личностный синдром, включающий аффективную неустойчивость, агрессивность, нормативно-ценностную деформацию и специфические акцентуации характера. Этот комплекс является устойчивым и играет, как правило, ключевую роль в механизме рецидивного преступного поведения.

Выявленные особенности позволяют сформулировать конкретные, адресные рекомендации, направленные на повышение эффективности воспитательной и психологической работы с осужденными, ранее отбывавшими наказание в виде лишения свободы и совершившими повторное преступление.

При поступлении осужденного в исправительное учреждение сотрудникам психологической службы рекомендуется проводить первичное углубленное психодиагностическое обследование с использованием комплекса методик (методики «16-факторный личностный опросник Р. Кеттелла», опросник Басса – Дарки, опросник Леонгарда – Шмишека для

выявления лиц с «профилем риска», описанным выше). Лица с сочетанием низкого самоконтроля, высокой подозрительности и возбудимой акцентуации подлежат постановке на профилактический учет как имеющие высокий риск агрессивных срывов. Результаты диагностики необходимо заносить в индивидуальную карту психологического сопровождения, где выделяются «мишени» коррекции (импульсивность, подозрительность, дефицит саморегуляции). Периодичность повторной диагностики – 1 раз в 3 месяца для оценки последующей динамики с учетом проводимой работы.

На основе диагностических данных рекомендуется разрабатывать индивидуальные программы, включающие три обязательных блока. Каждый блок реализуется в виде цикла занятий (8–12 встреч по 60 минут, 2 раза в неделю). В рамках Блока А «Развитие навыков саморегуляции и самоконтроля» рекомендуется проводить тренинги по управлению гневом, техники релаксации, когнитивно-поведенческие методики, обучающие распознаванию и контролю импульсивных состояний, в том числе обучать распознаванию телесных предвестников агрессии. В рамках Блока Б «Коррекция агрессивных тенденций» рекомендуется проводить тренинги по профилактике агрессивного поведения, направленные на обучение неконфликтным способам коммуникации (я-сообщения, техника «уверенного отказа»); ролевые игры, моделирующие конфликтные ситуации, с поиском ненасильственных решений; развивать эмпатию и применять техники отреагирования агрессии в социально приемлемых формах: физическая разрядка через спорт (нормативы в спортзале), вербализация эмоций (проговаривание чувств вместо действий). В рамках Блока В «Работа с ценностно-смысловой сферой и преодоление самооправдания» следует использовать методы рациональной психотерапии и дискуссионные группы: разбор реальных ситуаций из жизни осужденного с акцентом на последствия для жертвы и общества; применять упражнения на развитие рефлексии («что я мог сделать иначе», «какие у меня были альтернативы», «что я выбрал и почему»).

Для лиц с доминированием застревающих и возбудимых черт могут быть эффективны группы личностного роста с элементами арт-терапии и психодрамы, позволяющие в безопасной обстановке прорабатывать накопившиеся обиды и агрессию. В карантинном отделении рекомендуется внедрение модулей: для возбудимого типа – тренинги самоконтроля и управления гневом (когнитивно-поведенческие техники, обучение распознаванию предвестников агрессии, отработка навыков торможения импульсивных реакций); для застревающего типа – работа по преодолению обидчивости и подозрительности (техники переформулирования, развитие эмпатии, групповая дискуссия по прощению обид); для демонстративного типа – формирование навыков рефлексии и принятия ответственности (психодраматические техники, ведение дневника самонаблюдения, разбор реальных ситуаций с акцентом на собственный вклад в конфликт). Реализация указанных модулей позволит снизить уровень агрессивности и повысить эффективность мероприятий по ресоциализации.

Сотрудникам воспитательных отделов рекомендуется применять индивидуальный и дифференцированный подходы в воспитательной работе с учетом типа акцентуации. Данные психологической диагностики должны использоваться сотрудниками для построения индивидуальной работы с осужденными. При работе с возбудимым типом рецидивистов следует избегать резких, провоцирующих интонаций, необходимо говорить спокойно, ровным голосом; делать акцент на четких, однозначных требованиях (без двусмысленности); обеспечивать немедленное реагирование на нарушения (отсрочка наказания снижает его эффект); следует комбинировать дисциплинарные меры с обучением навыкам самоупокоения (предлагать простые техники: глубокое дыхание, счет до 10, выход из контакта). При работе с застревающими типами важно проявлять уважение, избегать ситуаций, которые могут быть восприняты как унижение или несправедливость; перед выговором или замечанием признавать его формальные заслуги или усилия (снижает защитную реакцию);

помогать переосмысливать прошлые обиды через вопросы: «Что вам это дало?», «Как эта обида помогает вам сейчас?»; переключать внимание на конструктивные цели (обсуждение планов на будущее, конкретных шагов). При работе с демонстративными типами необходимо апеллировать к их самолюбию («вы человек с опытом, вы можете быть примером»), но при этом жестко пресекать попытки манипуляции, не вступать в эмоциональные торги; поощрять реальные достижения, а не пустые обещания (фиксировать в дневнике наблюдений факты, а не намерения). Понимание типа акцентуации и уровня агрессивности позволит прогнозировать возможные реакции и выбирать адекватные методы воздействия.

Необходимо вовлекать лиц, ранее отбывавших наказание в виде лишения свободы и совершивших повторное преступление, в социально значимую деятельность. Лицам с доминированием возбудимых и демонстративных черт рекомендуется деятельность, позволяющая реализовать потребность в доминировании и признании в социально приемлемых формах (спорт, общественная работа, участие в самодеятельности, шефство над слабыми). Важно создавать ситуации успеха: давать небольшие поручения с заведомо достижимым результатом, затем повышать сложность.

Важное значение в работе с такими лицами имеет просоциальное окружение. Поэтому осужденных-рецидивистов следует включать в группы положительной направленности, минимизировать их контакты с носителями криминальной субкультуры. При комплектовании отрядов размещать осужденных, совершивших повторное преступление, с устойчивой отрицательной направленностью в разные жилые секции от лиц, впервые осужденных или имеющих положительную направленность.

В рамках правового воспитания рекомендуется еженедельно проводить часы правового просвещения с разбором последствий рецидива (ст. 18, 68 УК РФ, административный надзор), осуществлять работу с лидерами групп положительной направленности: поощрять их за вовлечение рецидивистов в коллективные мероприятия, давать им дополнительный авторитет (поручения, грамоты). Необходимо проводить индивидуальные беседы с рецидивистами, поддерживающими связи с криминальной субкультурой, в целях разъяснения выгоды от разрыва этих связей.

Для сотрудников службы пробации важным является обеспечение преемственности в организации и проведении работы с исследуемой категорией осужденных, что обеспечивается детальным изучением психологической характеристики-рекомендации, подготовленной психологом исправительного учреждения, где указываются выявленные риски (тип акцентуации, склонность к импульсивным срывам, уровень агрессивности и враждебности, наличие или отсутствие чувства вины, степень обидчивости); эффективные способы взаимодействия; рекомендуемые направления постпенитенциарного сопровождения, а также качественным составлением программы индивидуальной нуждаемости. Для лиц с высоким риском рецидива (возбудимая и / или застревающая акцентуация в сочетании с отсутствием чувства вины) программа пробации должна обязательно включать психологическую поддержку: консультирование по личным вопросам, в том числе по вопросам трудоустройства и быта, помощь в разрешении конфликтов, обучение навыкам работы со стрессом без агрессии, поддержание мотивации к правопослушному поведению, обучение навыкам коммуникации и жизнедеятельности в условиях свободы.

Сотрудники пробации могут проводить разъяснительную работу с семьей и потенциальными работодателями освобожденного, помогая им понять особенности его характера и создать поддерживающую, но требовательную среду, минимизирующую провоцирующие факторы (алкоголь, конфликты, унижение и др.).

Таким образом, рецидивная преступность является не толькоотягчающим обстоятельством, влекущим более строгое наказание и особые условия отбывания, но и правовым маркером, актуализирующим необходимость глубокой воспитательной и психологической работы с личностью осужденного в рамках пенитенциарного и постпенитенциарного

сопровождения. Совокупное действие трех групп факторов, обуславливающих рецидив преступлений и препятствующих ресоциализации осужденных, требует комплексного подхода.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Лебешев И. С. Личность рецидивиста, отбывающего наказание в местах лишения свободы : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2025. 31 с.
2. Фомин В. В. Рецидивная преступность и условия, ее порождающие // Человек: преступление и наказание. 2011. № 2. С. 74–76.
3. Киселева Р. Н. Организация психологической работы в местах лишения свободы по сокращению рецидива преступлений, совершенных лицами, отбывшими наказание // Уголовно-исполнительное право. 2015. № 4 (22). С. 98–104.
4. Баумштейн А. Б. К вопросу о пенитенциарной преступности в Российской Федерации: анализ особенностей совершения преступлений, детерминант и проблемных аспектов профилактики // Пенитенциарная наука. 2026. Т. 20, № 2 (74). С. 142–151.

REFERENCES

1. Lebeshev I.S. *Lichnost' retsidivista, otbyvayushchego nakazanie v mestakh lisheniya svobody: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [The identity of a repeat offender serving a sentence in places of deprivation of liberty: Candidate of Sciences (Law) dissertation abstract]. Moscow, 2025. 31 p.
2. Fomin V.V. Recidivism and the conditions that generate it. *Chelovek: prestuplenie i nakazanie = Man: Crime and Punishment*, 2011, no. 2, pp. 74–76. (In Russ.).
3. Kiseleva R.N. Organization of psychological work in places of deprivation of liberty to reduce the recidivism of crimes committed by persons who have served their sentence. *Ugolovno-ispolnitel'noe pravo = Penal Law*, 2015, no. 4 (22), pp. 98–104. (In Russ.).
4. Baumshtein A.B. On penitentiary crime in the Russian Federation: analyzing specifics of crime commission, determinants and problematic aspects of prevention. *Penitentsiarnaya nauka = Penitentiary Science*, 2026, vol. 20, no. 2 (74), pp. 142–151. (In Russ.).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

ВИТАЛИЙ ЕВГЕНЬЕВИЧ ЛАПШИН – доктор педагогических наук, доцент, профессор кафедры психологии личности и специальной педагогики Гуманитарного института Владимирского государственного университета имени А. Г. и Н. Г. Столетовых, Владимир, Россия, ve_lapshin@mail.ru

АННА ВАЛЕРЬЕВНА ГУДКОВА – кандидат исторических наук, доцент, начальник кафедры юридической психологии, педагогики и организации воспитательной работы с осужденными юридического факультета Владимирского юридического института ФСИН России, Владимир, Россия, 388153@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

VITALII E. LAPSHIN – Doctor of Sciences (Pedagogy), Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, professor at the Department of Personality Psychology and Special Pedagogy of the Vladimir State University named after Alexander and Nikolay Stoletovs, Vladimir, Russia, ve_lapshin@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6243-9532>

ANNA V. GUDKOVA – Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Head of the Department of Legal Psychology, Pedagogy, and Organization of Educational Work with Convicts of the Law Faculty of the Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Vladimir, Russia, 388153@gmail.com.

Статья поступила 07.07.2026

Научная статья

УДК 159.9:340

doi 10.46741/sjournal.2026.22.3.013

Проблемы понятийного аппарата метода полиграфа

ФЕЛИКС КОНСТАНТИНОВИЧ СВОБОДНЫЙ

Московская академия Следственного комитета Российской Федерации имени А. Я. Сухарева, Москва, Россия, sfk_felix@mail.ru

Аннотация. Описывается современная терминология исследований с применением полиграфа. Подвергаются критическому анализу отдельные основополагающие понятия этого метода: «полиграф», «полиграфолог», «полиграфология», «тест», «тестирование», «опрос», «проверка», «детекция лжи». Высказывается мнение о необходимости переосмысления понятийного аппарата исследований с применением полиграфа. Предлагается новое название этого метода: «экспериментально-психологическое исследование индивидуального опыта личности».

Ключевые слова: полиграф; полиграфолог; полиграфология; тест; тестирование; опрос; эксперимент; психология.

5.3.9. Юридическая психология и психология безопасности.

Для цитирования: Свободный Ф. К. Проблемы понятийного аппарата метода полиграфа // Всероссийский научно-практический журнал социальных и гуманитарных исследований. 2026. № 3 (22). С. 105–111. doi 10.46741/sjournal.2026.22.3.013.

Original article

On the Conceptual Framework of the Polygraph Method

FELIKS K. SVOBODNYI

Sukharev Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, Moscow, Russia, sfk_felix@mail.ru

Abstract. The modern terminology used in polygraph research is described. Certain fundamental concepts of this method, such as “polygraph,” “polygrapher,” “polygraphology,” “test,” “testing,” “interview,” “verification,” “lie detection”, are subjected to critical analysis. The opinion is expressed that it is necessary to rethink the conceptual framework of polygraph research. This method can be referred to as “the experimental-psychological study of personal experience.”

Key words: polygraph; polygraph examiner; polygraphology; test; testing; survey; experiment; psychology.

5.3.9. Legal psychology and accident psychology.

For citation: Svobodnyi F.K. On the conceptual framework of the polygraph method. *All-Russian Research and Practice Journal of Studies in Social Sciences and Humanities*, 2026, no. 3 (22), pp. 105–111. doi 10.46741/sjournal.2026.22.3.013.

Активное внедрение исследований с применением полиграфа в правовой и экономической сферах породило большое количество спорных вопросов. Главной проблемой полиграфа является отсутствие прочной теоретической базы этого метода, способной объяснить всю совокупность феноменов, наблюдающихся в ходе исследований с применением полиграфа на практике [1].

Последствием этой проблемы, а также того факта, что теорию и практику полиграфа развивают специалисты различных профессий с разнонаправленным образованием, является теоретико-методологический сумбур в понятийном аппарате данного метода. Описанию главных, по мнению автора, недостатков понятийного аппарата исследований с применением полиграфа и посвящена настоящая статья.

Проблемы терминологии исследований с применением полиграфа начинаются с многочисленных разнообразных названий данного метода.

Так сегодня в научной и методической литературе распространены, например, следующие названия исследований с применением полиграфа: «инструментальная детекция лжи», «полиграфная проверка», «тестирование на полиграфе», «опрос с использованием полиграфа» [2; 3] и т. д.

Употребление в названии «метода полиграфа» таких терминов, как «проверка», «тестирование», «опрос» и т. д., носит скорее бытовой, жаргонный характер, не предполагающий анализ смыслового содержания указанных терминов.

Очевидно, что исследование с применением полиграфа не является ни опросом, то есть методом сбора «информации об объективных и (или) субъективных фактах со слов опрашиваемого» [4]; ни проверкой, то есть процедурой установления соответствия чего-либо определенной норме (образцу, эталону); ни тестированием (о чем ниже), испытанием и т. д.

А названия, в которых встречается словосочетание «детекция лжи» (или подобные), однозначно должны выйти из употребления применительно к полиграфу как ненаучные и вредные, поскольку полиграф как прибор не обнаруживает (не детектирует) ложь как социально-психологический феномен общения, употребление таких обозначений вводит пользователей в заблуждение.

Представляется, что большинство обозначенных выше (а также многих других) широко распространенных названий метода полиграфа необходимо употреблять в кавычках, подчеркивая их относительный и обобщенный характер, поскольку они не отражают сущность проводимого исследования, коей является диагностика части индивидуального опыта человека, которая имеет отношение к расследуемому событию либо к фактам его биографии.

По мнению автора, название указанного метода необходимо формулировать, опираясь на область науки, к компетенциям которой относится и сущность изучаемых в ходе исследования с применением полиграфа феноменов, и используемая при этом методология.

Сегодня все чаще звучат мнения о том, что исследования с применением полиграфа относятся к компетенции такой науки, как психология [5]. При этом ученые и практики подчеркивают, что собственно исследование на полиграфе (когда с его помощью записываются физиологические реакции человека, возникающие в ответ на предъявление ему разнообразных стимулов) методологически является психологическим экспериментом [6; 7].

Исходя из вышесказанного, в качестве основы для формулирования названия метода полиграфа предлагается следующее словосочетание: «экспериментально-психологическое исследование индивидуального опыта личности (ЭПИИОЛ)». В зависимости от того, какой метод исследования опыта человека (или используемый для этого прибор) будет выделяться заинтересованными лицами в качестве основного, возможна конкретизация названия словосочетаниями: «с применением полиграфа», «при помощи айтрекера», «в ходе беседы», «на основе анализа поведения» и т. д.

Еще одной проблемой понятийного аппарата исследований с применением полиграфа является повсеместное, но не вполне адекватное использование таких понятий, как «тест» («полиграфный тест», «тест полиграфной проверки»), «вопросник», «опросник», «тестирование» [8; 9] и т. д.

Отметим, что понятие «тест» (от англ. test – проба, испытание, исследование) широко распространено в различных предметных областях жизнедеятельности современного общества. Это понятие используется в математике (тест Миллера – Рабина), в программировании (тест Тьюринга), в технической сфере (краш-тест), в медицине (тест на беременность); в социологии (фокус-тест), в педагогике (некоторые задания ЕГЭ), в психологии (тест чернильных пятен Роршаха) и т. д.

Максимально обобщенное, но остающиеся научным понимание термина «тест» приведено в Новейшем философском словаре, который определяет это понятие как «общенаучный эмпирический метод, состоящий в применении системы специально отобранных процедур (формализации, алгоритмизации, инструктирования, фиксации, измерения, анализа и интерпретации) для получения неявной информации об интересующих параметрах изучаемого объекта или явления и их профессиональной диагностики» [10].

В этом же источнике перечислены общие требования к тесту, делающие его научным методом: «1) стандартизация – единообразие всех процедур проведения теста, подсчета и интерпретации результатов; 2) нормировка – задания оценивающего стандарта для каждой процедуры; 3) надежность – стабильность оценок, получаемых при повторных испытаниях; 4) валидность ... – соответствие цели и результата тестирования» [10].

Значительное распространение термины «тест» и «тестирование» получили в психологии, где «метод психологического тестирования» воспринимается как «modus operandi («основной образ действия») психодиагностики с момента ее зарождения и по настоящее время» [11, с. 112].

В психологии тест понимается как «стандартизованная измерительная (курсив наш – Ф. С.) методика, направленная на выявление скрытого свойства интересующего объекта путем одного или нескольких кратких испытаний (заданий), обладающих максимальной информативностью» [12].

Именно в психологической диагностике были разработаны строгие требования к разработке тестов: стандартизация, нормирование, факторизация, определение надежности, валидизация и т. д.

Однако процедура использования в исследовании с применением полиграфа «стимульных рядов», называемых «полиграфологами» «тестами», не удовлетворяют ни одному из перечисленных выше общенаучных и конкретно научных (психологических) требований к тесту.

Относительно использования специалистами по полиграфу терминов «вопросник» и «опросник» отметим, что «опросниками называют такие психодиагностические инструменты, которые, в отличие от других тестов, направлены на субъективную оценку обследуемым самого себя или других людей» [11, с. 114]. К тому же в процессе исследования с применением полиграфа человеку предъявляются не только вербальные стимулы (слова и вопросы), но также и изображения, фотографии, предметы и т. д.

Из этих данных можно сделать вывод, что использование терминов «вопросник», «опросник» и словосочетаний с ними в «сфере полиграфа» представляется нелогичным.

Относительно распространенного в среде специалистов, занимающихся проблематикой полиграфа, понятия «тестирование» заметим, что с лексической точки зрения тестирование – это процедура применения, осуществления теста (тестов).

С позиций психологии (и ее раздела – психодиагностики) термин «психологическое тестирование» в общем виде обозначает процедуру установления и измерения индивидуально-психологических особенностей человека [11].

Соединяя вышесказанное с относительной адекватностью применения термина «тест» в сфере «полиграфных проверок», можно констатировать, что исследование с применением полиграфа не является тестированием.

С нашей точки зрения, термин «тест» (обязательно в кавычках) можно использовать в ситуации «исследования на полиграфе», понимая под ним обобщенное наименование отдельной совокупности серийных действий экспериментатора по изменению условий взаимодействия обследуемого со средой с целью актуализации определенных компонентов его опыта в ситуации исследования с применением полиграфа.

Отметим также спорные моменты в формулировке и использовании таких терминов, как «полиграфолог» и «полиграфология», а также образованных от них слов: «полиграфологический», «полиграфный» и т. д.

Понятие «полиграфолог» без кавычек активно используется в науке и практике производства исследований с применением полиграфа. Так, например, поиск на платформе научных публикаций elibrary.ru по ключевому слову «полиграфолог» отображает более 100 работ, где это слово употребляется в названии, аннотации или тексте.

Понятие «полиграфолог» также содержится в ряде ведомственных инструкций по применению полиграфа и часто употребляется в профессиональном сленге, обозначая специалиста по проведению исследований с применением полиграфа.

Однако в Общероссийском классификаторе профессий рабочих, должностей служащих и тарифных разрядов (ОКПДТР) такая профессия и должность, как «полиграфолог», отсутствует [13]. Нет должности «полиграфолог» и в Квалификационном справочнике должностей руководителей, специалистов и других служащих, утвержденном Министерством труда Российской Федерации [14]. Иными словами, термин «полиграфолог» не имеет официального признания.

Вызывает сомнение и лингвистическая обоснованность термина «полиграфолог». В русском языке окончание (суффикс) «-лог» указывает на профессию, специальность или область знаний, связанную с изучением чего-либо. Так, Словарь современного русского литературного языка определяет суффикс «-лог» как вторую часть «сложных существительных, обозначающих: а) лицо, занимающееся наукой, указанной в первой части сложения; напр.: биолог, геолог, физиолог и т. п.» [15]. О том, что отдельной науки, «изучающей полиграф», не существует, речь пойдет дальше.

Резюмируя этот вопрос, мы предлагаем использовать термин «полиграфолог» в кавычках как любое, принятое профессиональным сообществом сленговое слово в научных текстах. Считаем, что вместо термина «полиграфолог» для обозначения специалиста, проводящего исследования с применением полиграфа, адекватнее использовать термин «психолог».

Термин «полиграфология» хоть семантически и подразумевает обозначение науки, «изучающей полиграф», судя по определениям специалистов в «области полиграфа», на это не претендует. Зато претендует на место самостоятельной науки как определенной системы знаний.

Так, Я. В. Комиссарова определяет этот термин следующим образом: «полиграфология – это система знаний о научно-методических основах, технических, организационных и правовых условиях проведения психофизиологического исследования с применением полиграфа в целях диагностики информационного состояния субъекта в рамках судопроизводства, оперативно-разыскной, трудовой и служебной деятельности» [16, с. 82].

Белорусский специалист В. А. Николаенко полагает, что «полиграфология» является междисциплинарной областью научных знаний, «которая изучает теорию и практику проведения специальных психофизиологических исследований (тестирований) с использованием полиграфа для оценки достоверности сообщаемой человеком информации и выявления у него скрываемой» [17].

Объединив «свой многолетний личный опыт работы в области полиграфологии с соответствующей научной литературой и результатами эмпирических исследований», практическое пособие по «полиграфологии» подготовил и специалист-«полиграфолог» из Липецка Г. А. Александрук [18].

Примечательно, что пока одни специалисты обосновывают «полиграфологию» как науку, другие – относят ее к паранаучной сфере [19] и объявляют лженаукой [20].

Со своей стороны заметим, что в России сейчас нет (и автор надеется, что никогда в будущем и не появится) наук, которые, во-первых, обозначаются на основе небесспорного названия одного технического устройства, а во вторых, занимаются только различными вопросами применения этого устройства на практике.

Приведенные выше результаты проделанной аналитической работы позволяют нам сформулировать ряд выводов и предложений.

Современная терминология, используемая авторами в проблемном поле применения полиграфа, изобилует жаргонизмами, бытовизмами, неадекватным использованием устоявшихся научных терминов и остро нуждается в терминологической чистке.

Такие понятия, как «проверка», «тестирование», «опрос», «тест», «полиграфный тест», «опросник», «вопросник», «полиграфолог», «полиграфология» и т. д., следует (как максимум) исключить из научной терминологии, применяемой к полиграфу, или (как минимум) употреблять в кавычках.

Исследование с применением полиграфа является психологическим экспериментом, направленным на диагностику индивидуального опыта человека, поэтому понятийный аппарат этого метода должен формироваться с учетом современных требований психологии, психофизиологии и психологической диагностики.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Свободный Ф. К. Основные недостатки зарубежных «теорий полиграфа» // Всероссийский научно-практический журнал социальных и гуманитарных исследований. 2025. № 4 (19). С. 84–88.
2. Исайчев Е. С., Исайчев С. А. Методологические аспекты инструментальной «детекции лжи» // Мир психологии. 2016. Т. 4. № 88. С. 202–214.
3. Холодный Ю. И. Опрос с использованием полиграфа и компетенция полиграфолога // Вестник Академии экономической безопасности МВД России. 2009. № 8. С. 58–64.
4. Большой энциклопедический словарь / гл. ред. А. М. Прохоров. 2-е изд., перераб. и доп. М. ; СПб., 2004. 1452 с.
5. Наумов С. И. Перспективы использования полиграфа психологами МВД // Интеграция наук. 2018. № 5 (20). С. 63–65.
6. Свободный Б. Ф. Эксперимент с полиграфом как метод исследования социальных установок // Молодежь – Барнаулу : материалы XXI город. науч.-практ. конф. молодых ученых. Барнаул, 2020. С. 625–626.
7. Учаев А. В., Александров Ю. И. Проверка на полиграфе как эксперимент: рассмотрение с позиций парадигмы «активности» // Психология – наука будущего : материалы X Междунар. конф. молодых ученых. М., 2023. С. 534–537.
8. Вагина Е. В. Психологические особенности построения полиграфных тестов // Вестник по педагогике и психологии Южной Сибири. 2017. № 1. С. 110–122.
9. Патент № 2669733 С1 Российская Федерация, МПК А61В 5/16. Способ психофизиологического тестирования на полиграфе: № 2017115445: заявл. 03.05.2017: опубл. 15.10.2018 / В. В. Соколов; заявитель Общество с ограниченной ответственностью «Специализированное агентство информации и безопасности».
10. Новейший философский словарь / гл. науч. ред. и сост. Грицанов А. А. Минск, 1999. 877 с.
11. Бурлачук, Л. Ф. Психодиагностика : учеб. для вузов. СПб., 2006. 351 с.
12. Краткий психологический словарь / ред.-сост. Л. А. Карпенко. Ростов-н/Д, 1998. 512 с.
13. Общероссийский классификатор профессий рабочих, должностей служащих и тарифных разрядов (ОКПДТР) // Единая система нормативной справочной информации. URL: <https://esnsi.gosuslugi.ru/classifiers/16259/> (дата обращения: 03.04.2026).

14. Квалификационный справочник должностей руководителей, специалистов и других служащих (утв. Постановлением Минтруда России от 21.08.1998 № 37, ред. от 27.03.2018). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_58964/795400385fb7a4c0142586efad8ee1d91228614e/ (дата обращения: 03.04.2026).
15. Словарь современного русского литературного языка / [глав. редакция: чл.-кор. АН СССР В. И. Чернышев (глав. ред.), акад. С. П. Обнорский и др.] ; М. ; Л., 1957. Т. 6 : Л – М. Т. 6. VII с., 1460 стб.
16. Комиссарова Я. В. Основы полиграфологии : учеб. для магистров. М., 2018. 192 с.
17. Николаенко В. А. Полиграфология как междотраслевая область психологической науки // Вестник Академии МВД Республики Беларусь. 2021. № 1 (41). С. 211–217.
18. Александрук Г. А. Полиграфология. Техника с вопросами сравнения : практ. пособие для специалистов. М., 2025. 96 с.
19. Менделевич В. Д. Полиграфология, профайлинг, айтрекинг и другие паранаучные методы психиатрической диагностики // Неврологический вестник. 2020. Т. 52, № 3. С. 5–8.
20. Saxe L., Dougherty D., Cross T. P. Scientific Validity of Polygraph Testing: A Research Review and Evaluation: A Technical Memorandum. Washington, 1983. 138 p.

REFERENCES

1. Svobodnyi F.K. Key disadvantages of foreign polygraph theories. *Vserossiiskii nauchno-prakticheskii zhurnal sotsial'nykh i gumanitarnykh issledovaniy* = *All-Russian Research and Practice Journal of Studies in Social Sciences and Humanities*, 2025, no. 4 (19), pp. 84–88. (In Russ.).
2. Isaichev E.S., Isaichev S.A. Methodological aspects of instrumental “lie detection”. *Mir psikhologii* = *World of Psychology*, 2016, vol. 4, no. 88, pp. 202–214. (In Russ.).
3. Kholodnyi Yu.I. Polygraph interrogation and the competence of a polygraph examiner. *Vestnik Akademii ekonomicheskoi bezopasnosti MVD Rossii* = *Bulletin of the Academy of Economic Security of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2009, no. 8, pp. 58–64. (In Russ.).
4. *Bol'shoi ehntsiklopedicheskii slovar'* [Great Encyclopedic Dictionary]. Ed. by Prokhorov A.M. Moscow; Saint Petersburg, 2004. 1,452 p.
5. Naumov S.I. Prospects for the Use of the Polygraph by Psychologists of the Ministry of Internal Affairs. *Integratsiya nauk* = *Integration of Sciences*, 2018, no. 5 (20), pp. 63–65. (In Russ.).
6. Svobodnyi B.F. Experiment with the polygraph as a method for studying social attitudes. In: *Molodezh' – Barnaulu: materialy XXI gorod. nauch.-prakt. konf. molodykh uchenykh* [The Youth to Barnaul: Materials of the 21st City. Scientific and Practical Conference of Young Scientists]. Barnaul, 2020. Pp. 625–626. (In Russ.).
7. Uchaev A.V., Aleksandrov Yu.I. Polygraph testing as an experiment: a consideration from the perspective of the “activity” paradigm. In: *Psikhologiya – nauka budushchego: materialy X Mezhdunar. konf. molodykh uchenykh* [Psychology – the science of the future: materials of the X International Conference of Young Scientists]. Moscow, 2023. Pp. 534–537. (In Russ.).
8. Vagina E.V. Psychological features of constructing polygraph tests. *Vestnik po pedagogike i psikhologii Yuzhnoi Sibiri* = *Bulletin of Pedagogy and Psychology of Southern Siberia*, 2017, no. 1, pp. 110–122. (In Russ.).
9. Patent No. 2669733 C1 Rossiiskaya Federatsiya, MPKA 61B 5/16. *Sposob psikhofiziologicheskogo testirovaniya na poligrafe*: No. 2017115445: *zayavl. 03.05.2017: opubl. 15.10.2018* [Patent No. 2669733 C1 Russian Federation, IPC A61B 5/16. Method of psychophysiological polygraph testing: No. 2017115445: application of March 5, 2017: published on October 15, 2018].
10. *Noveishii filosofskii slovar'* [The newest philosophical dictionary]. Minsk, 1999. 877 p.
11. Burlachuk L.F. *Psikhodiagnostika: uchebnyk dlya vuzov* [Psychodiagnostics: textbook for universities]. Saint Petersburg, 2006. 351 s.
12. *Kratkii psikhologicheskii slovar'* [Concise psychological dictionary]. Ed. by Karpenko L.A. Rostov on Don, 1998. 512 p.
13. All-Russian Classifier of Worker Professions, Employee Positions, and Wage Grades (OKPDTR). *Edinaya sistema normativnoi spravocnoi informatsii* [Unified System of Regulatory Reference Information]. Available at: <https://esnsi.gosuslugi.ru/classifiers/16259/> (accessed April 3, 2026).
14. *Kvalifikatsionnyi spravocnik dolzhnostei rukovoditelei, spetsialistov i drugikh sluzhashchikh* (utv. Postanovleniem Mintruda Rossii ot 21.08.1998 № 37, red. ot 27.03.2018) [Qualification Reference Book for Positions of Managers, Specialists, and Other Employees (approved by the resolution of the Ministry of Labor of Russia No. 37 of August 21, 1998, as amended on March 27,

2018)]. Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_58964/795400385fb7a4c0142586efad8ee1d91228614e/ (accessed April 3, 2026).

15. *Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka* [Dictionary of the modern Russian literary language]. Moscow; Leningrad, 1957, 1460 p.

16. Komissarova Ya.V. *Osnovy poligrafologii: ucheb. dlya magistrov* [Fundamentals of polygraphology: textbook]. Moscow, 2018. 192 p.

17. Nikolaenko V.A. Polygraphology as an interdisciplinary field of psychological science. *Vestnik Akademii MVD Respubliki Belarus' = Bulletin of the Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus*, 2021, no. 1 (41), pp. 211–217. (In Russ.).

18. Aleksandruk G.A. *Poligrafologiya. Tekhnika s voprosami sravneniya: prakt. posobie dlya spetsialistov* [Polygraphology. Technique with comparison questions: practice textbook]. Moscow, 2025. 96 p.

19. Mendelevich V.D. Polygraphology, profiling, eye-tracking and other pseudoscientific methods of psychiatric diagnosis. *Nevrologicheskii vestnik = Neurological Bulletin*, 2020, vol. 52, no. 3, pp. 5–8. (In Russ.).

20. Saxe L., Dougherty D., Cross T.P. *Scientific validity of polygraph testing: a research review and evaluation: a technical memorandum*. Washington, 1983. 138 p.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

ФЕЛИКС КОНСТАНТИНОВИЧ СВОБОДНЫЙ – кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры психологии и управления следственной деятельностью Московской академии Следственного комитета Российской Федерации имени А. Я. Сухарева, Москва, Россия, sfk_felix@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR:

FELIKS K. SVOBODNYI – Candidate of Sciences (Psychology), Associate Professor, associate professor at the Department of Psychology and Management of Investigative Activities of the Sukharev Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, Moscow, Russia, sfk_felix@mail.ru

Статья поступила 03.04.2026

Научная статья

УДК 165.0

doi 10.46741/sjournal.2026.22.3.014

Экзистенциальный конструктивизм философии творчества Н. А. Бердяева

ОЛЬГА ВАСИЛЬЕВНА АГАФОНОВА

Вологодский институт права и экономики ФСИН России, Вологда,
Россия, evgenagafonov@inbox.ru

Аннотация. В статье дан анализ концептуальных положений философии творчества Н. А. Бердяева в свете идей эпистемологического конструктивного. Автором показано, что актуальность исследования выходит за рамки гносеологической проблематики, определяется спецификой, вызовами и угрозами существования современного человека, а также задачами определения будущего цивилизации. Принципы гносеологического конструктивизма И. Канта проанализированы как истоки позиции Н. А. Бердяева, который считал, что преодолеть познавательный разрыв между феноменом и ноуменом может только целостное первичное религиозное сознание. Сущность познания Н. А. Бердяев видит в творческом приросте, просветлении бытия. Творчество невозможно без свободы и становится основным экзистенциальным способом самореализации личности, продолжающей миротворение. Неслучайно итогом экзистенциальной концепции творчества в философии Н. А. Бердяева становится определение эсхатологических смыслов, открывающих иной мир. Автором сделан вывод о том, что экзистенциально-персоналистическая концепция понимания творчества, предполагающая активную роль субъекта, носит конструктивный характер. Практическое значение анализа заявленной тематики видится в возможности формирования на основе идей конструктивно-гуманистического подхода креативных навыков у современной молодежи, без которых невозможно самоопределение человека в современном мире.

Ключевые слова: Н. А. Бердяев; творчество; дух; новизна; экзистенциализм; онтологическая гносеология; эпистемологический конструктивизм; целостный субъект; богочеловечность.

5.7.1. Онтология и теория познания.

Для цитирования: Агафонова О. В. Экзистенциальный конструктивизм философии творчества Н. А. Бердяева // Всероссийский научно-практический журнал социальных и гуманитарных исследований. 2026. № 3 (22). С. 112–118. doi 10.46741/sjournal.2026.22.3.014.

Original article

Existential Constructivism in the Philosophy of N.A. Berdyaev

OL'GA V. AGAFONOVA

Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service
of Russia, Vologda, Russia, evgenagafonov@inbox.ru

Abstract. The article analyzes conceptual provisions of N.A. Berdyaev's philosophy of creativity in the light of the ideas of epistemological constructivism. The author shows that the relevance of the research goes beyond the scope of epistemological issues and is determined by the specifics, challenges, and threats to the existence of modern man, as well as by the tasks of defining the future of civilization. The principles of I. Kant's epistemological constructivism are analyzed as the origin of N.A. Berdyaev's position. According to N.A. Berdyaev, only a holistic, primary religious consciousness can overcome the cognitive gap between the phenomenon and the noumenon. The researcher sees the essence of knowledge in creative growth and enlightenment of the being. Creativity is impossible without freedom and becomes the main existential way of self-realization for the individual. It is no coincidence that the outcome of the existential concept of creativity in N.A. Berdyaev's philosophy is the definition of eschatological meanings that open up another world. The author concludes that the existential-personalistic concept of understanding creativity, emphasizing an active role of the subject, is of a constructive nature. The practical significance of analyzing the stated topic lies in the possibility of developing creative skills among today's youth based on the ideas of a constructive-humanistic approach – skills without which the person's self-determination is impossible in the modern world.

Key words: N.A. Berdyaev; creativity; spirit; novelty; existentialism; ontological epistemology; epistemological constructivism; holistic subject; God-manhood.

5.7.1. Ontology and theory of knowledge.

For citation: Agafonova O.V. Existential constructivism in the philosophy of N.A. Berdyaev. *All-Russian Research and Practice Journal of Studies in Social Sciences and Humanities*, 2026, no. 3 (22), pp. 112–118. doi 10.46741/sgjournal.2026.22.3.014.

Осмысление феномена творчества как проявления сущностной, родовой черты человека всегда привлекало внимание исследователей. Но сегодня, когда цивилизация подошла к переломному этапу своего существования, эта проблема преодолевает рамки эстетики и гносеологии, становится одной из ключевых доминант, определяющих возможные пути развития, прогнозирование будущего. При этом нельзя не согласиться с тем, что глобальные перемены в жизни современных людей обусловлены не только появлением новейших технологий, кардинально меняющих способы существования, но и потенциально претендуют на трансформацию самой природы человека, пересмотр гуманистических ценностей [1, с. 39]. Традиция самопознания уходит в глубины древней философии, но и сегодня актуальными остаются вопросы разграничения разума и интеллекта, приобретающие особую актуальность в свете создания их искусственных аналогов.

Известно, что творчество является наиболее практически значимым проявлением абстрактно-логического мышления, которое позволяет человеку преобразовывать окружающий мир, создавать качественно новое, не существовавшее до человека и появившееся только благодаря его разумной деятельности. Неслучайно предметом философского анализа является не только природа и онтологические предпосылки, но и закономерности творческой деятельности. Так, еще классики Античности, рассматривали творчество в широком ключе как вид трансцендентального знания и способ существования, связывающий микрокосм отдельного человека с всеобщей мировой гармонией. Даже в рамках средневекового провиденциализма, четко определявшего эсхатологическую судьбу земного бытия, индивид был наделен творческой свободой воли. Только эта способность, раскрывающая духовную сущность созданного по образу и подобию Творца человека, позволяет ему делать осознанный каждодневный выбор между добром и злом, определяющий в конечном итоге его личную судьбу в божественном плане спасения мира. Таким образом, уже на начальном этапе развития христианской философии творчество понимается как продуктивная гносеологическая взаимосвязь внутреннего и внешнего, субъективного и объективного, божественного и человеческого.

Неудивительно, что в эпоху русского духовного ренессанса проблема понимания творчества как способа самореализации личности, оправдания человека, антроподицеи становится основополагающей у Н. А. Бердяева [2, с. 456]. Изначально он выстраивает альтернативную программу своей религиозной философии на новых концептуальных началах [3, с. 23], опираясь на традицию европейского идеализма. Известно, что, наряду с основополагающими положениями христианства, истоками его мировоззрения были идеи классиков немецкой философии. Так, переосмысление наследия И. Канта можно признать точкой перехода философа в ранний период его творчества – от критического марксизма к этическому идеализму, началом исследования метафизической проблематики. Большую заслугу И. Канта он видел в развитии метафизики свободы, но при этом считал его философию излишне абстрактной, дискурсивной. Можно сказать, что кантовская теория познания стала источником формирования оригинальной гносеологии Н. А. Бердяева, по мнению которого, Кант гениально выявил конструктивную роль разума. Но именно это стало причиной тотальной рационализации бытия, которому противопоставлены сам познавательный акт и субъект познания.

Бердяев не признает началом познавательной деятельности отвлеченный разум, выводящий понятия из опытных данных. Изначально, «до процесса рационализации человек имеет дело с первичным и подлинным бытием, не познаваемым через понятие» [4, с. 37]. Поэтому иллюзия объективного мира, созданная наукой, выхолащивает бытие. Кантовские априорные формы рассудка и чувственности становятся гносеологическим препятствием на пути постижения живой реальности. Разум не может искусственно конструировать бытие, а призван стать одним из способов познания, творческого проникновения в метафизическую сущность мира. Рационализму, эмпиризму и критицизму Бердяев противопоставляет свой гносеологический реализм или онтологическую гносеологию, утверждая, что «мышление есть само бытие, объект знания присутствует в знании своей действительностью» [5, с. 104]. Тождество субъекта и объекта в Логосе доказывает, что преодолеть познавательный разрыв между феноменом и ноуменом может только целостное первичное религиозное сознание, раскрывающее полноту одухотворенной реальности в мистическом опыте. Мышление неотделимо от бытия, познание есть внутренний акт самой жизни. Даже возможные гносеологические ошибки, по мнению Н. А. Бердяева, определяются не спецификой или несовершенством субъективной конструкции, а общим болезненным состоянием греховного мира.

В немецком гносеологическом рационализме, трактующем бытие как познавательную конструкцию трансцендентального сознания, уничтожается индивидуальное начало. Но субъектом познания является не абстрактный разум, а конкретный человек. Сущность познания в творческом приросте, просветлении бытия, осуществляющемся как личностный ценностный выбор. Творчество есть экстаз, прорыв в бесконечность через «потрясение и подъем всего человеческого, направленного к иной, высшей жизни, к новому бытию» [2, с. 459]. Творец одинок, но творческий акт имеет космическое, общечеловеческое значение. Поэтому в дальнейшем мировоззренческой основой религиозного экзистенциализма и христианского персонализма Н. А. Бердяева становится идея личной свободы, реализующейся в творческом соединении познающего субъекта с мировым Логосом.

Таким образом, одной из предпосылок философии творчества Н. А. Бердяева является кантовская метафизика свободы, развитая в русле христианского экзистенциализма. Несомненно, особое влияние на философа оказала гуманистическая этика И. Канта, основанная на различении мира природы и мира свободы. При этом Н. А. Бердяев отвергает исключаящие возможность реального духовного опыта этический формализм и морализм в понимании религии, которые в конечном итоге приводят к идее непознаваемости ноуменального мира.

Существуя в материальном природном бытии, человек, казалось бы, неотвратимо подчинен объективной физической необходимости. Констатируя это, Н. А. Бердяев резко критикует натуралистический эволюционизм как устаревший, консервативный подход, предполагающий внешнее перераспределение частей, отрицающий принципиальную новизну и творчество, а потому неспособный выявить внутренние источники развития мира. Всеобщий онтологический смысл экзистенциальной диалектики Н. А. Бердяев находит в признании первичности духовного начала и свободы, которая вопреки гегелевскому логическому детерминизму рассматривается им не как результат, но объявляется причиной развития. Появление чего-то принципиально нового, ранее не существовавшего в мире, есть величайшая тайна жизни [6], обусловленная свободой творческого прорыва необходимости феноменального бытия через восстановление богочеловеческой связи.

Таким образом, человек, принадлежащий двум мирам, не является лишь частью природного механизма, а становится, по мнению Н. А. Бердяева, уникальным существом, способным к самоопределению, преобразованию физического миропорядка. Космогоническое значение творческого акта видится философу в возможности гуманизации материального бытия через поиск высших духовных ценностей. Итак, творчество невозможно без свободы и становится основным экзистенциальным способом самореализации личности, подчиненной божественному призыву продолжить миротворение и стремящейся выйти на иной уровень, создать собственный мир. Поэтому творческий характер познания, в том числе и в таких, казалось бы, строгих областях как наука, не может ограничиваться законами логики, которые необходимо дополнить бессознательными устремлениями, вероятностными рассуждениями, догадками, интуицией.

Так, известно, что искусственный интеллект, созданный человеком, превзошел его по объему знаний и эффективности логических операций. При этом несомненным достоинством мышления человека остается «способность к эвристическим, интуитивным умопостроениям, недоступным формализации» [1, с. 41]. Также важнейшим проявлением личностной, гуманистической сущности творчества является и его нравственный характер как частная реализация всеобщего нравственного миропорядка, возможного, по мнению Н. А. Бердяева, только на основе религиозного, трансцендентального сознания, дающего цельное представление о мире.

Сегодня искусственный интеллект вышел на принципиально новый уровень. Известно, что нейросети, имитирующие работу человеческого мозга, способны к самообучению. Анализируя информацию, они самостоятельно выявляют закономерности, на основе которых формулируют выводы, генерируют контент. На первый взгляд подобные достижения служат на благо человечества, избавляя его от монотонной, рутинной работы. Но на практике обезличенный формализованный разум, не связанный жестким алгоритмом и не отягощенный духовными и нравственными предпосылками, решает поставленные человеком задачи, используя откровенный обман и фальсификацию. Так, нейросети не создают новые идеи, но придумывают несуществующие литературные источники для обоснования заимствованных мыслей. Исследователи все чаще отмечают, что искусственный интеллект, нарушая принцип достоверности, компилирует знание на основе формальных признаков, искажая при этом суть явлений. Таким образом, в недалекой перспективе люди могут оказаться в мире тотальной фейковой информации, использование которой обернется реальными проблемами. Остается лишь вспомнить основополагающий тезис Н. А. Бердяева о том, что в основе творчества должно лежать не воспроизведение физиологических процессов, а духовное стремление к постижению истины.

Новые угрозы безопасности человека, возникающие как следствие стремительного развития техногенной цивилизации, все чаще заставляют нас задуматься о будущем человечества. Неслучайно важнейшим итогом экзистенциальной концепции творчества в философии Н. А. Бердяева становится определение эсхатологических смыслов, которые он

трактовал не фатально, но динамически как возможность преодоления трагической судьбы земного мира путем духовного развития людей [7, с. 135]. В этом контексте креативность становится знаком духовной трансформации, «пресуществления», изменения сущности бытия. Реальные творческие акты, совершаемые свободным человеком в материальном мире, должны вернуть его в истинное, изначальное состояние, восстановить связь человека с Богом. Творчество перестает быть средством, «а принадлежит к целям жизни... к царству свободы... к царству Духа» [8, с. 821]. Таким образом, творчество в философской системе Н. А. Бердяева рассматривается как антропологическое откровение, возвещающее наступление эпохи Духа. Отсюда, цель жизни «не спасение, а творческое восхождение» [9, с. 335–336], для которого необходимо преодоление греха и зла.

Правда, к истинному творчеству можно отнести далеко не все достижения человеческой культуры. Тайна творчества кроется в полноте христианской истины и обращена не к искуплению, а к Христу Грядущему, который может явиться лишь тем, кто подвигом свободного дерзновения раскроют образ Абсолютного Человека. По утверждению Н. А. Бердяева, этого откровения нельзя ожидать от Бога. Напротив, Бог призывает к нему человека, живущего в Духе, стремящегося к неведомому, перешедшего от пассивной надежды к активному религиозному творчеству. Несмотря на опасности страшного бремени безусловной свободы и жуткую ответственность, в жертве свободного творческого подвига обретается богоподобие и достоинство человека, совершается переход мира к эпохе религиозного творчества. В этом смысле религия не оправдывает творчество, а оно само является религией, опытом экстаза, потрясением личности, открывающим иной мир.

Таким образом, несмотря на критическую оценку Н. А. Бердяевым принципов гносеологического конструктивизма И. Канта, его экзистенциально-персоналистическая концепция понимания творчества как особого вида познания также предполагает активную роль субъекта, а значит, носит конструктивный характер. При этом в отличие от кантовского рационализма, в котором гносеологическим основанием является отвлеченный, общечеловеческий разум, у Н. А. Бердяева субъектом познания становится конкретный человек, осуществляющий в свободном личностном ценностном выборе творческий прирост, просветление бытия. Неслучайно Н. К. Бонецкая называет гносеологическую позицию философа радикальным персонализмом, так как «познавательная направленность субъекта на самого себя одновременно есть и обращенность на мир» [10, с. 123]. Сам познающий субъект является одновременно и объектом познания как духовный микрокосм, в мистическом опыте отражающий весь универсум.

Утверждая принципиальную неотделимость мышления от бытия, Н. А. Бердяев рассматривает творчество как внутренний экзистенциальный акт самой жизни. Как уже говорилось выше, его онтологическая гносеология предполагает творческое соединение познающего субъекта с мировым Логосом. Эта идея во многом напоминает принципы онтологического конструктивизма Ф. Шеллинга и В. С. Соловьева, которые рассматривали искусство как возможность чувственного воплощения в художественном творчестве Абсолютного сущего. Для Н. А. Бердяева основой постижения сокровенной сути бытия является, прежде всего, религиозное сознание, церковно-мистический опыт. Он также развивает идею причастности познающего субъекта к теургическому действию, преображающему весь земной человеческий мир.

Экзистенциальная концепция творчества Н. А. Бердяева, получила дальнейшее концептуальное развитие в трудах мыслителей второй половины XX в. Напомним, что основоположник психоанализа З. Фрейд оценивал феномен творчества натуралистически как сублимацию в искусственно созданном мире нереализованных желаний. Опираясь на идеи представителей западного атеистического экзистенциализма Э. Фромм, критически переосмыслил биологизм классического фрейдизма. Неслучайно в его гуманистическом психоанализе творческая самореализация человека является основой экзистенциальной позиции «быть» [11], противопоставленной вызовам массового, техногенного общества.

Думается, что сегодня идеи конструктивно-гуманистического подхода к определению феномена творчества могут стать основой развития у современных школьников и студентов, наряду с критическим мышлением креативных навыков. Так, современная педагогика рассматривает креативность в качестве целостной информационно-педагогической системы, содержащей «императивы индивидуальной потребности созидать, творить новую реальность» [12, с. 16]. Можно утверждать, что в XXI в. идея продуктивного обучения, одним из когнитивных методов которого является конструирование, стала классикой дидактики. Она понимается как личностно-ориентированная педагогическая технология, в рамках которой человек не получает готовое знание, а сам является активным субъектом познания, создающим новый интеллектуальный продукт. В современном обществе в условиях огромного и непрерывно обновляющегося информационного пространства она помогает сформировать установку на самообразование, развитие способности решения проблем и самоопределения. Без этих качеств невозможно развитие личностного творческого начала в человеке, об экзистенциально-онтологической необходимости которого так убедительно говорил Н. А. Бердяев.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Нестерова О. Ю. О значении философских проблем творческой деятельности человека для прогнозирования его будущего // Общество: философия, история, культура. 2019. № 8 (64). С. 38–42.
2. Бердяев Н. А. Самопознание // Самопознание : соч. / Н. А. Бердяев. М. ; Харьков, 1998. С. 249–606.
3. Жукова О. А. Свобода, творчество, дух: альтернативная метафизика Н. А. Бердяева // Философский журнал. 2024. Т. 17. № 2. С. 21–36.
4. Шумской А. В. Влияние метафизики Иммануила Канта на формирование и развитие философии Н. А. Бердяева // Вестник Вятского государственного университета. 2023. № 2 (148). С. 36–43.
5. Бердяев Н. А. Философия свободы // Философия свободы. Смысл творчества / Н. А. Бердяев. М., 1989. С. 12–250.
6. Бердяев Н. А. Экзистенциальная диалектика божественного и человеческого // Царство Духа и царство Кесаря; Экзистенциальная диалектика божественного и человеческого / Н. А. Бердяев. М., 2006. 349 с.
7. Нижников С. А., Грибанова А. А. Творческие задачи человечества в аспекте эсхатологических представлений Н. А. Бердяева и В. В. Зеньковского // Философия и общество. 2024. № 2. С. 134–145.
8. Бердяев Н. А. Царство Духа и царство Кесаря // Русская идея: сб. тр. / Н. А. Бердяев. М. ; СПб., 2005. 829 с.
9. Бердяев Н. А. Смысл творчества. Опыт оправдания человека // Философия свободы. Смысл творчества / Н. А. Бердяев. М., 1989. С. 254–580.
10. Бонецкая Н. К. Н. А. Бердяев: мистик, гностик, экзистенциалист // Вестник культурологии. 2021. № 1 (96). С. 105–139.
11. Фромм Э. Иметь или быть? М., 2021. 317 с.
12. Гафарова Е. А. Креативность как информационная педагогическая система // Современное педагогическое образование. 2023. № 7. С. 15–20.

REFERENCES

1. Nesterova O.Yu. On the significance of philosophical problems of human creative activity for predicting the future. *Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura = Society: Philosophy, History, Culture*, 2019, no. 8 (64), pp. 38–42.
2. Berdyaev N.A. Self-knowledge. In: Berdyaev N.A. *Samopoznanie: soch.* [Self-knowledge: essay]. Moscow; Kharkov, 1998. Pp. 249–606. (In Russ.).
3. Zhukova O.A. Freedom, creativity, spirit: alternative metaphysics of N. A. Berdyaev. *Filosofskii zhurnal = Philosophical Journal*, 2024, vol. 17, no. 2, pp. 21–36. (In Russ.).

4. Shumskoi A.V. The influence of Immanuel Kant's metaphysics on the formation and development of N. A. Berdyaev's philosophy. *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Vyatka State University*, 2023, no. 2 (148), pp. 36–43. (In Russ.).
5. Berdyaev N.A. Philosophy of freedom. In: Berdyaev N.A. *Filosofiya svobody. Smysl tvorchestva* [Philosophy of freedom. The meaning of creativity]. Moscow, 1989. Pp. 12–250. (In Russ.).
6. Berdyaev N.A. Existential dialectics of the divine and the human. In: *Tsarstvo Dukha i tsarstvo Kesarya. Ekzistentsial'naya dialektika bozhestvennogo i chelovecheskogo* [The Kingdom of Spirit and the Kingdom of Caesarea. Existential dialectics of the divine and the human]. Moscow, 2006. 349 p. (In Russ.).
7. Nizhnikov S.A., Gribanova A.A. Creative tasks of humanity in the aspect of the eschatological ideas of N.A. Berdyaev and V.V. Zenkovskii. *Filosofiya i obshchestvo = Philosophy and Society*, 2024, no. 2, pp. 134–145. (In Russ.).
8. Berdyaev N.A. The Kingdom of the Spirit and the Kingdom of Caesarea. In: *Russkaya ideya: sb. tr.* [The Russian idea: collection of works]. Moscow; Saint Petersburg, 2005. 829 p. (In Russ.).
9. Berdyaev N.A. The meaning of creativity. An attempt at justifying man. In: Berdyaev N.A. *Filosofiya svobody. Smysl tvorchestva* [The philosophy of freedom. The meaning of creativity]. Moscow, 1989. Pp. 254–580. (In Russ.).
10. Bonetskaya N.K. N.A. Berdyaev: mystic, gnostic, existentialist. *Vestnik kul'turologii Bulletin of Cultural Studies*, 2021, no. 1 (96), pp. 105–139. (In Russ.).
11. Fromm E. *Imet' ili byt'?* [To have or to be?]. Moscow, 2021. 317 p.
12. Gafarova E.A. Creativity as an informational pedagogical system. *Sovremennoe pedagogicheskoe obrazovanie = Modern Pedagogical Education*, 2023, no. 7, pp. 15–20. (In Russ.).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

ОЛЬГА ВАСИЛЬЕВНА АГАФОНОВА – кандидат философских наук, доцент, начальник кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин юридического факультета Вологодского института права и экономики ФСИН России, Вологда, Россия, evgenagafonov@inbox.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

OL'GA V. AGAFONOVA – Candidate of Sciences (Philosophy), Associate Professor, Head of the Department of Humanities and Socio-Economic Disciplines of the Law Faculty of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia, Vologda, Russia, evgenagafonov@inbox.ru

Статья поступила 13.09.2026

УДК 1(091)+141:321.01+005

ББК 87.1

doi 10.46741/sjournal.2026.22.3.015

Диалектика должного и сущего в концепциях Платона и Н. Макиавелли: к построению антропоцентричной онтологии управления

ЕВГЕНИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ БОЛЬШАКОВ

Луганский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры
Российской Федерации, Луганск, Россия, relativus@mail.ru

АЛЕКСЕЙ СТАНИСЛАВОВИЧ ТИМОЩУК

Владимирский юридический институт ФСИН России, Владимир, Рос-
сия, timos@33.fsin.gov.ru

Аннотация. Цель настоящей статьи заключается в философско-правовом осмыслении фундаментального противоречия между нормативным идеалом и политической практикой («должным» и «сущим») как источника системного кризиса современного управления. В работе предпринята попытка преодоления устоявшейся в истории философии дихотомии между учениями Платона и Н. Макиавелли, которые традиционно рассматриваются как взаимоисключающие парадигмы утопизма и политического реализма. Научная новизна исследования обусловлена применением диалектического метода, позволяющего интерпретировать наследие двух мыслителей как взаимосвязанные этапы развертывания единой политической онтологии: идеальное государство Платона рассматривается в качестве тезиса (онтология должного порядка), а концепция политической добродетели Н. Макиавелли – в качестве антитезиса (феноменология хаотичного сущего). Впервые обосновывается функциональное тождество «справедливости» Платона и «политического разума» Н. Макиавелли как двух модусов единой антропологической способности человека учреждению и удержанию социального космоса. Ключевым вкладом в политическую философию является введение авторского понятия «антропоцентричная онтология управления». В данной парадигме государство понимается не как статичная структура, а как динамический процесс непрерывного учреждения человеком своего исторического бытия, где право задает стратегическую траекторию к Благу, а политическая воля обеспечивает тактическую навигацию в потоке меняющихся обстоятельств. Теоретическая значимость работы подкрепляется разработкой трехуровневой модели принятия государственных решений (стратегический идеализм, тактический реализм, институциональный синтез), которая впервые предлагает механизм для снятия антагонизма между моралью и эффективностью в практике публичного администрирования. В статье обосновывается, что диалектика политико-правового синтеза является фундаментальным законом развития государственности, а подлинная мудрость правителя заключается в искусстве удержания равновесия между императивом должного и вызовами сущего.

Ключевые слова: антропоцентричная онтология управления; государство; диалектика; закон; Макиавелли; Платон; политика; право; справедливость.

5.7.1. Онтология и теория познания (философские науки).

Для цитирования: Большаков Е. В., Тимощук А. С. Диалектика должного и сущего в концепциях Платона и Н. Макиавелли: к построению антропоцентрич-

ной онтологии управления // Всероссийский научно-практический журнал социальных и гуманитарных исследований. 2026. № 3 (22). С. 119–125. doi 10.46741/sjournal.2026.22.3.015.

Original article

The Dialectic of the Ought and the Actual in the Philosophies of Plato and Niccolo Machiavelli: Towards an Anthropocentric Ontology of Governance

EVGENII V. BOL'SHAKOV

Lugansk Law Institute of the University of Prosecutor's Office of the Russian Federation, Lugansk, Russia, relativus@mail.ru

ALEKSEI S. TIMOSHCHUK

Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Vladimir, Russia, timos@33.fsin.gov.ru

Abstract. The purpose of this article is to provide a philosophical and legal analysis of the fundamental contradiction between the normative ideal and political practice ("the ought" and "the actual") as a source of the systemic crisis in modern governance. The paper attempts to overcome the dichotomy established in the history of philosophy between the teachings of Plato and N. Machiavelli, which are traditionally regarded as mutually exclusive paradigms of utopianism and political realism. The scientific novelty of the study lies in the application of the dialectical method, which makes it possible to interpret the legacy of two thinkers as interconnected stages in the unfolding of a single political ontology. Plato's ideal state is considered as the thesis (the ontology of the proper order), while Machiavelli's concept of political virtue is seen as the antithesis (the phenomenology of chaotic being). For the first time, the functional identity of Plato's "justice" and Machiavelli's "political reason" is substantiated as two modes of a single anthropological human capacity to establish and maintain a social cosmos. A key contribution to political philosophy is the introduction of the author's concept of "anthropocentric ontology of governance." In this paradigm, the state is understood not as a static structure, but as a dynamic process of continuous creation of one's historical existence by a person, where law sets the strategic trajectory towards the Good, and political will ensures tactical navigation in the flow of changing circumstances. The theoretical significance of the work is supported by the development of a three-level model of state decision-making (strategic idealism, tactical realism, institutional synthesis), which for the first time proposes a mechanism for resolving the antagonism between morality and efficiency in public administration. The article substantiates that the dialectics of the political and legal synthesis is a fundamental law of the development of statehood, and the true wisdom of a ruler lies in the art of maintaining a balance between the imperative of what ought to be and the challenges of what actually is.

Key words: anthropocentric ontology of governance; state; dialectics; law; Machiavelli; Plato; politics; law; justice.

5.7.1. Ontology and theory of knowledge.

For citation: Bol'shakov E.V., Timoshchuk A.S. The dialectic of the ought and the actual in the philosophies of Plato and Niccolo Machiavelli: towards an anthropocentric ontology of governance. *All-Russian Research and Practice Journal of Studies in Social Sciences and Humanities*, 2026, no. 3 (22), pp. 119–125. doi 10.46741/sjournal.2026.22.3.015.

Современное государственное управление переживает системный кризис, однако за институциональными дисфункциями скрывается более глубокий антропологический разлом. Это фундаментальный разрыв между «человеком политическим», действующим в логике интересов, силы и выживания, и «человеком моральным», ориентированным на ценности справедливости, права и общего блага. Политическая практика все чаще воспринимается как циничная игра, где декларируемые идеалы служат лишь прикрытием для удержания власти, а моральные императивы оказываются бессильными перед лицом «реальной политики». Данная коллизия была впервые и с предельной остротой осмыслена в классических трудах Платона и Н. Макиавелли. В современной науке доминирует тенденция к неоднозначности концепций двух рассматриваемых нами мыслителей: Платон трактуется как создатель неоднозначного философско-политического наследия [1, с. 26], а произведения Н. Макиавелли рассматриваются как памятники культуры, которые описывают социально-политическую картину эпохи Возрождения, со всеми ее гуманистическими достижениями и конкретно-исторической ограниченностью, со всеми ее противоречиями, исканиями и борьбой [2, с. 71].

Научная новизна статьи многообразна и связана с проектами идеализаций государства и гипостазирования его атрибутов. Во-первых, учения Платона и Н. Макиавелли рассматриваются как диалектически взаимосвязанные этапы разворачивания единой политической онтологии, где идеальное государство Платона выступает в качестве тезиса (онтология должного), а реальная политика Н. Макиавелли – в качестве антитезиса (феноменология сущего).

Во-вторых, обосновывается тождество функциональных ролей «справедливости» у Платона и «политического разума» (добродетели) у Н. Макиавелли как двух модусов единой антропологической способности к учреждению порядка, что позволяет преодолеть ложную дихотомию «мораль – эффективность».

В-третьих, в научный оборот вводится и обосновывается понятие «антропоцентричная онтология управления», снимающее дуализм «идеального» и «реального». Государство в этой парадигме понимается как динамический процесс непрерывного устройства человеком собственного бытия, где право задает траекторию, а политическая воля обеспечивает движение.

В-четвертых, на основе данного синтеза предложена трехуровневая модель принятия государственных решений (стратегический идеализм, тактический реализм, институциональный синтез), которая впервые дает схему для практического применения диалектического подхода в управлении.

Методологическим фундаментом работы является диалектический метод, позволяющий рассматривать развитие политико-правовой мысли как процесс возникновения, борьбы и снятия противоречий между «должным» и «сущим». В качестве конкретно-научных методов применяются философско-герменевтический анализ; системный подход; сравнительно-исторический метод; метод моделирования.

Учение Платона о государстве, вопреки обвинениям в утопизме, является первой в истории попыткой системного осмысления полиса как целостного организма, имеющего онтологическое основание. Как подчеркивает С. В. Голубев, Платон исходит не из произвольных фантазий, а из «естественных, самоочевидных предпосылок. Главное для него – показать, что совместная жизнь и определенная форма ее организации являются необходимыми, вытекающими из самой природы человека» [3, с. 158]. Справедливость в концепции Платона – это не абстрактная моральная категория, а объективный организующий принцип бытия, суть которого состоит в том, чтобы «заниматься своим делом и не вмешиваться в чужие – это и есть справедливость» [4, с. 242–243]. Это принцип структурирования космоса и как его отражения человеческой души и государства. Государство, чтобы быть подлинным, должно соответствовать своей идее – идее Блага. Как отмечает Платон, «идея

блага – это предел, и она с трудом различима, но стоит только ее там различить, как отсюда напрашивается вывод, что именно она – причина всего правильного и прекрасного» [5, с. 353]. Следовательно, справедливость имеет не конвенциональный, а онтологический императивный характер. Она укоренена в самой структуре бытия. Государство у Платона – это «большой человек» (макрокосм), и порядок в нем возможен только как отражение порядка в душе человека (микрокосм). Трём началам человеческой души (разумному, яростному и вожделеющему) соответствуют три сословия идеального государства (правители-философы, стражи и ремесленники). Гармония души, где разум господствует над яростью и вожделениями, являются прообразом гармонии государства, где мудрость правит силой и большинством.

В диалоге «Законы» Платон, не отказываясь от идеала, делает шаг к реальности. Здесь он признает, что «божественное» правление философов, не нуждающееся в законах, для людей недостижимо. Платон отмечает: «В частности, ожидание скорби называется страхом, ожидание удовольствия – отвагой. Над всем этим стоит разум, решающий, что из них лучше, что хуже, он-то, став общим установлением государства, получает название закона» [5, с. 92]. Закон у Платона – это не продукт воли или соглашения, а выражение объективного, надличного разума, имеющего космическое основание. Он устанавливает меру и порядок, сдерживая человеческое своеволие. Платон говорит: «Там же, где закон – владыка над правителями, а они – его рабы, я усматриваю спасение государства и все блага, какие только могут даровать государствам боги» [5, с. 167–168]. В. А. Апрелева справедливо видит в этом предвосхищение концепции правового государства [6, с. 5–7].

Таким образом, тезис Платона заключается в утверждении примата системного, ценностно-обоснованного порядка (справедливости, закона) над политической волей. Это онтология должного, где государство есть воплощение разумного и благого космического начала в социальной материи, а человек призван соотносить свою жизнь с этим вечным порядком.

Никколо Макиавелли творил в эпоху, когда онтологическая стабильность средневекового космоса была разрушена. Италия представляла собой арену политического хаоса, где «исчезла всякого рода легитимность, поскольку все теперь решали только хитрость, сила и коварство» [7, с. 225]. В этих условиях призыв Платона к справедливости был бы гласом вопиющего в пустыне. Н. Макиавелли как трезвый аналитик констатирует фундаментальный онтологический разрыв: «расстояние между тем, как люди живут и как должны бы жить, столь велико, что тот, кто отвергает действительное ради должного, действует скорее во вред себе, нежели на благо, так как, желая исповедовать добро во всех случаях жизни, он неминуемо погибает, сталкиваясь с множеством людей, чуждых добру. Из чего следует, что государь, если он хочет сохранить власть, должен приобрести умение отступать от добра и пользоваться этим умением смотря по надобности» [8, с. 88]. Это не апология аморализма, а трезвое признание того, что политическое действие всегда происходит в условиях онтологической нестабильности, где господствует не вечный порядок, а изменчивые обстоятельства.

Можно сказать, что ключевым концептом Н. Макиавелли является не цинизм, а «политический разум» [7]. Как отмечает А. М. Толстенко, «макиавеллизм вовсе не есть аморальность как таковая; не есть просто беспринципность, если речь идет о сугубо нравственных отношениях или социально-политических идеалах. Макиавеллизм есть выражение властвующей воли, озабоченной установлением гражданского устройства общества как такого, художественного произведения, которое может быть создано по каким угодно правилам, лишь бы эти правила способствовали устранению социального беспредела и утверждению законного порядка» [7, с. 228]. Разум государя, как отмечает И. В. Журбина, «выступает принципом, руководящим деятельностью правителя, позволяющим правителю делать правильный выбор между скупостью и бережливостью, жестокостью и милосер-

дием, любовью и ненавистью народа и т. д. Утрата власти правителем рассматривается как проявление его неразумия, смысл которого заключается в умственной неспособности правителя думать ситуативно и делать разумный выбор» [9]. Важно подчеркнуть, что целью при этом является не личная власть, а учреждение и сохранение государства как высшей формы человеческого общежития. Н. Макиавелли не отбрасывает мораль, а ищет ее новую, гражданскую форму. Добродетель государя заключается в способности основать или сохранить государство.

Таким образом, антитезис Н. Макиавелли заключается в утверждении примата политической эффективности, которая основана на разуме, над абстрактными моральными принципами. Порядок здесь не дан, а задан как цель, требующая непрерывных усилий.

Проведенный анализ показывает, что учения Платона и Н. Макиавелли не исключают друг друга, а образуют диалектическое единство, в котором «должное» Платона (онтология порядка) есть тезис, а «сущее» Н. Макиавелли (феноменология принятия решения) – антитезис. Их диалектическая интеграция образует новое качество – антропоцентричную онтологию управления. В основе этой диалектической интеграции лежит осознание того, что оба мыслителя с разных позиций решают одну и ту же фундаментальную проблему сохранения целостности государства перед лицом распада. Платон анализирует статику порядка, его идеальную структуру, обеспечивающую гармонию. Н. Макиавелли исследует динамику кризиса и практические механизмы учреждения порядка. Оба подхода являются необходимыми и дополняют друг друга. Функциональное тождество «справедливости» у Платона и «политического разума» у Н. Макиавелли состоит в том, что оба концепта являются организующими принципами, направленными на установление и поддержание порядка, разница лишь в онтологических условиях их применения. Справедливость в трактовке Платона – это принцип удержания порядка в стабильном космосе. Политический разум в трактовке Н. Макиавелли – это принцип учреждения порядка в динамичном хаосе. В реальной политической жизни государство никогда не находится ни в состоянии идеальной статики, ни в состоянии абсолютного хаоса. Оно всегда пребывает в промежуточном состоянии, требующем как удержания ценностных оснований, так и гибкого реагирования на вызовы. В концепции антропоцентричной онтологии управления человек в его двойственной природе (стремление к благу и одновременно подверженность страстям и обстоятельствам) становится не объектом, а субъектом и центром политического порядка. Государство понимается не как статичная идея и не как произведение искусства, а как динамический процесс непрерывного учреждения человеком своего бытия. В этом процессе правовые нормы, законы задают стратегическую траекторию движения к общему благу, выступая как «определения разума», а политическая воля, доблесть обеспечивают способность действовать, преодолевать препятствия и учреждать новые формы жизни в ответ на меняющиеся обстоятельства. Это онтология, в которой «должное» и «сущее» находятся в постоянном напряжении, и именно это напряжение является источником развития. Закон, лишенный политической воли, превращается в мертвую букву, бессильную утопию. Политическая воля, лишенная закона и ценностных ориентиров, вырождается в деспотический произвол и тиранию, которая в конечном счете сама себя разрушает. Подлинная политическая мудрость есть искусство удержания этого диалектического равновесия, искусство проводить в жизнь ценностные принципы адекватными реальности средствами. Это и есть диалектика политико-правового синтеза.

Практическим воплощением антропоцентричной онтологии управления является предложенная трехуровневая модель принятия управленческих решений. Первый уровень – стратегический. Это уровень долгосрочного ценностного целеполагания, закреплённого в конституции государства и других нормативных правовых актах. Здесь действует принцип «стратегического идеализма»: государство должно иметь ясный образ желаемого будущего, основанный на идее общего блага, справедливости и человеческого достоинства.

Второй уровень – тактический. Это уровень оперативного управления, реагирования на вызовы, обеспечения безопасности и национальных интересов. Здесь действует принцип «тактического реализма» – правительство должно обладать свободой и инструментарием для быстрых и эффективных действий, которые являются адекватными при определенных обстоятельствах.

Третий уровень – институциональный, являющийся ключевым, интегрирующим уровнем, он представляет собой систему институтов, обеспечивающих обратную связь и коррекцию тактических действий на предмет их соответствия стратегическим целям. Сюда относятся, например, независимый суд, конституционный контроль. Здесь реализуется принцип управления конфликтами. Противоречие между стратегическим идеализмом и тактическим реализмом не подавляется, а переводится в правовые процедуры, становясь двигателем развития.

Подводя итог, можно сделать следующие теоретические и практические выводы. Политико-правовые учения Платона и Н. Макиавелли представляют собой диалектическое единство, описывающее два необходимых модуса существования государства – статику ценностно-нормативного порядка (онтология должного) и динамику его учреждения и защиты в условиях нестабильности (феноменология сущего).

Авторы обосновали функциональное тождество «справедливости» у Платона и «политического разума» у Н. Макиавелли как двух форм проявления единой антропологической способности человека к организации коллективной жизни и удержания социального порядка.

В статье была разработана концепция антропоцентричной онтологии управления, в рамках которой государство понимается как динамический процесс непрерывного учреждения человеком собственного бытия, где право задает траекторию движения к общему благу, а политическая воля обеспечивает способность действовать в меняющихся обстоятельствах.

На основании сравнения двух концепций предложена трехуровневая модель принятия государственных решений, которая представляет собой механизм практического воплощения диалектической интеграции учений Платона и Н. Макиавелли. Обосновано, что диалектика политического и правового является фундаментальным законом развития государственности, описывающим ее эволюцию как непрерывный процесс разрешения противоречия между должным (норма) и сущим (практика).

Теоретическая значимость работы заключается в создании новой концептуальной рамки для истории политических и правовых учений, позволяющей преодолеть фрагментарность и дуализм в интерпретации классического наследия. Практическая значимость состоит в разработке концепции и модели, которые могут быть использованы для совершенствования систем государственного управления. Предложенный подход позволяет на концептуальном уровне преодолеть кризис легитимности и эффективности.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Кушнир С. И. Изучение политико-правового наследия Платона // Вести научных достижений. 2019. № 6. С. 24–27.
2. Кильметова Р. Р. Политико-правовые учения Никколо Макиавелли // Правовое государство: теория и практика. 2018. № 4 (54). С. 69–72.
3. Голубев С. В. Учение Платона об идеальном государстве // Философия и общество. 2005. № 1 (38). С. 158–175.
4. Платон. Государство // Платон. Сочинения : в 4 т. Т. 3. Ч. 1. СПб., 2007. С. 97–494.
5. Платон. Законы // Платон. Собрание сочинений : в 4 т. Т. 4. М., 1994. С. 71–437.
6. Апрелева В. А. Актуальность и смысл политико-правового учения Платона // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2011. № 2 (16). С. 4–12.

7. Толстенко А. М. «Политический разум» Никколо Макиавелли // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6. Философия. Культурология. Политология. Право. Международные отношения. 2009. № 4. С. 221–229.
8. Макиавелли Никколо. Государь. М., 2001. 256 с.
9. Журбина И. В. Разум как организующий принцип системы государственного управления в учении Никколо Макиавелли // Вестник Удмуртского университета. Серия Философия. Психология. Педагогика. 2022. Т. 32. № 1. С. 5–15.

REFERENCES

1. Kushnir S.I. Studying the political and legal heritage of Plato. *Vesti nauchnykh dostizhenii = Message of Scientific Achievements*, 2019, no. 6, pp. 24–27. (In Russ.).
2. Kil'metova R.R. Political and legal doctrines of Niccolo Machiavelli. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika = Legal State: Theory and Practice*, 2018, no. 4 (54), pp. 69–72. (In Russ.).
3. Golubev S.V. Plato's doctrine of the ideal state. *Filosofiya i obshchestvo = Philosophy and Society*, 2005, no. 1 (38), pp. 158–175. (In Russ.).
4. Plato. State. In: *Plato. Sochineniya: v 4 t. T. 3. Ch. 1* [Works: in 4 vols. Vol. 4. Part 1]. Saint Petersburg, 2007. Pp. 97–494. (In Russ.).
5. Plato. Laws. In: *Plato. Sobranie sochinenii: v 4 t. T. 4* [Collected works: in 4 vols. Vol. 4]. Moscow, 1994. Pp. 71–437. (In Russ.).
6. Apreleva V.A. The relevance and meaning of Plato's political and legal doctrine. *Yuridicheskaya nauka i pravookhranitel'naya praktika = Legal Science and Law Enforcement Practice*, 2011, no. 2 (16), pp. 4–12. (In Russ.).
7. Tolstenko A.M. "Political Reason" by Niccolo Machiavelli. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 6. Filosofiya. Kul'turologiya. Politologiya. Pravo. Mezhdunarodnye otnosheniya = Bulletin of the Saint Petersburg University. Series 6. Philosophy. Cultural Studies. Political Science. Law. International Relations*, 2009, no. 4, pp 221–229. (In Russ.).
8. Machiavelli N. *Gosudar' [The Prince]*. Moscow, 2001. 256 p.
9. Zhurbina I.V. Reason as the organizing principle of the system of public administration in the teachings of Niccolo Machiavelli. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya Filosofiya. Psikhologiya = Pedagogika Bulletin of the Udmurt University. Series: Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2022, vol. 32, no. 1, pp. 5–15. (In Russ.).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

ЕВГЕНИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ БОЛЬШАКОВ – кандидат философских наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Луганского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, Луганск, Россия, relativus@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8691-4895>

АЛЕКСЕЙ СТАНИСЛАВОВИЧ ТИМОЩУК – доктор философских наук, доцент, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин юридического факультета Владимирского юридического института ФСИН России, Владимир, Россия, timos@33.fsin.gov.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4664-3215>

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

EVGENII V. BOL'SHAKOV – Candidate of Sciences (Philosophy), associate professor at the Department of the Theory and History of the State and Law of the Lugansk Law Institute of the University of Prosecutor's Office of the Russian Federation, Lugansk, Russia, relativus@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8691-4895>

ALEKSEI S. TIMOSHCHUK – Doctor of Sciences (Philosophy), Associate Professor, associate professor at the Department of Humanities and Socio-Economic Disciplines of the Law Faculty of the Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Vladimir, Russia, timos@33.fsin.gov.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4664-3215>

Статья поступила 29.04.2026

Научная статья

УДК 316.356.2

doi 10.46741/sgjournal.2026.22.3.016

Ритуальное родство как социально-философский феномен

ГАЛИНА АЛЕКСАНДРОВНА КОВАЛЕВА

Гуманитарный институт Череповецкого государственного университе-
та, Череповец, Россия, gakovaleva@chsu.ru

АНТОН АЛЕКСАНДРОВИЧ ПЛЕНКИН

Гуманитарный институт Череповецкого государственного университе-
та, Череповец, Россия, toni-plenkin@mail.ru

Аннотация. В статье анализируется ритуальное родство как особый соци-
ально-философский феномен, выполняющий функции социальной интеграции,
коммуникации и идентификации, рассматриваются основные теоретические
подходы к изучению искусственного и ритуального родства в социальной антро-
пологии и социологии. Анализируются терминологические и содержательные
различия в трактовке понятий «искусственное родство» и «ритуальное родство»,
а также обосновывается положение о том, что ритуальное родство выступает
одной из разновидностей искусственного родства. Эмпирическую основу статьи
составляют результаты авторского исследования восприятия крестного родства
молодежью, проведенного с использованием проективной методики неокончен-
ных предложений, которые подтверждают легитимность ритуального родства в
общественном сознании. На основе полученных данных демонстрируется значи-
мость ритуального родства, организующего людей в единую общность на осно-
вании ритуальных и жизненных практик.

Ключевые слова: родство; искусственное родство; духовное родство; инсти-
тут крестного родства; социальные связи.

5.7.7. Социальная и политическая философия.

Для цитирования: Ковалева Г. А., Пленкин А. А. Ритуальное родство как
социально-философский феномен // Всероссийский научно-практический жур-
нал социальных и гуманитарных исследований. 2026. № 3 (22). С. 126–133.
doi 10.46741/sgjournal.2026.22.3.016.

Original article

Ritual Kinship as a Socio-Philosophical Phenomenon

GALINA A. KOVALEVA

Institute of Humanities of the Cherepovets State University, Cherepovets,
Russia, gakovaleva@chsu.ru

ANTON A. PLENKIN

Institute of Humanities of the Cherepovets State University, Cherepovets,
Russia, toni-plenkin@mail.ru

Abstract. The article analyzes ritual kinship as a specific socio-philosophical phenomenon that performs the functions of social integration, communication, and identification. It examines key theoretical approaches to the study of artificial and ritual kinship in social anthropology and sociology. The terminological and substantive differences in the interpretation of concepts of “artificial kinship” and “ritual kinship” are analyzed. It is substantiated that ritual kinship is one of the varieties of artificial kinship. The empirical basis of the article consists of the results of the author’s study of young people’s perception of godparenthood, conducted using the projective technique of unfinished sentences, which confirm the legitimacy of ritual kinship in the public consciousness. Based on the data obtained, the significance of ritual kinship is demonstrated – it unites people into a single community based on ritual and life practices.

Keywords: kinship; artificial kinship; spiritual kinship; institution of godparenthood; social ties.

5.7.7. Social and political philosophy.

For citation: Kovaleva G.A., Plenkin A.A. Ritual kinship as a socio-philosophical phenomenon. *All-Russian Research and Practice Journal of Studies in Social Sciences and Humanities*, 2026, no. 3 (22), pp. 126–133. doi 10.46741/sgjournal.2026.22.3.016.

Введение

Родство как социально-философская и антропологическая категория остается дискуссионным понятием в науке. Основные вопросы связаны с соотношением терминов «родство» и «семья», а также с разграничением родственных и иных социальных отношений. Актуальность исследования обусловлена тем, что в современном обществе родство все в меньшей степени сводится к биологическим и юридически закрепленным связям. Наряду с кровным и брачным родством сохраняют значение формы социальной близости, основанные на символическом признании, культурной норме и ритуальной практике. В этом контексте ритуальное родство представляет интерес не только как антропологический, но и как социально-философский феномен, позволяющий анализировать механизмы воспроизводства общности, солидарности и ценностной интеграции.

Степень изученности проблемы показывает, что ритуальное родство исследовалось преимущественно в рамках социальной антропологии и этнологии. Значительный вклад в разработку темы внесли Д. Шнайдер [1], А. С. Коган [2], В. А. Попов [3], Ю. Хаммель [4], Г. Альфани [5] и другие авторы. Вместе с тем в литературе сохраняются терминологические расхождения в трактовке понятий «искусственное родство» и «ритуальное родство», а их социально-философское измерение раскрыто недостаточно.

Цель статьи заключается в анализе ритуального родства как социально-философского феномена, выявлении его места в системе неклассических форм родства и обосновании его понимания как особой формы социальной связи.

Научная новизна статьи состоит в том, что ритуальное родство рассматривается не только как культурно-антропологический, но и как социально-философский феномен. Обосновывается, что искусственное родство выступает более широким понятием, тогда как ритуальное родство является одной из его разновидностей, возникающей в ходе совершения некоего ритуала, то есть, символического действия.

Основные положения статьи прошли апробацию на ряде всероссийских и международных научных конференций, что позволило уточнить отдельные теоретические и эмпирические аспекты исследования.

Историография вопроса

Впервые вопрос о существовании альтернативных форм родства, хотя и в косвенной форме, был задан в трудах К. Леви-Стросса [6], а также Э. Минца и Э. Вольфа [7]. К. Леви-Стросс, исследуя одно из бразильских племен, указал, что в данном племени между его членами существует особая «социально-политическая, интимная связь», которая имеет не меньшую значимость, чем кровное или брачное родство. Э. Минц и Э. Вольф в продолжение замечаний К. Леви-Стросса продемонстрировали, что подобные связи могут выполнять значимые социальные функции, выходящие за пределы собственно семейной сферы. Эти исследования создали предпосылки для последующего выделения искусственного родства в качестве самостоятельного объекта анализа.

В дальнейшем изучение искусственного родства сформировалось на стыке социальной антропологии, этнологии и социологии родства как реакция на ограниченность трактовки родственных связей исключительно через биологическое происхождение и брак. Существенное значение для становления данной исследовательской линии имели работы Д. Шнайдера [1], поставившего под сомнение универсальность европоцентричного понимания родства, основанного на законе крови и законе поведения (единственной формой которого выступает брак), и показавшего, что в разных культурах значимыми могут выступать иные основания социальных связей. Такой подход открыл возможность анализа форм родства, возникающих не на базе крови или брака, а в результате социальных, символических и нормативно закреплённых действий. Наработки Д. Шнайдера были впоследствии развиты Д. Карстон [8], которая выделила два концепта родства: «kinship» (родство по общности происхождения) и «relatedness» (родство как конструируемая связь).

Особое значение для анализа ритуального родства имеют работы Ю. Хаммеля [4] и Г. Альфани [5]. Ю. Хаммель, исследуя балканские общества, показал, что кровное, брачное и ритуальное родство могут сосуществовать как альтернативные социальные структуры. Г. Альфани, в свою очередь, рассматривал духовное родство как механизм формирования доверия, слабых связей и межгрупповой интеграции. Эти исследования позволяют увидеть, что искусственное родство выполняет не только символическую, но и выраженную социально-организующую функцию.

При этом в научной литературе сложилось значительное терминологическое разнообразие для обозначения подобных связей. Исследователи используют такие понятия, как искусственное, фиктивное, квази-, псевдо-, духовное и ритуальное родство, нередко употребляя их как близкие или даже синонимичные. Особенно часто смешиваются термины «искусственное родство», «духовное родство» и «ритуальное родство», что создает проблему их аналитического разграничения.

Наиболее продуктивным для демаркации различных определений представляется подход А. С. Когана [2], изучавшего отношения искусственного родства в Азии, особенно в мусульманских культурах. Согласно ему в качестве основного берется термин «искусственное родство», под которым Коган понимает «систему связей, приравняваемых к кровнородственным и устанавливаемых между лицами, не состоящими в кровном родстве» [2, с. 4]. Данная трактовка позволяет рассматривать искусственное родство как более широкую категорию, включающую различные формы социально сконструированных связей. Сам термин «искусственное родство» более других подходит на роль общеупотребимого, так как не несет определенной коннотации, как, например, «фиктивное родство» или «псевдородство». Единственное, что мы предлагаем добавить к определению А. С. Когана, это указать в концовке определения «или в брачном родстве», так как подразумевается, что альтернативные формы родства противопоставляются не только кровному, но и брачному родству.

Существенный вклад в уточнение структуры искусственного родства внес В. А. Попов [3], выделивший его основные разновидности. Так, он делил искусственное родство

на индивидуальное и коллективное, горизонтальное и вертикальное (по иерархии связей), а также на целенаправленное и ритуальное (по основанию возникновения). Нас в рамках данного исследования более интересует второй критерий классификации. Если первое родство возникает в результате осознанного установления социальных связей, то второе формируется посредством символически значимых обрядовых действий. Такой подход позволяет нам также развести понятия «искусственное родство» и «ритуальное родство», выделив первое в качестве родового понятия. Это разделение объясняется тем фактом, что далеко не все искусственно создаваемые родственные отношения можно отнести к ритуальным. Так, например, ошибочным было бы отнести к ритуальному родству такие формы, как адопция (усыновление / удочерение) и суррогатное материнство.

Также среди отечественных исследователей проблемы искусственного и ритуального родства стоит выделить И. Ю. Крецер [9], Т. А. Гурко [10], О. Н. Борисову [11], Е. А. Юрченко [12], И. В. Павлюткина и А. В. Зуеву [13], которые рассматривали отдельные аспекты этой проблематики.

Таким образом, в современных исследованиях искусственное родство рассматривается как особая форма социальной связи, возникающая вне кровного и брачного родства, но способная воспроизводить сходные механизмы близости, обязательств и интеграции. Это позволяет интерпретировать его не только как антропологический феномен, но и как значимый объект социально-философского анализа.

Ритуальное родство как разновидность искусственного родства

Ритуальное родство следует рассматривать как одну из разновидностей искусственного родства, возникающую не на основе кровного происхождения или брака, а в результате ритуала, символического действия. Основанием его возникновения выступает участие в ритуале, посредством которого между людьми устанавливаются отношения взаимных обязательств, доверия и социальной близости. В отличие от иных форм искусственного родства, ритуальное родство всегда предполагает обрядовую фиксацию связи и ее общественное признание. Также стоит отметить, что ритуальное родство имеет символическую природу, основывается на определенной идеологической или ценностной системе. При этом удивителен факт того, что, не имея под собой никаких реальных оснований для легитимизации, ритуальное родство все равно может иметь равное или даже большее признание в обществе, чем кровное или брачное родство [14–17].

Ритуальное родство имеет значимую роль в обществе. Основными его функциями выступают интегративная, связанная с укреплением общности и солидарности, коммуникативная, обеспечивающая установление устойчивых межличностных связей, идентификационная, позволяющая определить в обществе круг «своих» и «чужих», а также функция социальной адаптации, так как часто от ритуальных родственников ожидают заботы друг о друге, а также на них переносят определенные функции кровных и брачных родственников.

К формам ритуального родства обычно относят крестное родство, побратимство, молочное родство, братство по кораблю, аталычество и иные связи, возникающие в результате символически значимых действий. Так, Ю. Хаммель [4] рассматривал крестное родство как одну из альтернативных социальных структур, сосуществующих наряду с кровным и брачным родством. Г. Альфани [5] показывал, что духовное родство в европейских сообществах выполняло функции социальной интеграции и укрепляло так называемые «слабые связи». В этнографической литературе, особенно в трудах А. С. Когана [2], молочное родство описывается как форма социальной близости, возникающая через практику вскармливания, а побратимство – как связь, оформляемая специальным ритуалом взаимного братания. Аналогичным образом в исследованиях традиционных сообществ фиксируется братство по кораблю как форма солидарности, возникающая в условиях совместного символически значимого опыта.

Закрепление альтернативных форм родства в общественном сознании прослеживается не только в этнографических и социологических исследованиях, но и в литературе, где подобные связи нередко изображаются как не менее значимые, чем кровное родство. Это свидетельствует о том, что ритуальное родство выступает устойчивым культурным и социальным феноменом, укорененным в системе коллективных представлений о близости, обязательстве и принадлежности.

Легитимизация ритуального родства в общественном сознании на примере восприятия крестного родства

Для эмпирической проверки гипотезы о том, что ритуальные формы близости могут восприниматься как родство, осенью 2025 г. был проведен опрос молодежи города Череповца с использованием проективной методики неоконченных предложений. Опрос был посвящен теме взаимоотношений крестных родителей и их крестников. В исследовании приняли участие 80 респондентов: 40 студентов Череповецкого государственного университета в возрасте 18–20 лет и 40 школьников 16–18 лет, выборка типичных представителей. Анкета включала, в частности, вопросы: «Крестный/ая и крестник друг для друга, как <...>», «Когда у меня появятся дети, я бы попросил стать крестным/ой <...>», а также ситуацию выбора крестного из предложенного перечня.

Результаты показали, что более половины респондентов определили отношения между крестным и крестником через категории «семья» или «родственник». В группах школьников и студентов этот показатель оказался практически одинаковым – 52 % и 55 %. При этом значительная часть опрошенных, воспринимающих крестного как родственника, в качестве возможного крестного для собственных детей выбирала друга или подругу; наиболее частотным вариантом в обеих группах оказался «друг детства».

Каждый 5-й респондент ассоциировал крестного с «близким человеком» или «очень близким человеком». Среди них большинство при выборе из предложенного списка склонялись к родственнику, но в открытом вопросе о потенциальном крестном для своих детей также чаще называли друзей. Остальные респонденты в основном определяли крестного как «друга», лишь немногие характеризовали эти отношения как наставнические, а 3 % указали, что крестный и крещаемый являются «чужими людьми».

Полученные данные показывают, что доминирующей моделью восприятия крестного родства остается его сближение с семьей и родственными отношениями. Если учитывать также респондентов, определивших крестного как «очень близкого человека» и одновременно связывавших его с родственником, суммарная доля таких ответов достигает 66 %. Это позволяет сделать вывод, что в молодежной среде крестное родство в значительной степени воспринимается как связь, сопоставимая по значимости с кровным или брачным родством. Вместе с тем характерно, что статус семьи нередко символически распространяется и на близких друзей, в том числе через ритуал крещения. Результаты проективной методики подтверждают, что ритуальное родство воспринимается не как периферийная культурная традиция, а как социально значимая форма близости.

Заключение

Таким образом, нами было продемонстрировано особое место ритуального родства в системе альтернативных или неклассических форм родства. Мы разобрали основные теоретические подходы к изучению данной проблемы, показав, что тема активно разрабатывается научным сообществом. В то же время интерес к данной теме породил огромное количество применяемых терминов и дефиниций, что вызывает необходимость четкого разграничения понятий. В рамках статьи мы продемонстрировали, что подход В. А. Попова и А. С. Когана имеет ряд преимуществ, так как позволяет провести четкую демаркацию смежных терминов.

Также нами были выявлены ключевые характеристики и функции ритуального родства. Продemonстрировано, что оно служит, в первую очередь, интересам социальной ин-

теграции и укреплению связей между индивидами и целыми группами. Также мы указали конкретные формы, в которых может выражаться ритуальное родство. Эмпирические материалы позволили нам выявить тот факт, что категория ритуального родства получает легитимизацию в обществе, сама тема присутствует в дискурсе, как минимум, молодежном. Это говорит о том, что ритуальное родство не осталось традицией прошлого, а сохраняет силу и получает поддержку со стороны общества и по настоящий момент.

Ритуальное родство – сложный социально-философский феномен, который не должен рассматриваться исключительно с позиции антропологии и этнографии в рамках культурной традиции. Мы видим, что ритуальное родство присутствует и активно распространяется и в современном обществе. В этом смысле важной темой для дальнейшего изучения будет анализ тех оснований, по которым общество легитимизирует ритуальное родство. Важно понять, как убеждения формируют силу альтернативных форм родства и их признание со стороны общества.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Schneider D. A Critique of the study of kinship. Ann Arbor, 1984. 208 p.
2. Коган А. И. К вопросу о происхождении и функциях искусственного родства у народов Памиро-Гиндукушского региона // История и современность. 2021. № 4 (42). С. 3–15.
3. Попов В. А. Родство искусственное // Большая российская энциклопедия. М., 2015. Т. 28. С. 590.
4. Hammel E. A. Alternative Social Structures and Ritual Relations in the Balkans. Englewood Cliffs; NJ, 1968. 120 p.
5. Alfani G. Fathers and godfathers: spiritual kinship in early-modern Italy. L.; N. Y., 2009. 273 p.
6. Levi-Strauss C. The Social Use of Kinship Terms among Brazilian Indians // American Anthropologist. 1943. Vol. 45, № 3. P. 398–409.
7. Mintz S. W., Wolf E. R. An Analysis of Ritual Co-Parenthood (Compadrazgo) // Southwestern Journal of Anthropology. 1950. Vol. 6, № 4. P. 341–368.
8. Carsten J. Cultures of Relatedness: new approaches to the study of kinship. Cambridge, 2000. 215 p.
9. Крецер И. Ю. Что произошло с «Родством»? (современные перспективы изучения родства в социологии и социальной антропологии) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2014. № 2. С. 139–145.
10. Гурко Т. А. Трансформация института родительства в постсоветской России: автореф. дис. ... д-ра социол. наук. М., 2008. 48 с. URL: <http://www.isras.ru/publ.html?id=90> (дата обращения: 09.06.2025).
11. Борисова О. Н. Крестные и крестники в современной России: по материалам социологического опроса. М., 2022. 150 с.
12. Юрченко Е. А. Представления о крестном родстве в нарративах мирян Русской Православной Церкви: анализ интервью с нескольких приходов Ленинградской области // Труды кафедры богословия Санкт-Петербургской Духовной Академии. 2024. № 3 (23). С. 153–167.
13. Павлюткин И. В., Зуева А. В. Сетевые исследования крестного родительства: возможности и ограничения // Научный результат. Социология и управление. 2024. Т. 10, № 1. С. 121–132.
14. Пленкин А. А. Сущность и функции обряда крещения в социологическом измерении // EurasiaScience: сб. ст. LXXIV Междунар. науч.-практ. конф., Москва, 30–31 декабря 2025 г. М., 2025. С. 211–216.
15. Пленкин А. А. Концепция «альтернативных социальных структур» Ю. Хаммеля при изучении института крестного родства // Климентовские чтения: сб. материалов II Всерос. науч.-практ. конф., г. Севастополь, 10–11 октября 2025 г. Севастополь, 2025. С. 96–99.
16. Пленкин А. А. Восприятие крестного родства как разновидности искусственного родства молодежью (на основе применения проективных методик) // Социология новой современности: проблемы, теория, методы: материалы Всерос. науч. конф. «XIX Ковалевские чтения», 13–15 ноября 2025 г. Иваново; СПб., 2026. С. 1269–1270.
17. Пленкин А. А. Искусственное и ритуальное родство: к вопросу о разграничении понятий // Современные тенденции развития социальных наук: сб. тез. V Междунар. моло-

дежной науч. конф. для студентов, аспирантов и молодых ученых «SocioLogos», 29 ноября 2025 г., и V Всерос. круглого стола для студентов, аспирантов и молодых ученых «СоциоДискурс», 25 октября 2025 г. М., 2026. С. 280–282.

REFERENCES

1. Schneider D. *A Critique of the study of kinship*. Ann Arbor, 1984. 208 p.
2. Kogan A.I. On the question of the origin and functions of artificial kinship among the peoples of the Pamir-Hindu Kush Oblast. *Istoriya i sovremennost' = History and Modernity*, 2021, no. 4 (42), pp. 3–15. (In Russ.).
3. Popov V.A. Artificial kinship. In: *Bol'shaya rossiiskaya ehntsiklopediya. T. 28 [The great Russian encyclopedia]*. Moscow, 2015. P. 590. (In Russ.).
4. Hammel E.A. *Alternative social structures and ritual relations in the Balkans*. Englewood Cliffs, 1968. 120 p.
5. Alfani G. *Fathers and godfathers: spiritual kinship in early-modern Italy*. Leningrad, 2009. 273 p.
6. Levi-Strauss C. The social use of kinship terms among Brazilian Indians. *American Anthropologist*, 1943, vol. 45, no. 3, pp. 398–409.
7. Mintz S.W., Wolf E.R. An analysis of ritual co-parenthood (Compadrazgo). *Southwestern Journal of Anthropology*, 1950, vol. 6, no. 4, pp. 341–368.
8. Carsten J. *Cultures of relatedness: new approaches to the study of kinship*. Cambridge, 2000. 215 p.
9. Kretser I.Yu. What happened to “Kinship”? (Modern perspectives on the study of kinship in sociology and social anthropology). *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Sotsiologiya = Bulletin of the Saint Petersburg University. Sociology*, 2014, no. 2, pp. 139–145. (In Russ.).
10. Gurko T.A. *Transformatsiya instituta roditel'stva v postsovetsoi Rossii: avtoref. dis. ... d-ra sotsiol. nauk* [Transformation of the institution of parenthood in post-Soviet Russia: Doctor of Sciences (Sociology) dissertation abstract]. Moscow, 2008. 48 p. Available at: <http://www.isras.ru/publ.html?id=90> (accessed June 9, 2025).
11. Borisova O.N. *Krestnye i krestniki v sovremennoi Rossii: po materialam sotsiologicheskogo oprosa* [Godparents and godchildren in modern Russia: based on the materials of a sociological survey]. Moscow, 2022. 150 p.
12. Yurchenko E.A. Representations of godparents in the narratives of the laity of the Russian Orthodox Church: an analysis of interviews with several parishes of the Leningrad region. *Trudy kafedry bogosloviya Sankt-Peterburgskoi Dukhovnoi Akademii = Proceedings of the Department of Theology of the St. Petersburg Theological Academy*, 2024, no. 3 (23), pp. 153–167. (In Russ.).
13. Pavlyutkin I.V., Zueva A.V. Network research of godparents: opportunities and limitations. *Nauchnyi rezul'tat. Sotsiologiya i upravlenie = Scientific Result. Sociology and Management*, 2024, vol. 10, no. 1, pp. 121–132. (In Russ.).
14. Plenkin A.A. The essence and functions of the baptismal rite in the sociological dimension. In: *EurasiaScience: sb. st. LXXIV Mezhdunar. nauch.-prakt. konf., Moskva, 30–31 dekabrya 2025 g.* [EurasiaScience: collection of articles the LXXIV International scientific and practical conference, Moscow, December 30–31, 2025]. Moscow, 2025. Pp. 211–216. (In Russ.).
15. Plenkin A.A. Concept “alternative social structures” by E. Hammel in the study of the Institute of Godfathers. In: *Klimentovskie chteniya: sb. materialov II Vseros. nauch.-prakt. konf., g. Sevastopol', 10–11 oktyabrya 2025 g.* [Klimentovskiy readings: collection of materials of the II All-Russian scientific and practical conference, Sevastopol, October 10–11, 2025]. Sevastopol, 2025. Pp. 96–99. (In Russ.).
16. Plenkin A.A. The perception of godparenthood as a type of artificial kinship among young people (based on the use of projective methods). In: *Sotsiologiya novoi sovremennosti: problemy, teoriya, metody: materialy Vseros. nauch. konf. “XIX Kovalevskie chteniya”, 13–15 noyabrya 2025 g.* [Sociology of the new modernity: problems, theory, methods: proceedings of the All-Russian scientific conference “XIX Kovalev readings”, November 13–15, 2025]. Ivanovo; Saint Petersburg, 2026. Pp. 1,269–1,270. (In Russ.).
17. Plenkin A.A. Artificial and ritual kinship: on the issue of delimiting concepts. In: *Sovremennye tendentsii razvitiya sotsial'nykh nauk: sb. tez. v Mezhdunar. molodezhnoi nauch. konf. dlya studentov, aspirantov i molodykh uchenykh “SocioLogos”, 29 noyabrya 2025 g., i V Vseros. kruglogo stola dlya studentov, aspirantov i molodykh uchenykh “SotsioDiskurs”, 25 oktyabrya 2025 g.* [Modern trends in the development of social sciences: collection of abstracts of the V

International youth scientific conference for students, postgraduates and young scientists "SocioLogos", November 29, 2025, and the V All-Russian round table for students, postgraduates, and young scholars "SocioDiscourse," October 25, 2025]. Moscow, 2026. Pp. 280–282. (In Russ.).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

ГАЛИНА АЛЕКСАНДРОВНА КОВАЛЕВА – кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и социальных технологий Гуманитарного института Череповецкого государственного университета, Череповец, Россия, gakovaleva@chsu.ru

АНТОН АЛЕКСАНДРОВИЧ ПЛЕНКИН – магистрант второго курса направления подготовки «Социология» Гуманитарного института Череповецкого государственного университета, Череповец, Россия, toni-plenkin@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

GALINA A. KOVALEVA – Candidate of Sciences (Sociology), associate professor at the Department of Sociology and Social Technologies of the Institute of Humanities of the Cherepovets State University, Cherepovets, Russia, gakovaleva@chsu.ru

ANTON A. PLENKIN – second-year master's student at the Institute of Humanities of the Cherepovets State University, Cherepovets, Russia, toni-plenkin@mail.ru

Статья поступила 02.04.2026

Научная статья

УДК 101.1:316

doi 10.46741/sgjournal.2026.22.3.017

Конституционный патриотизм, права человека и радикальная демократия в современном социально- политическом дискурсе

РОМАН ВАДИМОВИЧ НАГОРНЫХ

Вологодский институт права и экономики ФСИН России, Вологда, Россия, nagornikh-vipe@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4765-8550>

Аннотация. В статье проводится анализ концепций конституционного патриотизма, прав человека и радикальной демократии в их диалектической взаимосвязи и противоречии. Рассматриваются теоретические основы данных феноменов, их интерпретация в российской правовой доктрине и практике. Особое внимание уделяется проблеме баланса между коллективным суверенитетом и индивидуальной свободой, а также вызовам, которые ставит перед современным государством цифровая трансформация публичной сферы. В выводах формулируются перспективы развития данных концепций в контексте обеспечения национальной безопасности и укрепления конституционного строя Российской Федерации.

Ключевые слова: конституционный патриотизм; права человека; радикальная демократия; правовой дискурс; конституционализм; суверенитет; цифровое право.

5.7.7. Социальная и политическая философия.

Для цитирования: Нагорных Р. В. Конституционный патриотизм, права человека и радикальная демократия в современном социально-политическом дискурсе // Всероссийский научно-практический журнал социальных и гуманитарных исследований. 2026. № 3 (22). С. 134–140. doi 10.46741/sgjournal.2026.22.3.017.

Original article

Constitutional Patriotism, Human Rights and Radical Democracy in Modern Socio-Political Discourse

ROMAN V. NAGORNYKH

Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia, Vologda, Russia, nagornikh-vipe@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4765-8550>

Abstract. The article analyzes concepts of constitutional patriotism, human rights, and radical democracy in their dialectical interconnection and contradiction. The theoretical foundations of these phenomena, their interpretation in the Russian legal doctrine and practice are examined. Special attention is paid to the problem of balancing collective sovereignty and individual freedom, as well as to the challenges posed to the modern state by digital transformation of the public sphere. The conclusions formulate prospects

for the development of these concepts in the context of ensuring national security and strengthening the constitutional order of the Russian Federation.

Keywords: constitutional patriotism; human rights; radical democracy; legal discourse; constitutionalism; sovereignty; digital law.

5.7.7. Social and political philosophy.

For citation: Nagornykh R.V. Constitutional patriotism, human rights and radical democracy in modern socio-political discourse. *All-Russian Research and Practice Journal of Studies in Social Sciences and Humanities*, 2026, no. 3 (22), pp. 134–140. doi 10.46741/sjournal.2026.22.3.017.

В современном многообразии философских воззрений и политико-правовых концепций все большую популярность приобретают идеи суверенизации национальных государств. Кризис парадигмы глобализма на фоне размывания в либеральных обществах традиционных форм гражданской идентичности ставит перед современными обществами задачу поиска новых оснований для легитимации власти и внутренней консолидации. В центре этих дискуссий находятся три взаимосвязанных концепта: права человека как универсальный стандарт, радикальная демократия как форма политического участия народа в политическом процессе и конституционный патриотизм как основа гражданской лояльности к существующей власти [1, с. 54].

В современной России развитие этих концепций приобрело уникальность и своеобразие. С одной стороны, сохранение общих ориентиров на развитие либеральной демократии, соблюдение прав и свобод человека, заложенных в основу политической доктрины России в 1990-е гг. и закрепленных в либеральной по своей сути Конституции Российской Федерации 1993 г. (далее – Конституция РФ), продолжает определять содержание современной российской политики, экономики и правового регулирования. С другой стороны, постепенное осознание российским обществом необходимости сохранения национальных традиционных ценностей и, соответственно, сохранения и развития суверенного государства, противодействия неокOLONиальной политики Глобального Запада привели к теоретической разработке новой политико-правовой концепции государства-цивилизации. Одним из проявлений становления концепции государства-цивилизации стало внесение в 2020 г. изменений в Конституцию РФ, связанных с суверенизацией российского государства, усилением централизованной власти, закреплении традиционных общественных ценностей. Спустя некоторое время стало очевидно, что конституционные новеллы 2020 г. в определенной степени сгладили, но не разрешили все противоречия в обществе между силами-антагонистами.

Таким образом, современный социально-политический дискурс в рассматриваемой сфере характеризуется столкновением нескольких фундаментальных парадигм, определяющих вектор развития государственности. Российское государство по-прежнему ориентировано на сохранение либерально-индивидуалистической модели публичной власти, абсолютизирующей права человека как высшую ценность и рассматривающей демократию как неограниченную власть большинства (радикальную демократию). В противовес этому в российском социально-политическом пространстве все более просматривается усиление коммунитаристского подхода, представленного концепцией конституционного патриотизма, который утверждает приоритет национальных конституционно-правовых ценностей и национального суверенитета над абстрактными универсальными правами. При этом в условиях глобализации и цифровизации публичного пространства классическое понимание демократии и прав человека подвергается глубокому переосмыслению. В этих условиях концепция конституционного патриотизма как основа гражданской идентичности приобретает форму общегосударственной российской идеологии [2, с. 83].

В европейской литературе идеи конституционного патриотизма (*Verfassungspatriotismus*), детально разработанные немецким философом Юргеном Хабермасом, представляют собой попытку разрешить кризис национальной идентичности в постнациональном мире [3, с. 511]. Суть концепции заключается в переносе источника легитимности государства с культурно-исторической общности на правопорядок, который воплощается, прежде всего, в демократических конституциях. По Ю. Хабермасу, «космополитическая демократия, основанная на идее вечного мира Канта, предполагает создание глобального правового порядка, объединяющего государства и устраняющего войны» [4, с. 60]. На этой основе Ю. Хабермас развивает идею конституционного патриотизма как альтернативу националистическому понятию отечества, то есть усматривает в этом продолжение традиции республиканского патриотизма.

В отличие от этнического национализма, конституционный патриотизм является инклюзивной моделью. Он не требует от гражданина отказа от его культурной, религиозной или этнической принадлежности. Единственным требованием является признание и активное участие в поддержании ценностей, закрепленных в основном законе: правового государства, демократии, разделения властей и прав человека.

Для российской правовой доктрины данная концепция имеет особое значение. Конституция РФ в Преамбуле закрепляет многонациональный народ России как носителя суверенитета и единственного источника власти. Это создает уникальную почву для развития именно гражданского, а не этнического национализма. Конституционный патриотизм позволяет интегрировать различные народы и культуры в единое правовое и политическое пространство, формируя общую для всех гражданскую нацию при сохранении этнокультурного многообразия.

Концепция конституционного патриотизма входит в определенные противоречия с универсалистской концепцией прав человека. Права человека традиционно рассматриваются как универсальный стандарт, стоящий над национальным законодательством. Однако современная политико-правовая теория все чаще сталкивается с необходимостью их контекстуализации. Абсолютизация прав человека без учета национальных правовых традиций и интересов безопасности может приводить к деструктивным последствиям.

В российском правовом пространстве права человека являются высшей ценностью (ст. 2 Конституции РФ), но их реализация неразрывно связана с обязанностями гражданина перед обществом и государством (ч. 5 ст. 29). Это положение отражает коммунитаристский подход, который представляет собой парадигму, в рамках которой либеральный индивидуализм личности уже не ставится во главу угла, а личность и ее идентичность формируются исключительно в рамках общества (общины «*community*») на основе коллективных ценностей и интересов. При этом сегодня дискуссия о соотношении коммунитаризма и прав человека в России часто касается поиска баланса между защитой традиционных ценностей, суверенитета и национальной культуры и соблюдением международных стандартов гражданских и политических свобод [5, с. 111]. Российская правовая система стремится интегрировать обе концепции, признавая безусловную ценность человеческой жизни и достоинства, но при этом подчеркивая важность социальной ответственности и единства общества.

Важной особенностью современного этапа эволюции концепции коммунитаризма является разработка ее соотношения с идеями радикальной демократии. Сегодня радикальная демократия представляет собой не просто форму правления, а политическую теорию, которая направлена на реализацию демократического идеала до его логического предела. В отличие от либеральной демократии, стремящейся к «концу политики» через консенсус и управление конфликтами, радикальная демократия признает антагонизм неотъемлемой частью политического процесса. Теоретики данного направления, такие как Шанталь Муфф и Эрнесто Лакло, утверждают, что «демократия требует предоставления возможности про-

явления антагонизмов» и что «политика касается коллективной организации антагонизмов» [6, с. 188]. Представители данного направления выступают за создание «демократической цепи эквиваленций», где различные протестные движения объединяются против общего противника (например, политического истеблишмента), чтобы артикулировать «популистский момент» [7, с. 55] и бросить вызов существующему гегемонистскому порядку.

В общем плане проблема соотношения коммунитаризма и радикальной демократии заключается в поиске баланса между коллективным самосознанием и индивидуальной свободой. Если узкий коммунитаризм рискует скатиться к авторитаризму большинства, то либеральный республиканизм и делиберативная демократия предлагают институциональные гарантии защиты личности от произвола как со стороны государства, так и со стороны самого общества [8, с. 93].

В этом контексте крайне важен анализ Карла Шмитта, который в своей фундаментальной работе «Государство и политическая форма» (1928 г.) показал обратную сторону неограниченной демократии. Для него сувереном является тот, «кто принимает решение о чрезвычайном положении» [9, с. 89, 119]. Радикальная демократия, стремящаяся к абсолютной реализации воли народа, неизбежно сталкивается с необходимостью либо подавлять своих противников (превращая их во «врагов»), либо делегировать чрезвычайные полномочия лидеру для наведения порядка. Таким образом, она содержит в себе «демократический» потенциал саморазрушения и перехода к авторитаризму.

В этом контексте именно конституционный патриотизм выступает как необходимый ограничитель для радикальной демократии. Он утверждает, что источником власти является народ, однако реализует он эту власть не напрямую, а через установленные законом институты в рамках конституционного пространства. Суверенитет народа, таким образом, ограничен в определенной степени суверенитетом права, а демократия становится не самоцелью, а реальным правовым инструментом для достижения целей социальной справедливости и общего блага.

Кроме того, следует учитывать, что важным фактором современного этапа развития всех социумов является цифровизация публичного пространства, которая кардинально меняет архитектуру взаимодействия между гражданином и государством [10, с. 130]. Цифровизация создает новые инструменты для реализации прямой демократии, например, такие как электронное голосование, оценка качества государственных и муниципальных услуг, рассмотрение обращений граждан. Однако при этом цифровизация порождает и новые угрозы, связанные с цифровым неравенством, уязвимостью систем и т. п.

В этом новом ландшафте концепция конституционного патриотизма приобретает новое значение. Лояльность гражданского общества теперь выражается не только в выборах раз в несколько лет, но и в повседневном цифровом поведении, например в соблюдении сетевого этикета и противодействии дезинформации. Государство в этих условиях приобретает функции гаранта цифрового суверенитета, обладающего способностью самостоятельного управления своей информационной инфраструктурой.

Таким образом, на основе проведенного анализа можно сформулировать следующие выводы, отражающие перспективы развития исследуемых концепций в современном российском социально-политическом и правовом пространстве.

1. Синтез парадигм как стратегический вектор конституционного развития. Перспективным и единственно возможным путем развития для Российской Федерации является не механический выбор между либеральным индивидуализмом и государственным патернализмом, а их диалектический синтез на основе идеологии конституционного патриотизма. Подобная модель позволяет сохранить безусловный конституционный приоритет прав и свобод человека как высшей ценности (ст. 2 Конституции РФ) и при этом наполнить его новым ответственным содержанием. В рамках такого подхода права человека рассматриваются не как абсолютная, ничем не ограниченная автономия индивида, а как система,

неразрывно связанная с обязанностями перед обществом и государством. Это позволяет преодолеть разрыв между индивидуальными интересами и общественным благом, формируя у граждан понимание того, что реализация их прав возможна только в стабильном, суверенном и сильном государстве, способном защитить эти права от внутренних и внешних угроз.

2. Укрепление институтов как императив для сдерживания рисков радикальной демократии. Для эффективного противодействия рискам, присущим радикальной демократии (таким как «тирания большинства», популизм, эрозия представительных институтов и манипулирование общественным мнением), необходимо дальнейшее целенаправленное укрепление традиционных институтов представительной демократии и независимой судебной власти. Прямая демократия, реализуемая через цифровые платформы, должна рассматриваться как важный и обязательный инструмент гражданского участия. В этих условиях ключевой задачей государства становится совершенствование законодательства, регулирующего электоральные процессы в цифровой среде, для обеспечения их прозрачности, безопасности и защищенности от внешнего и внутреннего вмешательства. Судебная система при этом должна оставаться главным гарантом верховенства права, способным эффективно защищать права меньшинств и отдельных граждан от возможных перегибов мажоритарной политики.

3. Формирование новой модели гражданской идентичности в цифровую эпоху. В условиях глобальной цифровизации публичного пространства концепция конституционного патриотизма приобретает новое, прикладное звучание. Лояльность гражданского общества к государству трансформируется из формального акта участия в выборах в повседневную цифровую реальность и практику. Подобный подход включает в себя ответственное потребление и создание контента, соблюдение сетевого этикета, критическое мышление для противодействия дезинформации и фейков, а также осознание гражданами важности защиты персональных данных как элемента личной безопасности и суверенитета национального государства. Государство в свою очередь берет на себя функцию обеспечения цифрового суверенитета, то есть осуществляет самостоятельное управление национальной информационной инфраструктурой, защищает критически важные данные и создает безопасную цифровую среду для своих граждан.

4. Конституционный патриотизм как фундамент национальной безопасности и суверенного развития. В условиях глобальной геополитической турбулентности и усиления гибридных угроз концепция конституционного патриотизма трансформируется из теоретической конструкции в важнейший практический инструмент обеспечения национальной безопасности. Конституционный патриотизм формирует консолидированное гражданское общество, обладающее устойчивой идентичностью, основанной на общих правовых ценностях и лояльности к своему государству. Такая консолидация делает общество невосприимчивым к внешним идеологическим диверсиям и попыткам его дестабилизации. Укрепление конституционного патриотизма напрямую способствует укреплению государственного суверенитета, поскольку легитимирует право государства на независимую внутреннюю и внешнюю политику, направленную на защиту национальных интересов в соответствии с волей его граждан.

Таким образом, дальнейшее развитие политической и правовой системы России лежит в плоскости прагматичного синтеза универсальных гуманистических ценностей с императивами национального суверенитета и безопасности. Конституционный патриотизм выступает в качестве идеологического стержня этого процесса, предлагая сбалансированную модель будущего, в которой сильное государство и свободный гражданин не противостоят друг другу, а являются взаимодополняющими элементами единого организма российского социума.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Нагорных Р. В. Конституционный патриотизм как политико-идеологическая основа современной российской государственности // *Ius Publicum et Privatum*. 2026. № 1 (33). С. 53–59.
2. Зорькин В. Д. Конституция РФ – правовая основа интеграции российского общества // *Государство и право*. 2022. № 2. С. 77–88.
3. European Constitutional Patriotism and Postnational Citizenship in Jürgen Habermas. URL: https://www.researchgate.net/publication/321363094_European_Constitutional_Patriotism_and_Postnational_Citizenship_in_Jurgen_Habermas (дата обращения: 17.06.2026).
4. Хабермас Ю. Вовлечение другого : очерки политической теории / пер. с нем. Ю. С. Медведева ; под ред. Д. В. Скляднева. 2-е изд., стер. СПб., 2008. 415 с.
5. Этциони А. Коммунитаризм как ключ к мировой легитимности // *Политическое управление: научный информационно-образовательный электронный журнал*. 2012. № 2 (3). С. 100–117.
6. Шмит К. Понятие политического // *Социология власти*. 2011. № 8. С. 173–190.
7. Лаклау Э. О популизме // *Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки*. 2009. № 3. С. 54–68. С. 55.
8. Шавеко Н. А. Современные республиканские концепции демократии: общие признаки и два идеальных типа // *Общественные науки и современность*. 2024. № 6. С. 83–95.
9. Шмитт К. Государство и политическая форма. М., 2010. 272 с.
10. Оботурова Н. С., Васильева Д. В. Сетевая идентичность в оптике социального признания // *Всероссийский научно-практический журнал социальных и гуманитарных исследований*. 2026. № 1 (20). С. 129–135.

REFERENCES

1. Nagornykh R.V. Constitutional patriotism as a political and ideological basis of modern Russian statehood. *Ius publicum et privatum: setevoi nauchno-prakticheskii zhurnal chastnogo i publichnogo prava = ius publicum et privatum: online scientific and practical journal of private and public law*, 2026, no. 1 (33), pp. 53–59. (In Russ.).
2. Zor'kin V.D. The Constitution of the Russian Federation – the legal basis for the integration of Russian society. *Gosudarstvo i pravo = State and Law*, 2022, no. 2, pp. 77–88. (In Russ.).
3. *European Constitutional patriotism and postnational citizenship in Jürgen Habermas*. Available at: https://www.researchgate.net/publication/321363094_European_Constitutional_Patriotism_and_Postnational_Citizenship_in_Jurgen_Habermas (accessed June 17, 2026).
4. Habermas J. *Vovlechenie drugogo: ocherki politicheskoi teorii* [The inclusion of the other: studies in political theory]. Ed. by Sklyadnev D.V. Saint Petersburg, 2008. 415 p.
5. Etzioni A. On communitarian and global sources of legitimacy. *Politicheskoe upravlenie: nauchnyi informatsionno-obrazovatel'nyi elektronnyi zhurnal = Political Management: scientific, information, and educational electronic journal*, 2012, no. 2 (3), pp. 100–117. (In Russ.).
6. Schmitt C. The concept of the political. *Sotsiologiya vlasti = Sociology of Power*, 2011, no. 8, pp. 173–190. (In Russ.).
7. Laclau E. On populism. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 12: Politicheskie nauki = Bulletin of Moscow University. Series 12: Political Sciences*, 2009, no. 3, pp. 54–68. (In Russ.).
8. Shaveko N.A. Modern republican concepts of democracy: common features and two ideal types. *Obshchestvennye nauki i sovremennost' = Social Sciences and Modernity*, 2024, no. 6, pp. 83–95. (In Russ.).
9. Schmitt C. *Gosudarstvo i politicheskaya forma* [The state and political form]. Moscow, 2010. 272 p.
10. Oboturova N.S., Vasil'eva D.V. Online identity in terms of social recognition. *Vserossiiskii nauchno-prakticheskii zhurnal sotsial'nykh i gumanitarnykh issledovaniy = All-Russian Research and Practice Journal of Studies in Social Sciences and Humanities*, 2026, no. 1 (20), pp. 129–135. (In Russ.).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

РОМАН ВАДИМОВИЧ НАГОРНЫХ – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры административно-правовых дисциплин юридического факультета Вологодского института права и экономики ФСИН России, Вологда, Россия, nagornikh-vipe@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4765-8550>

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

ROMAN V. NAGORNYKH – Doctor of Sciences (Law), Associate Professor, professor at the Department of Administrative and Legal Disciplines of the Law Faculty of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia, Vologda, Russia, nagornikh-vipe@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4765-8550>

Статья поступила 17.06.2026